

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИК

• + ВЫПУСК XX + •

Барнаул
2000

КОМИТЕТ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ТУРИЗМУ
АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

— ✕ + ВЫПУСК XX + ✕ —

Барнаул 2000

Издание
М. К. Щеглова

ББК 95
А 521

Редакция:
докт. ист. наук Скубневский В.А. (отв. ред.)
канд. ист. наук Контев А.В., Добрихина А.В.

Алтайский сборник. Вып. 20. / Ком. адм. Алт. края по культуре и туризму, Алт. отделение Российского фонда культуры, Алт. краевед. ассоц.
[Редакт.: Скубневский В.А. (отв. ред.) и др.]. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. – 304 с.

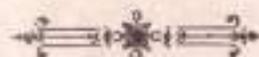
ISBN 5-85458-098-5

- © Алтайская краевая краеведческая ассоциация
- © Авторы

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПУТИ-ДОРОГИ АЛТАЯ В XVIII ВЕКЕ

С самого начала освоения русскими людьми Верхнего Приобья, в том числе и территории нынешнего Алтайского края, одной из самых актуальных проблем становится обеспечение надёжных коммуникаций, путей сообщения с центрами Российского государства, другими регионами Сибири, а также внутри самой осваиваемой территории.

В XVII в. в период первоначального проникновения русских людей в Верхнее Приобье использовались в основном водные пути. На дощаниках шёл в 1632 г. отряд Фёдора Пушина, посланного из Томска для сооружения опорного пункта в верховьях реки Обь. От Кузнецка по Томю, её притоку Кондоме выходили к бассейну реки Бии, к Телецкому озеру отряды Петра Сабанского, Бориса Зубова, атамана Дорофеева и других.

В начале XVIII в. развернулась борьба за включение всей территории Верхнего Приобья в состав Российского государства. В 1709 г. сооружается первый Бикатунский острог, в 1717 г. – Беловерская крепость, в 1718 г. – Бийская крепость. Вдоль Верхнего Иртыша один за другим создаются укрепленные опорные пункты: крепости и форпосты. В 1716–1720 годах они протянулись цепью от Омской крепости до крепости Усть-Каменогорской. Одна за другой основываются на территории Верхнего Приобья ранние русские деревни. Возникает необходимость связи их с городом Кузнецком – центром Кузнецкого уезда, в состав которого входила по мере освоения вся новоосвоенная территория от Бии и Катуня на юге до реки Берда на севере. Для обеспечения этих коммуникаций одних речных путей было недостаточно. Надо было освоить сухопутные пути-дороги. Уже в 1709 г. отряд строителей первого Бикатунского острога во главе с головой конных казаков Яковом Максюковым шёл от Кузнецка к верховьям Чумыша и дальше сухим путём до места слияния рек Бии и Катуня. Тем же путём, построив острог, его строители возвращались в Кузнецк, где срочно понадобились для отпора напавшим на Кузнецкий уезд джунгарам в августе 1709 г. Нанеся поражение кочевникам, гнали их «по калмацкой дороге» – пути неоднократно проторённому джунгарами и телеутами при набегах на Кузнецкий уезд (1).

Сухопутным путём шёл из Кузнецка в 1717 г. дворянин Иван Максюков отряд служилых людей и крестьян, построивших Беловерскую крепость. С построением в 1718 г. новой Бикатунской крепости, названной позднее Бийской, заново осваивается сухопутная дорога от Кузнецка до места слияния Бии и Катуня. В новый опорный пункт на реке Бии на несколько ме-

сницев посылались сменные команды во главе с приказником, пока крепость не обрела собственный постоянный гарнизон и жителей. Постепенно осваивается наиболее удобный путь из Кузнецка до Белоярской крепости, а от нее до расположенного значительно севернее Бердского острога, изыскиваются пути на Левобережье Верхней Оби. Сразу после сооружения Белоярской крепости её первый приказник Степан Серебрянников посылает на Левобережье команду из 50 казаков для разведки и определения местонахождения телеутов. Отряд вышел на «калмыцкую саяму» – степную дорогу, проложенную кочевниками (2).

Пути, проторенные кочевниками, неоднократно использовались русскими служилыми людьми. Использовались также найденные телеутами и джунгарями переходы и броды через реки, из которых наибольшее значение имели «перелазы» через реку Бийю близ Бийской крепости, связывающий Обское правобережье с Горным Алтаем, а также «Телеутский взвоз» – место переправы через Обь недалеко от устьев рек Касмала и Чумыш.

Большую работу по изучению территории Верхнего Приобья, наряду с администрацией и служилыми людьми, проделали русские первооселенцы Алтай: крестьяне, гулящие люди, раскопщики, промысловики, бутровщики, рудоискатели. Год за годом они проникали всё дальше на новоприобретенную к России территорию, выбирали места для поселения временными промысловыми избушками, а затем и деревнями. Довольно скоро они стали хорошо знать: как пройти, проехать в ту или иную часть Верхнего Приобья, где можно проехать в летнее время, а где только по зимнему пути, где удобнее переправляться через ту или иную реку, где следует соорудить гати, построить мосты. Крестьяне – первооселенцы, даже не особенно желавшие контактов с администрацией раскопщики-старообрядцы, не могли жить изолированно, без связей хотя бы с соседними деревнями и были заинтересованы в оборудовании дорог между населенными пунктами.

Особое значение приобрела проблема дорог с началом горно-металлургического производства на Алтае. Уже в ранний, демидовский, период понадобились дороги от рудников к Колывано-Воскресенскому заводу, а затем и Барнаульскому заводу с началом его строительства в 1739 г., освоение пути с Алтая к Московско-Сибирскому тракту, а по нему до Урала, где концентрировались основные предприятия А. Н. Демидова. Нужен был достаточно удобный и в необходимой степени оборудованный путь для вывоза выплавленной меди, перевозки других грузов. Ещё в начале строительства Колывано-Воскресенского завода определилось основное направление и маршрут этого пути: от места строительства к низовью реки Чумыш, где располагалась деревня Усть-Чумышская или Ировская. Когда в

июне 1728 г. кочевники напали на строившийся завод, ранили двух человек, угнали около 370 лошадей, руководитель строительства Никифор Клеопин укрылся именно в этой деревне: «вышесказанного страха ради неприятельского гиттен-фервальтер Клеопин со обретающимися при тех заводах людьми, оставя тою крепость в малой недостройке и зачатое заводское строение, выехал в жильё Кузнецкого ведомства Белоярской крепости в деревню Усть-Чумышскую» (3).

Маршрут этот был довольно протяженным – около 300 километров – и для обеспечения удобного проезда по нему было необходимо оборудовать промежуточные станции для отдыха людей, отдыха или смены лошадей. Этим немедленно занялись люди А. Н. Демидова. Результаты этой работы нашли отражение на ландкарте П. Чичагова и Е. Чекина, выполненной в 1729 г., в год пуска в действие Колывано-Воскресенского завода. На ландкарте обозначены: Колыванский завод, зимовье на левом берегу Чарыша (несколько позднее напротив этого зимовья на правом берегу была заведена деревня Первохарышская (ныне село Карпово I-е), зимовье на левом берегу Чарыша несколько ниже устья реки Локтевки, впадающей в Чарыш, зимовье на реке Алей, на месте которого образовалась деревня Алейская (ныне село Урюшино Алейского района), зимовья близ устья реки Касмала, которая выросла в деревню Касмалинскую (ныне посёлок Касмала Павловского района). Близ этой зимовья был перевоз через реку Обь на правый берег. Маршрут через эти пункты на ландкарте обозначен пунктирной линией от Колыванского завода до деревни Усть-Чумышской (4).

В конце августа – начале сентября 1734 г. этим маршрутом проехал со своими спутниками и охраной один из руководителей академического отряда Великой Северной экспедиции И. Г. Гмелин. Он описал этот путь в своей книге «Reise durch Sibirien...» (Путешествие через Сибирь). Проехав по верххарышским крепостям, группа И. Г. Гмелина после посещения демидовского Колывано-Воскресенского завода выехала 29 августа 1734 г. на север тем же маршрутом, который обозначил на своей ландкарте П. Чичагов в 1729 г. Остановились в небольшой деревеньке близ впадения в Чарыш реки Локтевки. Здесь пришлось задержаться из-за сильного дождя. Дороги в современном понимании тогда не было. Ехать было трудно. Через 20 вёрст от деревни Малый Чарыш лошади выдохлись и «не пошли дальше». В деревеньке на реке Алей отдохнули, переменили лошадей и отправились дальше, но через некоторое время пришлось почти всю ночь простоять из-за сильного дождя с громом и молниями. 1 сентября 1734 г. добрались до небольшой демидовской деревни на реке Барнаулке. Оттуда двинулись к устью реки Касмала, где обнаружили две маленькие деревеньки, дошли до реки Оби, через которую переправились «на большом

судне». У места переправы на правом берегу находилась ещё одна деревня. Продолжая движение на север, побывали в деревне Кашкарагайской, переправились через реку Чумыш в полтора верстах от деревни Тайменки (ныне село Тайменка – центр Тайменского района), добрались до деревни Анисимовой на реке Ульбердь, заночевали в степи у небольшого ручья, где «найди несколько берёз» развели костёр, а на следующий день дошли до деревни Легостяевой на реке Бердь (5).

Путь, пройденный группой И.Г. Гмелина, был обозначен на карте, выполненной по заданию руководителя академического отряда Великой Северной экспедиции Г.Ф. Миллера. Он проходил через Ямашевскую крепость на Иртыше, Семипалатинскую крепость, мимо «демидаевского амбара» близ впадения в Иртыш реки Шульбы, где в 1744 г. люди А.Н. Демидова начали строительство Шульбинского завода, через Усть-Каменогорскую крепость, от неё до Кольвано-Воскресенского завода, через деревни Малый Чарыш, Алейскую, Барнаульскую, Касмалинские, переправу через реку Обь на правый берег, где находилась деревня Красноярская, известная по более поздним источникам также под названием Черемная на перевозе. Дальше маршрут шёл через деревни Язову, Кашкарагайскую, Наумовы у переправы через Чумыш, Тайменскую, Кошелеву, Анисимову, Юлагино (Елунину), Легостяеву на реке Бердь, Чемскую, от которой обозначенный путь поворачивал к городу Кузнецку (6).

Этот маршрут и в дальнейшем использовался для связи Кольвано-Воскресенского завода с иртышскими крепостями и для выхода на север к Московско-Сибирскому тракту. Этот путь использовался и с началом строительства в 1739 г. Барнаульского завода. От Кольвано-Воскресенского завода ехали до деревни Барнаульской и от неё вдоль реки Барнаулки до места нового завода. Позднее этот путь спрямили, положив начало дороге, получившей название Змеиногорский тракт, связавший важнейший на Алтае Барнаульский завод и его посёлок, ставший центром горного округа, с главной сырьевой базой алтайских горно-металлургических предприятий Змеиногорским рудником.

Переход алтайских предприятий в 1747 г. в собственность российских царей, строительство новых заводов, пуск в действие новых рудников потребовали основательно заняться дорожным строительством, обеспечением транспортировки грузов и проезда людей по дорогам. Дело это было трудное, хлопотное, обременительное для населения, но в общем-то не новое для российских администраторов. Для этого имелся многовековой опыт и основные правовые нормы. Государственная ямская повинность сельского и городского населения для обеспечения перевоза администрации, послов, казённых грузов известна на Руси с конца X в. Во вто-

рой половине XV в. ямская повинность была упорядочена для обеспечения регулярной ямской гоньбы. Тяглое население было приписано к определённым ямам (станциям), из которых оно выставляло по очереди подводы, проводников, продовольствие, а также обязывалось поддерживать в порядке ямы и пути сообщения. В середине XVI в. вместо отбывания ямской повинности непосредственно крестьяне и тяглые жители городов получили разрешение наставлять «ямских охотников», которых должны были поддерживать деньгами, а при необходимости и натуральной подмогой. В XVII в. стали практиковать набор ямщиков из вольных людей. В результате в России сформировалась особая группа населения, главной повинностью которой было исполнение ямской гоньбы. От других повинностей, которые исполняли крестьяне, ямщики освобождались. Они становились особой группой служилых людей по прибору. За их «бесчестие» Соборное уложение 1649 г. – один из первых кодексов законов Российского государства – предусматривало немалый по тому времени штраф – до 5 руб. Наличие ямщиков не освобождало полностью тяглое население России от поддержания в порядке путей сообщения и поставки подвод в экстренных случаях (7).

Помимо натурального обеспечения перевозок казённых грузов и людей тяглое население России до начала XVIII в. платило один из видов государственного налога – ямские деньги. Они были отменены при Петре I. С XVI до начала XVIII в. существовало особое государственное учреждение Ямской приказ, упразднённый в 1711 г. и заменённый Ямской канцелярией (8).

В «Плакате о сборе подушных денег и прочем», подписанном Петром I 26 июня 1724 г., предусматривалось при потребности перевозок казённых грузов и людей брать крестьянские подводы за плату: зимой по 1 денеге, а летом по копейке за версту. Там же, где оборудованы ямы и есть ямщики, крестьянские подводы брать было не велено, и использовать ямские подводы (9).

Поскольку в Сибири сословие ямщиков сформировалось далеко не сразу, привлечение крестьян и посадских к ямской гоньбе было в XVIII в. постоянной практикой. В указах Петра I 1720 и 1722 годов о порядке строительстве «перспективной дороги» между Москвой и Санкт-Петербургом предусматривалось, что дорогу должны строить люди, живущие от неё не далее 50 вёрст, основные работы проводить осенью после полного окончания уборки урожая (10).

Весь этот опыт и правовые нормы были использованы для организации дорожного строительства и ямской гоньбы на Алтае Канцелярией Кольвано-Воскресенского горного начальства. Тяжесть этой работы была

возложена главным образом на крестьян, приписанных к алтайским заводам. До приписки они, как и всё татское население России, исполняли ямскую повинность. Тяжесть этой повинности для приписных крестьян усугублялась тем, что выполнялась она наряду с заводскими перевозками, обязательными конными работами и другими видами отработок в пользу заводов в счёт подушного оклада. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства старалась всеми мерами освобождать своих крестьян от наиболее обременительных государственных перевозок, используя в полную меру ямскую повинность для потребностей горно-заводских предприятий. Уже в начале своей деятельности Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства столкнулась с крайней неорганизованностью ямской службы, особенно плохо было в южной малозаселённой части округа. Подводная повинность распределялась неравномерно. Некоторые деревни, расположенные в стороне от основных путей, вообще не включались в ямскую гоньбу. Зато для крестьян других деревень эта повинность становилась чрезмерно трудной. В 1747 г. на крайнюю обременительность ямской гоньбы жаловались крестьяне деревни Алейской. В деревне было всего три двора, а подводы они гоняли мимо станцов Ивана Симонова Сова (ныне село Савинка Алейского района) и Парфёна Казанцева (ныне село Парфёново Топчихинского района) до деревни Барнаульской на 75 вёрст и на юг на 33 версты до деревни Порошихинской. Решено было подключить к исполнению этой повинности крестьян ближайших деревень. В 1748 г. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства направила в деревни ведомства Малышевской слободы служилого Ивана Шубина с заданием направить на станцы от каждой деревни по шести лошадей с санями и хомутами, с людьми во главе с десятником. Не выполнивших этот указ десятников предписывалось сковать и привезти для разбирательства в Барнаульский завод. В 1750 г. на обременительность подводной гоньбы жаловались крестьяне ведомства Бердского острога. Разобраться на месте был послан прапорщик геодезии Пимен Старцев. Он доложил, что бердские крестьяне действительно основательно загружены подводной повинностью, обслуживают дороги на Барнаульский завод и на город Кузнецк, перевоз через Обь содержит силами ивемщиков, выплачивая им ежегодно от 60 до 70 руб., мосты и перевоз на Кузнецкой дороге содержат силами крестьян нескольких деревень, выделяя по очереди до 130 человек. Пимен Старцев предложил новый порядок распределения крестьян по станцам с частичным использованием наряду с бердскими крестьян Чаусского, Малышевского и Белоярского ведомств (11).

В начале 50-х годов XVIII в. по всей территории горного округа были образованы станцы вдоль основных дорог и по ним расписаны крестьяне

ближайших деревень. За каждым станцом закреплялся определённый участок дороги, составлены списки населённых пунктов с указанием расстояния между ними. Крестьяне, приписанные к станцу, обязаны были осуществлять подводную гоньбу на закреплённом за станцом участке дороги, предоставлять подводы и возчиков проезжающим «разного чина людям» для перевозки казённых припасов, разных материалов и денежной казны. В составленных в 1753 г. росписях в Белоярском, Малышевском, Чаусском и Сосновском ведомствах было расписано по станцам 3954 души приписных крестьян. Всего в этих росписях было определено 19 станцов: станец в Белоярской слободе, Зудиловский станец в деревне Зудиловой, Заплавинский в деревне Заплавинной, Красиловский в деревне Средне-Красиловой, Максаровский в деревне Максаровой, Повалихинский в деревне Повалихе, Тальменский в деревне Тальменке, Гоньбинский в деревне Гоньба, Бердский в Бердском остроге, Дятлевский в деревне Дятлевой на реке Бердь, Медведевский в деревне Медведевой, Анисимовский в деревне Анисимовой, Легостаевский в деревне Легостаевой на Берди, Ирманский в селе Ирменском, Барнаульский в деревне Барнаульской, Касмалинский в деревне Касмалинской, Пещанский в деревне Пещаной, Малышевский в Малышевской слободе и Усть-Мерецкий в деревне Усть-Мерецкой. Крестьяне, приписанные к станцу в Белоярской слободе, должны были обеспечивать подводную гоньбу в следующих направлениях: от Белоярской слободы до Барнаульского завода зимним путём через 8,5, а летом 15 вёрст, летним и зимним путём от той же слободы до деревни Повалихи 18,5 вёрст, по новоизмеренной дороге к городу Кузнецку зимним путём до деревни Зудиловой через 10, а потом от той деревни до Заплавинского станца или зимовья в 35 вёрст, а летним путём до деревни Огурцовой через 43 версты. Обязанности крестьян, приписанных к Красиловскому, Заплавинскому и Максаровскому станцам, сосредотачивались на обеспечении связи с городом Кузнецком. В росписи об этом было записано: «Из назначенных станцов по новой размеренной к Кузнецкому городу дороге как Красиловскому, так и Максаровскому станцам подводную гоньбу надлежит иметь каждому по очереди зимним и летним путём от деревни Огурцовой Кузнецкого ведомства до деревни Тарабы расстоянием через 50 вёрст, а потом из города Кузнецка от той же деревни до Белоярской слободы через 43 версты, а Заплавинскому станцу кроме зимнего пути летним путём подводной гоньбы иметь не должны, для того, что оные крестьяне от Зудиловского станца через пустое степное место, которое имеет расстояние до Красиловского станца 70 вёрст, и на половине той дороги, то есть близ Черемшанки речки в 35-верстах для обогревания проезжающих разного чина людей построить своим иштотом большую избу с небольшою для офи-

царства комнатного и ко оной особливими сенями, тако ж для пропитания лошадей в каждый год поставкою сена около 1000 копейн».

Обширными были функции станца в деревне Касмалинской: «На Касмалинский станец, который от Гомбынской деревни в 20 верстах, а до Тальменки в 60, и до Барнаульского станца в 45 верстах, который установлен для отвозу: 1) присланных от Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства о разных делах пакетов, а едущих до Малышевской слободы и отвозу за казёнными делами разного чина людей, 2) для отвозу проезжающих из городов Тобольска, Тары и из Томска за разными казёнными делами от всяких командиров разного чина военных служителей, тако ж и военных всяких припасов, которые не заезжая в Барнаульский завод и проезжают с большой дороги через поминутую деревню на линии Колыванскую и Иртышскую через Барнаульский станец, а потом как с Иртышских крепостей, так и с Колыванского завода через оной же Барнаульский станец во оную ж деревню до Тальменского яму по тому ж проезду имеют, 3) к судовому ходу летним временем на плывущие суда по Оби реке в Барнаульский завод с припасами и ситцем, 4) оному ж станцу разъезд иметь к Малышевской слободе за отвозом разного чина людей и о разных делах пакетов до Пешанского станца через 31 версту». Важную роль в подольной гониме и связи Барнаульского посёлка (центра горного округа) с городами Кузнецком, Томском, Тобольском играл станец Бердского острога. Через станец Малышевской слободы осуществлялся вывоз на север и северо-запад к Московско-Сибирскому тракту, вывоз выплавленного серебра, золота, денежной казны и разных грузов (12).

Особое внимание было обращено на устройство станцов по дороге от Барнаульского до Колыванского завода и Змеиногорского рудника. По этой дороге шёл основной поток заводских грузов и прежде всего руды. Первоначально использовался маршрут, проложенный ещё прикащиками А.Н. Демидова. Из Барнаульского завода ехали к деревне Барнаульской, которую всё чаще стали называть Барнаульским станцом. От этого станца дорога шла через станец Парфёна Казанцева, который стали называть Парфёновским станцом или зимовьем. Дальше к югу был Савинский станец (Савинское зимовье), известный уже в 1747 г. под названием станца Ивана Симонова Сова. От него дорога продолжалась до деревни Алейской (Урюпинной) и дальше к реке Чарыш. В мае 1748 г. по этому пути проехал первый начальник Колывано-Воскресенских заводов генерал-майор А.В. Бэр в сопровождении ассессора А.Н. Порошина. Они побывали также в ряде чарышских деревень, через которые проходила путь к Колывано-Воскресенскому заводу и рудникам (13).

Первоначально доставка руды на Барнаульский завод осуществлялась

возным путём. От рудников руду подвозили к деревне Первоцарышской, где ещё в демидовское время была устроена пристань. От неё руду везли на больших ложах по Чарышу и дальше по Оби. В 1747 г. Первоцарышская пристань из-за обмеления Чарыша потеряла значение. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, используя значительное увеличение числа крестьян, приписанных к заводам по указу от 1 мая 1747 г., переключила основной поток руды на гужевой транспорт. Однако вскоре по мере развёртывания производства на Барнаульском заводе пришлось вернуться к доставке руды водным путём. Понадобилось соорудить новую пристань на реке Чарыш ниже обмелевших участков. Место для новой пристани было найдено осенью 1748 г. солдатом Костылевым на Красном яру – возвышенном берегу Чарыша в двух верстах выше деревни Тутозвоновой. Руководить строительством новой Красноярской пристани было поручено Ивану Ивановичу Пошунову. Руду к новой пристани от рудников подвозили гужевым транспортом (14).

Для обеспечения сочетания гужевой и водной транспортировки в пределах бассейна реки Чарыш были организованы станцы, к которым приписали крестьян ближайших деревень. В 1752 г. была составлена «Роспись, где станцы учреждены и каких деревень живущих по Чарышу и Оби вновь поселённых и старожилов приписаны и кто имени, в каком расстоянии станец от станца состоит для проваживания коломонок с рудою с Красноярской пристани до Барнаульского завода» (15).

Строительство новых заводов немедленно ставило в повестку дня обеспечение их надёжной связью с сырьевой базой рудников, с центром горного округа Барнаульским заводом и его посёлком. В 1743 г. было начато строительство третьего на Алтае Павловского серебродолавильного завода. К его строительству привлекли мастеровых и работных людей, и также более тысячи приписных крестьян. От притока людей, гужевого транспорта жившие рядом с новым заводом крестьяне деревни Урывской вынуждены были просить разрешения переехать всей деревней на новое место к озеру Песчаному в бассейне реки Барнаулки, что им и разрешили (16).

С пуском нового завода в действие дорога к нему от Барнаульского завода становится всё более оживлённой. На 59-километровом пути понадобилось заведение промежуточных станцов. Таковыми стали зимовья Владиславина и Шаховской станец. Сколько-нибудь заметного желания поселиться в этих пунктах крестьяне окрестных деревень не проявили.хлопотно было жить на пути большого грузопотока и нести обременительную подводную повинность. Поэтому горно-заводское начальство пошло на принудительное заселение новых станцов. В 1771 г. на Шаховской станец по указу Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства были

поселены крестьянны деревни Атамановой ведомства Бердского острога Степан Тюленев и крестьянин деревни Малой Угрёной Бийского ведомства Дмитрий Ботвинкин, а в 1777 г. Алексей Фликов за самовольный переезд из деревни Бехтемирской в деревню Уршскую (17).

К 1771 г. относится наиболее раннее документальное свидетельство о заимке Власихинной. Она была обозначена на плане реки Барнаулки, выпущенном шхтмейстером Петром Ветчинным. Заимка эта указана в списке населённых пунктов 1782 г., но в переписи пятой ревизии 1795 г. её нет. Вероятно постоянного населения на заимке не было. Только в 1799 г. по указу Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства заимка была заселена окончательно. На неё поселили три семьи из Барнаула: Семёна Урова, Логина Чанцева и Петра Малахова – мастеровых вышедших в отставку (18).

Так было положено начало нынешним сёлам Шахи и Власиха, через которые и ныне проходит дорога от города Барнаула до села Павловска – центра Павловского района.

В 1764 г. на притоке Оби реке Нижний Сузун было начато строительство Сузунского медеплавильного завода и монетного двора при нём. В августе 1766 г. здесь была выпущена первая сибирская монета. Связь Сузунского комплекса с Барнаульским заводом, другими заводами и рудниками, оборудование путей подвоза руды и других грузов приобрели большое значение для нормального функционирования всей производственной, хозяйственной системы Колывано-Воскресенского горного округа. Были приняты меры по усовершенствованию пути от Барнаула до Сузуна через станции Гоньбинский, Касмалинский, Усть-Мерезский и Мальшевский.

В середине 60-х годов XVIII в. была начата работа по прокладке дороги от Барнаульского завода через Кулундинскую и Барабинскую степи до Каннского форпоста. Новая дорога должна была значительно сократить путь от центра Колывано-Воскресенского горного округа до Европейской части России. Дорога через Бердский и Чауский остроги продолжала бы использоваться для связи с Томском и северной частью округа, но для проезда в Москву, Санкт-Петербург, на Урал через Каннский форпост была короче. 27 мая 1765 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства обратилась в императорский Кабинет с предложением о прокладке Каннской дороги и поселении на ней отставных солдат и мастеровых для обеспечения этой дороги людьми, обязанными осуществлять ямскую гоньбу. Для определения маршрута дороги и изыскания мест поселения людей, подведомственных Колывано-Воскресенскому горному начальству был направлен подпоручик Пимен Попов. В краевом архиве сохранилось «Дело о посылке подпоручика Пимена Попова для измерения от Барнаульского завода

по Барабинской степи к Каннскому форпосту прямой дороги и описания по той дороге удобных и способных к поселению отставных горных заводских и батальонных служителей мест». 1 февраля 1766 г. Пимен Попов представил в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства рапорт о проделанной работе. Он писал: «К Каннскому форпосту от Барнаульского завода дорогу измерил, и какими местами она должна быть, тако же на каких реках надлежит учредить перевозы, а через малые реки и болота мосты и гати, какой величины где какие уголья к поселению и житию человеческому и к скотоводству способных мест, оным сочинена ландкарта». К рапорту и ландкарте было приложено подробное описание нового тракта. Тракт должен был проходить следующим маршрутом. От Барнаульского завода до Ново-Павловского завода – 51 верста, от Ново-Павловского завода до деревни Шелаболихи – 20 вёрст, от Шелаболихи до реки Кучук, на которой предлагалось завести новую деревню – 14 вёрст, от реки Кучук до реки Олешихи, где тоже предлагалось завести деревню – 38 вёрст, от Олешихи до деревни Тюменцевой – 20 вёрст, от Тюменцевой до озёр Бузитова и Утичьа – 15 вёрст, от этих озёр до деревни Корниловой – 21 верста, от Корниловой до боржав у речки Озёрной, впадающей в реку Прослапуху – 16 вёрст, от реки Озёрной до Разломной гривы, называемой Кулундинской, где предлагалось завести зимовье – 12 вёрст, от Разломной гривы до деревни Панкрушихи – 28 вёрст, от Панкрушихи через Бурлинский бор до дубравы к реке Карасук – 37,5 вёрст, от реки Карасук до озёр Гусиного и Камышного – 20 вёрст 50 сажен, от этих озёр до речки Опашки, впадающей в реку Баган – 21 верста 300 сажен, от реки Баган до озера Горнасталёва, где назначено быть деревне – 4,5 версты, от озера Горнасталёва до реки Чулым – 21,5 версты, от реки Чулым до реки Каргат – 10 вёрст 450 сажен, от реки Каргат до озера Чичи – 4 версты, от озера Чичи до озера Узунгол – 15 вёрст 350 сажен, от этого озера до реки Сартланки – 14 вёрст, от реки Сартланки до озера Перешеечного – 15 вёрст 100 сажен, от озера Перешеечного до речки Озёрной – 15 вёрст, от реки Озёрной до озера Саранул – 20 вёрст, от этого озера до Каннского форпоста – 9 вёрст 150 сажен. Протяженность всего Каннского тракта, промеренного до саженей составляла 478 вёрст 450 саженей. Поскольку южная часть Барабинской степи была населена очень мало, и линия нового тракта проходила по неосвоенным русскими людьми местам, а немногочисленные группы барабинских татар не были подвластны Колывано-Воскресенскому начальству, непременно условием функционирования тракта было образование на нём станцов, деревень и заимок, жители которых обслуживали бы движение по новой дороге. Пимен Попов наметил места расположения по тракту 17 населённых пунктов, рассчитанных в общей сложности на образование 353 дворов (19).

Заселить эти деревни и станицы предполагалось первоначально отставными мастеравыми и военнослужашими, но их оказалось недостаточно. Поэтому начальство горного округа стало предлагать приписным крестьянам поселиться по новому тракту. Однако, поскольку в пределах Кольвано-Воскресенского округа оставалось ещё немало мест, куда более привлекали, чем полупустая, необжитая Барабинская степь, желающих поселиться на ней оказалось немного, и окружное начальство в ряде случаев практиковало насильственное переселение. Так, в 1773 г. чаусским крестьянам Ведерникову, Елину и Устюженину, после отказа в поселении у деревни Панкрушихи, было предложено, «а не пожелают ли оные поселиться на вновь проложенной отсюда к Канискому форпосту дороге, а именно на речках Кучук, Олешихе, Озёрной, Карасуке, Опачихе, Багане, Сарталайке, при озёрах Булатовых, Гусиных, Горском» (20).

В том же 1773 г. Степан Устюженин поселился у озера Горносталява. С ним вместе поселились крестьяне деревни Черемшанской ведомства Чаусского острога Еремей Елин, Пётр Пирогозов и Герасим Маслаков. На Каниской дороге возникла деревня Горносталява (21).

В 1774 г. крестьянин деревни Сарапуловой ведомства Каниского форпоста Иван Сарапулов с сыном Панфилом самовольно поселился в деревню Овечкину ведомства Малышевской слободы. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства приказала наказать самовольных переселенцев плетью, из деревни Овечкиной «немедленно вывезти и поселить на проложенную дорогу на незаселённое место на реке Багане». Наказание было учинено и как значится в сообщении об этом, Панфил Сарапулов «изъявил желание вместе с отцом и семьёй поселиться на новой дороге на реке Чулыме от озера Горносталява в 25 верстах». Начальство не возражало заменить реку Баган на реку Чулым (22). На реке Чулым возникла в результате этого деревня Чулымская. Ныне это село Нижний Чулым Новосибирской области.

Первоначально было решено, что новые деревни, которые будут заведены на Барабинской степи южнее реки Карасук, войдут в ведомство Малышевской слободы, а деревни, расположенные от реки Карасук на север до Каниского форпоста, станут относиться к ведомству Чаусского острога. 17 ноября 1774 г. Малышевская земская изба обратилась в Канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства с предложением перевести всех новопоселенцев на Каниской дороге в её ведомство. Сами новопоселенцы были с этим согласны. Вопрос поручили изучить на месте бергшюрену Ивану Чернышину. Он поддержал предложение Малышевской земской избы. От новых деревень, основанных севернее реки Карасук, не было прямой дороги к Чаусскому острогу и, чтобы добраться до него, приходи-

лось ехать к Московско-Сибирскому тракту и лишь оттуда к Чаусскому острогу, преодолевая от некоторых деревень не менее 400 вёрст. К тому же путь этот проходил по территории, не подведомственной Кольвано-Воскресенскому горному начальству, «мужого ведомства населёнными деревнями, в коих от живущих могут иногда быть изнурения и обиды». «А когда под Малышевское ведомство приписаны будут, то такого дальнего переезду и прочего избавятся, сверх же того в проезде их как в работы, так и за возкою заводских руд по новоучреждённой прямой дороге земское правление будет на пути» (23).

Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства приняла решение о включении новых деревень на Барабе в Малышевское ведомство. А после разукрупнения слободских ведомств в начале 80-х годов XVIII в. приписные деревни на Барабинской степи были включены в Буралинскую слободу, переименованную вместе с другими слободами заводского ведомства в начале XIX в. в Буралинскую волость.

Во второй половине XVIII в. были приняты меры по прокладке нового пути от Барнаула к Кузнецку. Если раньше, как явствует из росписей 1753 г., этот путь шёл вдоль реки Чумыш, то вместо него был избран более прямой через Байско-Чумышскую возвышенность. Это стало возможным благодаря освоению русскими крестьянами всего бассейна реки Лосихи. С возникновением деревень Косихиной, Пустынской, Малаховой, Жилиной, Верх-Жилиной и других Обско-Чумышское междуречье перестало быть безлюдным, и новая дорога могла теперь идти по обжитым местам, а проезжающие по этой дороге люди останавливаться в существующих деревнях. Возникают на этом пути и пункты, специально ориентированные на обеспечение более удобного движения людей и грузов. Уже в третью ревизию 1763 г. в самом верховье реки Лосихи был учтён Лосихинский станец, в котором тогда насчитывалось всего 4 ревизских души мужского пола (24). Расположенный в удобном месте, на новом пути, Лосихинский станец стал расти. В четвёртую ревизию 1782 г. в нём насчитывалось уже 34 мужских души, а в пятую ревизию 1795 г. – 39 мужских душ. Ко времени шестой ревизии 1811 г. население Лосихинского станца почти удвоилось, в нём учли 62 мужские ревизские души (25). Ныне это село Лосиха Косихинского района.

В пятую ревизию 1795 г. был впервые учтён Глушихинский переезд на реке Жилихе, притоке Лосихи и в нём 24 души мужского пола (26). В восьмую ревизию 1834 г. в деревне Глушихинской насчитывалось 69 жителей, в том числе 34 мужского пола (27). Ныне это село Глушиха Косихинского района. На рубеже XVIII – XIX вв. был основан ещё один пункт на этой дороге – Масларовский переезд. Первым поселился в нём крестья-

янии из деревни Петрушихи Пётр Лапин в 1800 г., а в 1801 г. туда вселилась большая группа крестьян из деревни Погорельской во главе с Иваном Тонковым и из деревни Дмитро-Титовой крестьяне Зыряновы с родственниками и односельчанами. В последующие годы прибывали новые поселенцы из деревень Погорельской и Петрушихи. В шестую ревизию 1811 г. в деревне Макаровский переезда учли 72 мужские души (28). Село Макарово в последний раз было учтено в перепись 1979 г. в составе Кытмановского района.

Не оставалась без внимания и освоенная ещё в первой четверти XVIII в. дорога из Барнаульского посёлка и Белоярской слободы на север к Бердскому острогу. В 1775 г. крестьянин деревни Повалихи Удорцев «с товарищем» попросили разрешения переселиться из этой деревни на другое место. Им было отказано на том основании, что через Повалиху «как зимою, так и летом имеется проезжая дорога и учреждён весьма надобный станец, почему не только из оной людей выпускать, но ещё приумножить должно» (29).

Связь между двумя первыми в Верхнем Приобье крепостями: Белоярской и Бийской осуществлялась первоначально по бездорожью через совершенно незаселённую территорию. Да и связь эта была редкой и не очень актуальной. Приказчики этих крепостей непосредственно связывались с Кузнецкой воеводской канцелярией в городе Кузнецке. Постепенно обстановка менялась. В 20-30-х годах XVIII в. возникает до десятка деревень на пути между Бийской и Белоярской крепостями. Стали ездить через деревни Савинюву, Соколову, Комарову, Шипунову вверх вдоль реки Иткуль, а дальше к деревням Большой Речке, Бобровской, Фирсовой, Санниковой, Чесноковской до Белоярской крепости. Неудобна была северная часть этого пути по бору. Было необходимо отодвинуть северную часть Бийско-Белоярского пути от поймы реки Оби на восток. Это стало возможным с освоением крестьянами бассейнов рек Большой Речки с её притоком речкой Боровлянской, Бобровки, Лосихи, Чесноковки. На реке Чесноковке ещё в конце 30-х годов возникла деревня Бажова. К 1751 г. относится наиболее раннее известие о деревне Бажовой на реке Лосихе. В 1756 г. стала известной деревня Овчинникова на реке Бобровке. В 1757 г. несколько крестьян из деревень Бажовой, Фирсовой, Калманской попросили разрешение поселиться на реку Большую Речку в 30 верстах от деревни Овчинниковой, «мимо которого места свободно может проезд в Бийскую крепость и через оное к Бийской крепости геодезии прапорщик Пимен Старцев и дорогу измерил» (30).

Переселение разрешили и при впадении речки Боровлянки в Большую Речку возникла деревня Боровлянская. В 1761 г. при росписи приписных

крестьян ведомства Белоярской слободы по сотням на случай военной опасности жители деревни Боровлянки были включены в первую сотню (31). Ко времени четвёртой ревизии 1782 г. эта деревня не сохранилась. В ревизской сказке было записано: «Оная ныне не имеется и написанные по последней 1763 года ревизии в той деревне жители по указы бывшей Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства причислены в Красноярскую и Бийскую слободы» (32). Однако свою роль первых русских людей, начавших освоение речки Боровлянки, эти крестьяне сыграли. И это было важно, поскольку от Бийской крепости вдоль реки Иткуль через эту речку шла наиболее удобная дорога к Белоярской слободе и Барнаульскому заводу. В 1759 г. развернулись работы по прокладке тракта между Бийской крепостью и Барнаульским посёлком (33). Этот тракт должен был надёжно соединить центр Колывано-Воскресенского горного округа с одним из важнейших пунктов Южно-Сибирской военной линии Бийской крепостью, где располагалась Бийская комендантская канцелярия.

Российские дороги XVIII в. невозможно сравнивать с нынешними дорогами и трактами, предназначенными для движения автомобильного транспорта. На дорогах того времени не было никакого твёрдого покрытия. Это были грунтовые дороги, которые летом при сухой погоде были вполне пригодными, а при дождливой погоде, особенно весной и осенью, часто совершенно непролазными. Степень обеспечения дорог ямскими станциями и ямской службой были далеко не одинаковыми. В.Н. Татищев в своём известном труде «Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский», составленном в первой половине XVIII в. выделял дороги трёх качеств: «1) большие, по которым устроены ямы, почтовые станы, дворцы и верстовые столбы. Оных от Москвы считается семь, яко Петербургская, Переяславская или Вологодская, Владимирская и до Казани, Тамбовская и до Астрахани, Воронежская, Киевская и Смоленская, 2) проезжие от города до города, по некоторым и почтовые станы учреждены и столбы верстовые поставлены, и оных никто без указа переложить не может, 3) просёлочные дорог между деревнями, которые содержатся тех земель владельцами и переносятся по их воле» (34).

Среди основных дорог В.Н. Татищев не назвал Московско-Сибирского тракта, который в XVIII в. только обустроивался и только к концу столетия был проведён через всю Сибирь до Охотска. На нём сосредотачивался основной грузопоток из Европейской России в Сибирь и обратно. По степени благоустроенности этот тракт в XVIII в. не достигал степени дорог первого качества, о которых писал В.Н. Татищев. Он состоял как бы из суммы дорог второго качества — «проезжих» — и благоустройство его участков было различным. В Верхнем Приобье, в пределах Колывано-Вос-

красненского горного округа качество дорог также было не одинаковым. В документах XVIII в. проезжими дорогами, т.е. дорогами второго качества, называются дороги от Барнаула и Белоусовска до Бердского и Чаусского острогов, дорога от Барнаула до Кузнецка, от Барнаула до Бийска, Змеиногорский и Канский тракты. Остальные дороги Алтая были просёлочными, которыми алтайское окружное начальство практически почти не занималось. Забота об этих дорогах лежала на крестьянах расположенных на них деревень и сёл.

Основной тяглой, транспортной силой на дорогах России в XVIII в. была лошадь. В ряде мест активно использовались вола, особенно на юге России, на Украине. В Сибири с её дорогами и расстояниями вола не подходили. Лошадь по сравнению с волами была более подвижной, быстрой. Лошадь была основным, если даже не единственным, транспортным животным и пределах Колывано-Воскресенского горного округа. Основное движение пассажиров и грузопотока на дорогах России и Сибири приходилось на зимнее время, когда снег и лёд сглаживали недостатки грунтовых дорог, позволяли переезжать реки и озёра без мостов и перевозов. Но зимняя дорога была хороша, когда не было большого снегопада, бурянов и метелей. Морозов российские ямщики, особенно сибиряки, не боялись. Но бури и метели часто создавали большие трудности, задерживали в пути, а то и грозили гибелью тем, кто отваживался в лютую зимнюю непогоду отправляться в путь. На Алтае зимняя непогода нередко тормозила работу приказных крестьян, перевозивших в счёт обязательной повинности руду и другие грузы. Мешала непогода и в хозяйственной жизни крестьян. В 1772 г. крестьяне деревни Пещанской Бийского ведомства (ныне село Пещанное Смоленского района) жаловались, что из-за недостатка сенокосов вблизи деревни приходится заготавливать сено у рек Чарыша, Буланыхи, Камышенки расстоянием от 30 до 80 вёрст от Пещаной и ездить за заготовленным сеном далеко не всегда безопасно: «в случае зимним временем бывают великие метелицы как на Буланыху и Камышенку за тем сеном и в благополучное время поедут, а на дороге иногда и время не допустит до сена доехать или с сеном по немменно лесов захватывают великие метелицы и принуждено им бывает проживать на одном месте дни по два и по три» (35).

Движение на основных и просёлочных дорогах Алтая не прекращалось и тогда, когда земля была свободна от снега, а реки и озёра от льда. Только грузопоток был меньшим, особенно руднично-заводских грузов. Поэтому приходилось постоянно заботиться о сооружении и обслуживании перевозов через большие реки, мостов и гатей. Густая гидросеть Верхнего Приобья, обилие озёр, рек, речек, ручьёв, болот без такой постоян-

ной заботы делали бы территорию горного округа лишённой всякой возможности коммуникаций. В 1757 г. в Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства была подготовлена справка о разных повинностях приказных крестьян, помимо заводских отработок. В справке в числе «мирских тягостей» были отмечены обязанности выполнения «подводной гонимы, содержание через реки перевозов и починка оных и мостов» (36).

Перевозы, мосты, гати сооружались по всей территории горного округа и в единственной в то время в Верхнем Приобье государственной Смоленской волости. В краевом архиве сохранился интересный документ, название которого есть смысл привести полностью: «Ведомость, učinённая в Смоленской земской избе: сколько ведения оной селений и сколько в таком селении жительствующих мужеска и женска полу больших и малолетних человек, сколько при каких селениях и на каких реках мельниц, мостов, перевозов и гатей, через какие урочища или реки и во сколькох верстах от какого к какому ехавши селению на больших и простояющих дорогах, то есть от города к городу, и по которым почты отправяемы бывають». Сопроводительное письмо к этой ведомости старшины Андрей Попова датировано 11 ноября 1792 г. Согласно этой ведомости в Смоленской волости было 22 населённых пункта, 4 церкви, 482 дома, 2434 жителя, в том числе 1127 мужского и 1307 женского пола, 22 мельницы, 37 мостов, 5 перевозов и 32 гати. Перевозы были устроены через реку Обь в 4 верстах от деревни Иконниковой, через реку Песчаную, через реку Ануй близ крепости Ануйской и два перевоза через реку Нена у Новиковского маяка и у деревни Ажанской. Один из мостов через реку Поверечную был в самом селе Смоленском, расположенном по обе стороны этой реки, а второй мост в одной версте от села на линейной дороге, которая шла вдоль Бийской части Колывано-Кузнецкой военной линии между крепостями, форпостами и маяками. Остальные мосты были сооружены через реки Быструшку, Чемровку, Ажнику, через болота, согра и лога, которые, особенно весной в половодье и летом при большой воде от таяния снегов в Алтайских горах, заволакивались водой и переехать через них без мостов было невозможно (37).

В том же деле имеются подобные ведомости по всем слободским ведомствам, входившим, как и Смоленская волость, в состав Бийского уезда, занимавшего в то время около двух третей нынешней территории Алтайского края. По этим ведомостям в слободах (с начала XIX в. они стали называться волостями): Барнаульской, Боронлянской, Касмалинской, Тальменской, Уксунайской, Чумышской, Бийской, Шадринской и в Смоленской волости было 273 населённых пункта, в них 4497 дворов, 29042 жителя, 322 мельницы и 320 мостов. Особенно много мостов – 71 насчитыва-

лось в Боровалинской слободе с её густой гидросетью, включавшей реки Чумыш и Бердь с их крупными и мелкими притоками. 41 мост был в Барнаульской слободе, через которую несла свои воды река Обь от деревни Нижне-Соколовой до деревни Бурановой, нижние течения крупных притоков Оби: Алея и Чарыш с густой сетью впадающих в них рек и речек. На территории этой слободы ныне размещаются полностью или частично районы: Алейский, Калманский, Топчихинский, Усть-Пристанский и Петропавловский. Через эту слободу проходила дорога от Змеиногорского рудника до Барнаула (Змеиногорский тракт). Отсюда и особая забота о строительстве и содержании мостов не только со стороны местного населения, но и администрации горного округа. Каждый мост был закреплён за крестьянами ближайших деревень. Только жители деревни Чистоньской содержали 5 мостов. Крестьяне села Кашино должны были заботиться о трёх мостах. У крестьян деревни Вяткиной под присмотром было также три моста. По два моста опекали крестьяне каждой из семи деревень, входивших в Барнаульскую слободу. Из 37 населённых пунктов этой слободы мосты были расписаны по 26 деревням. Да и крестьяне других деревень, вблизи которых не было мостов, часто привлекались к обслуживанию дорог, перевозов, мостов и гатей (38).

Приведённый в этой статье документальный материал далеко не исчерпывает сохранившихся в фондах ЦХАФ АК сведений о дорожном строительстве в Колывано-Воскресенском горном округе в XVIII в. Но и его, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы историко-алтайских дорог считать не с конца XIX, а с начала XVIII в. Надеюсь, что содержание этой статьи будет полезно для тех, кто интересуется историей Алтай, а историков-краеведов побудит заняться дальнейшим исследованием истории дорожного строительства на Алтае.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ, книга 1660. Л. 1.
2. РГАДА. Ф. 1134. Кузнецкая комендантская канцелярия. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
3. РГАДА. Ф. 248. Правительствующий Сенат. Оп. 4. Д. 725. Л. 383.
4. Архив Российской Академии наук. Рукописный отдел, собрание карт, № 112.
5. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Erster Theil. Göttingen, 1751. S. 254-265.
6. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-1754. Оп. 2. Д. 17.
7. Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. Ст. 890-891.

8. Там же. Ст. 891.

9. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 205.
10. Дороги и судьбы. Барнаул, 1997. С. 3.
11. Булыгин Ю.С. Приписная деревня Алтай в XVIII веке. Ч. 1. Барнаул, 1997. С. 115-118.
12. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 264-334.
13. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 19-20.
14. Савельева Н.Я. Сыны Алтай и Отечества. Ч. II: Механикус Иван Ползунов. Барнаул, 1988. С. 20 и последующие.
15. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 300.
16. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 370. Л. 134-135.
17. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188. Л. 1159.
18. Булыгин Ю.С. 200 лет со времени заселения Власихинской таймы, с которой началось нынешнее село Власиха // Барнаульский хронограф: Календарь знаменательных и памятных дат. 1999 год. Барнаул, 1999. С. 22.
19. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 556. Л. 124-130.
20. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 620. Л. 219-222.
21. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 154.
22. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 667. Л. 112-120. Там же. Ф. 169. Оп. 1. Д. 182. Л. 156.
23. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 152-155.
24. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 151. Л. 237.
25. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1233. Л. 154-156.
26. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 822. Л. 68.
27. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 130.
28. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1233. Л. 235-237.
29. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Л. 248.
30. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. Л. 126.
31. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 284.
32. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221. Л. 952.
33. Исаев С.Ю. Бийск: острог, крепость, город Бийск. Бийск, 1999. С. 123.
34. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 267.
35. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 402.
36. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 283.
37. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 39-41.
38. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 39-101.

ИСТОРИЯ ГОРНОЙ ПОЛИЦИИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДОВ В XVIII ВЕКЕ

Начиная с Петра I, российские монархи и их окружение рассматривали армию как наиболее совершенный элемент регулярного государства, образцовую модель для организации гражданской службы. В XVIII – первой половине XIX в. военизация охватила управление тех отраслей хозяйства, которые были призваны обеспечивать безопасность страны, эксплуатацию важнейших природных ресурсов, финансовые интересы государства и его главы. Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири представлял собой региональный вариант военизированного управления горно-металлургической промышленностью России. Военный стиль руководства стал неотъемлемым компонентом местной административной системы.

Процесс утверждения военно-горного строя на Колывано-Воскресенских заводах охватил 40-90-е гг. XVIII в. Его структура определялась прежде всего военным статусом горных инженеров и мастеровых, военным судом, горным батальоном, горной полицией. Все эти атрибуты военно-горного строя формировались в асинхронном порядке. Например, в середине 60-х гг. XVIII в. было образовано ведомственное военизированное подразделение – Колывано-Воскресенский батальон. В 1777 г. возник постоянно действующий военный суд, который с 1780 г. начал регулярно применяться в отношении мастеровых и рабочих людей. Организация ведомственной горной полиции продолжалась до 1785-1787 гг. Ее формирование имело непосредственное отношение к Колывано-Воскресенскому батальону. Достоверные сведения о существовании и деятельности полиции при Колывано-Воскресенских заводах относятся к 50-70-м гг. XVIII в.

Общее полицейское руководство на кабинетских предприятиях Западной Сибири в соответствии с Полцимейстерской инструкцией изначально осуществляла Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Управление полицией по Барнаулу было возложено на Комиссарское правление. На протяжении 50-х гг. XVIII в. в его составе действовало отраслевое повятье под названием «полицейских дел». Его работу возглавлял и координировал горный офицер. Аналогичные подразделения функционировали при Колыванской заводской и Змеиногорской рудничной конторах под началом также горных офицеров или унтер-шихтмейстеров. На практике нередко имело место совмещение полицейской должности с другими обязанностями. Так, в 1755 г. «полицейскими делами» Комиссарского прав-

ления руководил шихтмейстер В. Безр. Он же имел смотрение «над приходом и расходом денежной казны, серебром и золотом, и збором подушного оклада и расположением за оной в заводские работы». В 1760 г. колыванскую полицию курировал шихтмейстер Н. Бахорев, одновременно занимаемая должность вальдмейстера (смотрителя лесов и куренных работ). Функции нижних полицейских чинов были вверены унтер-офицерам, рядовым расквартированных по горнозаводскому поселкам военных команд, сибирским казакам и артиллерийским служащим (1). В июне 1760 г. в Канцелярию горного начальства была командирована команда янских казаков во главе с хорунжим И. Крышкиным для помочи «шатающихся по степям около Касмалы и других мест из заводских мастеровых и рабочих людей и крестьян» (2). Полицейские обязанности исполняли также выборные от барнаульских посадских и цеховых людей сотники, пятидесятники, десятники (в частности их привлекали к содержанию «беглых караволов»). Их ежегодно выбирали в посадской и цеховой земских избах (с 1759 г. – в единой посадской земской избе) (3). По военным свидетельствам полицейские сотники и десятники были у мастеровых. С освобождением в 1761 г. от государственных повинностей мастеровых и рабочих людей перестали использовать в полиции.

Судя по документам начала 60-х гг. XVIII в., Комиссарское правление было отстранено от руководства полицией поселка Барнаульского завода. На непродолжительное время «полицейские дела» стали структурным подразделением Канцелярии горного начальства. Им же заведовал «надзиратель щетов» (бухгалтер) К. Голубцов (4).

С образованием в ноябре 1762 г. ведомственного военизированного подразделения последовали существенные подвижки в полицейском управлении заводами и рудниками Алтая. Постепенно оно отошло к военнопослужащим. В их руках полицейское руководство стало более специализированным. В Барнауле «полицейские дела» поступили в ведение секундмайора К. Шанского (5). Несколько позднее на их основе оформилось Барнаульское полицейское правление. Оно располагалось в «каморах» канцелярии Колывано-Воскресенского батальона и возглавлялось его командиром М. Аболтинным. В своих действиях он опирался на 4-х унтер-офицеров и 8 солдат (данные на декабрь 1779 г.), а также как и прежде на выборных от посадской общины десятников и сотников (6). В июле 1775 г. «для облегчения в горном производстве канторских дел» и «смотрения внутреннего по жительству порядка» было учреждено Змеиногорское полицейское смотрение. Его местообыванием было здание гауптвахты Змеиногорского рудничного посёлка. Полицейским смотрением руководил капитан В. Краснощеков. При нем «у письменных дел и для розысков» состоя-

ля сержант и два солдата (данные на май 1780 г.). Змеиногорское полицейское смотрение являлось низовым органом и не обладало статусом «присутственного места», находясь в полной зависимости от Змеиногорской конторы. По указу Канцелярии горного начальства от 10 февраля 1776 г. запрещалась всякая самостоятельная переписка полицейского смотрения с другими учреждениями (7). В 1780 г. полицией Нижне-Сузунского посёлка под общим началом заводской конторы и её управляющего Д.Балле заведовал прапорщик С.Смирнов (8).

На ведомственный характер повывтий «полицейских дел» при Комиссарском правлении, заводских конторах, Барнаульского полицейского правления и Змеиногорского полицейского смотрения указывают два признака: состав и подчинение горным властям. Круг их обязанностей составляли дозоры в ночное время, выявление «пришлых и беспашпортных», поимка беглых, искоренение корчемства и азартных игр, проведение экспертизы (осмотр мертвых тел), следственных процедур (допросы, обыски), организация тушения пожаров, наблюдение за торговлей и чистотой в промышленных центрах и т.д. В октябре 1770 г. Барнаульскому полицейскому правлению было поручено «справится и впредь разведывать, не окажутся ли у кого в закладе из государственных крестьян и других людей мужеска или женска пола» (9).

В результате общероссийской административной реформы осенью 1780 г. полицейское руководство по Барнаулу было изъято у командира Кольвано-Воскресенского батальона и передано представителю областных (с 1783 г. – губернских) властей коменданту полковнику И.Бишеву. Полицейское правление было упразднено. Коменданту подчинялась штатная команда из 53 человек унтер-офицерского и рядового состава (длинные на май 1780 г.), выборные от мещан и разночинцев – десятники. В 1785 г. последних насчитывалось 11 человек. В Змеиногорске полицейское смотрение продолжало работать на прежних основаниях, разве что капитан В.Краснощекоев по совместительству был привлечен к исполнению должности assessора военного суда (10).

Важнейшей вехой в истории оформления ведомственной горной полиции Кольвано-Воскресенских заводов стал август 1785 г. Именно тогда член Кабинета е.и.в. генерал-майор П.А.Соймонов составил знаменитую инструкцию на имя нового начальника кабинетских предприятий статского советника Г.С. Качки. Её 14 пункт предписывал проведение реорганизации полицейского управления в промышленных посёлках Алтая по «Уставу благочиния» 1782 г. и, что очень важно, определил финансирование полиции из заводской кассы (11). Претворение заплала в жизнь растянулось на несколько лет. В первую очередь перемены

охватили наиболее многолюдные Барнаулу и Змеиногорск. Новый порядок полицейского устройства предполагал деление обоих горнозаводских центров на 4 квартала под началом квартальных надзирателей из унтер-офицеров Кольвано-Воскресенского горного батальона и унтер-шихтмейстеров. Предусматривалось также учреждение будочных постов (будок): в Барнауле – 18, в Змеиногорском посёлке – 16. За одним таким постом закреплялось по два «будочных стража» (будочника). Под их присмотром находилась часть из 40-50 домов. Будочники круглые сутки несли караульную службу, сменяя друг друга. Они же осуществляли контроль за передвижением населения. От каждого будочника требовалось знать «кто в его часть приехал или из оной выехал, и для того долг его есть спросить у хозяев по утру в 5 часов все ли живущие при домах начевали или куда отлучались кто имянно и в какое место, вечером же паки спрашивает вет ли кого приезжих или пришедших с каким видом и зачем, и о всем оном по утру и по вечерам доносить квартальным» (12). В 1786 г. горное начальство ввело на предприятиях режим «гульных недель». Поэтому к каждой будке было положено приставить по три человека, «с тем, чтобы из них двое переменяясь в день и в ночь имели всегдашней караул, а третьей между тем имел свободу сменяться понедельно, так чтоб всякому причиталось бытия в карауле две недели, а третья свободною для отдохновения и исправления домашних надобностей» (13). Был найден специфический источник комплектования этого самого массового полицейского контингента – «инвалидные служители», т.е. лица, которые из-за небольших увечий, состояния здоровья или возраста не могли использоваться на производстве и в Кольвано-Воскресенском батальоне. Так, в ноябре 1785 г. в Барнаульском посёлке по старости и «за болезненными припадками» (чахотка, грыжа, венерические заболевания и пр.) в будочники были определены 6 солдат и 7 мастеровых с жалованием «из заводской суммы по 18 рублей на год» (14). В их ведении находилось 6 караульных будок. Ещё два поста были предоставлены оставшим от службы людям. Остальные 10 будок – мещанским и разночинским десятникам. В Змеиногорске две будки содержались на деньги купцов. В сентябре 1787 г. последовали распоряжения начальника заводов Г.С. Качки, касавшиеся организации будочных постов в других горнозаводских селениях. Спустя какое-то время они были выстроены. Обязанности будочников возлагались на рядовых Кольвано-Воскресенского горного батальона. «На первой случай» последних было определено: в Ново-Павловском посёлке – 3, Нижне-Сузунском – 5, Локтевском – 9 солдат. Их всех внесли в особые списки и назначили жалование по 12 рублей в год. Стражей данных промышленных селений заведовали спе-

ционально назначенные смотрители из батальонных унтер-офицеров с 20-рублевым годовым окладом (15). По информации И.Ф. Германа в середине 90-х гг. XVIII в. на кабинетских заводах и рудниках находилось не менее 116 будочников, которые содержались «для наблюдения в жилищах оных тишины и спокойствия и в отвращению всяких непристойных и проделанных поступков» (16).

Что касается руководящего звена теперь уже, безусловно, горной полиции, то во главе змеиногорской части был оставлен ротный капитан. Во главе полиции Сузуна и Павлонска находились также батальонные офицеры. В Барнауле же действовали два полицейских начальника: вновь назначенный полицейским обязанностям командир горного батальона секунд-майор И.Терской и губернский комендант полковник И. Бишев. Первый ведал «сохранением порядка, мира и тишины» среди заводского населения. В компетенцию второго входили дела гражданских чиновников, купцов, мещан и разночинцев. Однако это разделение полномочий «они две персоны, которые одна от другой независят» вскоре привело полицейскую часть Барнаула в состояние расстройств и замешательства. Так, И.Терской часто посягал на прерогативы коменданта. По сведениям Колыванского губернского правления, он самовольно выносил наказания мещанам розгами и палками, а однажды арестовал бийских купцов П.Кулакова, П.Ананьина и А.Кулагина «в ночное время захвата как злодеев отослал в тюрьму, раская каждого в особинные казенки и на завтра води их по одиночке в свое правление спрашивал, однако ж потом без всякой резолюции отпустил» (17). Комендант в свою очередь игнорировал требования секунд-майора о высылке в караван выбранных от мещан и разночинцев десятников. В июне 1786 г. секунд-майор И. Терской рапортовал начальнику заводов о неблагоприятном поступке полковника И. Бишева при встрече с будочниками Т.Кузнецовым и М. Евсеевым, сопровождавших пьяного подканцеляриста И. Текутьева. В рапорте говорилось, что «встретившись им господин комендант Бишев спросил куда ево ведут, на что ему Кузнецов и Евсеев ответствовали, что ведут по приказанию квартального сержанта, но он господин комендант Бишев сказал им, что какие кварталы и кто определил, назвав их самих пьяными и ударил из них Евсеева камышевой палкой по голове и прошиб ему оную до крови» (18).

В 1787 г. эти неурядицы барнаульской полиции были устраниены путем передачи основных нитей управления ею одному командиру Колывано-Воскресенского горного батальона. Веским аргументом этого шага послужил статус Барнаула. Его определили губернские чиновники. По их мнению, Барнаул был «не город, а завод состоящий в округе Бийского уезда» (19). Премьер-майор И.Терской был назначен смотрителем за благочин-

ем в Барнаульском заводе. Он исполнял эту должность до 1799 г., пока его не сменил майор С.Зубарев, а затем поручик И.Мартин (20). Проступки гражданских лиц и чиновников следовало разбирать вместе с ратманом (заседателем) Бийского городского магистрата (с 1797 г. – Рагуша Кольваново-Воскресенского горного начальства) и офицером штатной команды, докладывая о принятых решениях колыванскому губернатору генерал-поручику Б.И.Меллеру (21).

Набор функций горной полиции был столь же обширен и разнообразен как и гражданской, поскольку определялся общероссийским законодательством, но при условии, чтобы оно не противоречило узаконениям горного начальства (22). Ведомственные полицейские команды использовались прежде всего для предупреждения и пресечения неповиновения со стороны горнозаводского люда. От них требовалось сохранение общественного спокойствия и повиновения горным властям, недопущение противоправных действий, поимка беглых, воров, бродяг, охрана заводского имущества. Горная полиция занималась следствиями по всем преступлениям и правонарушениям, кроме должностных. По «маловажным винам» она выступала в роли нижней судебной инстанции. Среди функций горной полиции особое место отводилось благоустройству горных и заводских селений (наблюдение за исправностью дорог, строений, предотвращение пожаров, наводнений, эпидемий, эпизоотий). Предметом ее заботы были также развитие торговли, народная промышленность, снабжение населения жизненно необходимыми припасами, призрение бедных. Полиция доводила до сведения жителей принятые правительством законы, распоряжения местных властей и следовала за их исполнением.

С организацией во второй половине 80-х гг. XVIII века горной полиции завершился в основных чертах процесс структурного оформления военно-горного строя на Колывано-Воскресенских заводах. История ведомственной полиции кабинетских предприятий в XVIII в. была тесно связана с горным батальоном, который выступал ее важнейшим кадровым источником.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.1. Д.169. Л.167-167 об.; Д.256. Л.378-378 об.; Д.548. Л.196; Оп.1 доп. Д.4. Л.54, 214-214 об.
2. Там же. Оп.1. Д.295. Л.32, 35.
3. Там же. Д.137. Л.118; Д.250. Л.360-360 об.
4. Там же. Д.279. Л.252, 335-335 об.; 420.
5. Там же. Д.424. Л.20-21; Д.426. Л.155-156.

6. Там же. Д.558. Л.86-86 об. Д.723. Л.559, 574 об.; 823. Д.910. Л.11-12.
7. Там же. Д.548. Л.602-602 об.; Ф.169. Оп.1. Д.43. Л.238 об.; Д.60. Л.61.
8. Там же. Ф.169. Оп.1. Д.60. Л.178.
9. Там же. Ф.1. Оп.1. Д.73. Л.26-26 об.; Д.437. Л.27-28, 43-43 об., 44-47 об. Д.169. Л.4-5, 21, 80-80 об.; Д.191а. Л.39; Д.250. Л.104; Д.505. Л.89-90, 504-504 об., 616-616 об.; Д.548. Л.585; Ф.169. Оп.1. Д.91. Л.290-290 об.; Д.186. Л.70-70 об.
10. Там же. Ф.1. Оп.2. Д.127. Л.266, 278; Ф.169. Оп.1. Д.40. Л.310-310 об. Д.60. Л.145, 154, 158; Д.358. Л.5.
11. Там же. Ф.163. Оп.71. Д.59. Л.20-21; Ф.169. Оп.1. Д.354. Л.42-49 об.
12. Там же. Ф.169. Оп.1. Д.358. Л.9-18 об.; Оп.1дон. Д.21. Л.17-20 об.
13. Там же. Оп.1. Д.358. Л.88 об., 102-102 об.
14. Там же. Л.20-25.
15. Там же. Л.88-93 об.
16. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. Ч.1. СПб., 1797. С.277, 281.
17. ЦХАФ АК. Ф.169. Оп.1. Д.358. Л.36, 42.
18. Там же. Л.56-57.
19. Там же. Л.46.
20. Там же. Ф.1. Оп.2. Д.165. Л.298, 320-320 об.; Ф.24. Оп.1. Д.5. Л.222; Д.6. Л.15.
21. Там же. Ф.169. Оп.1. Д.358. Л.53 об. 55 об.
22. См.: Устав благотворения 8 апреля 1782 г. // ПСЗРИ-1. Т.21. № 15379.

Д.А. Глазунов, М.О. Титкин

ЗАЩИТА КАБИНЕТСКИХ ЛЕСОВ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ОТ САМОВОЛЬНЫХ ПОРУБОК В АДМИНИСТРАТИВНО- СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Вопрос об охране лесов является ключевым в лесном хозяйстве. От организации лесоохраны зависит не только экологическое состояние лесных массивов, но и степень их экономической рентабельности. В начале XX в. лесоохранный аспект являлся ведущим направлением деятельности кабинетской администрации в Алтайском округе (1). Самостоятельную роль в системе охраны лесов играла административно-судебная защита лесных массивов от незаконного пользования, прежде всего от самовольных порубок. Самовольной порубкой считалась рубка леса, совершенная без раз-

решающего лесорубочного билета, а также расхищение лесных угодий, переруб лесных сортиментов сверх установленного объема и вырубка не тех пород деревьев, которые указаны в лесорубочном билете.

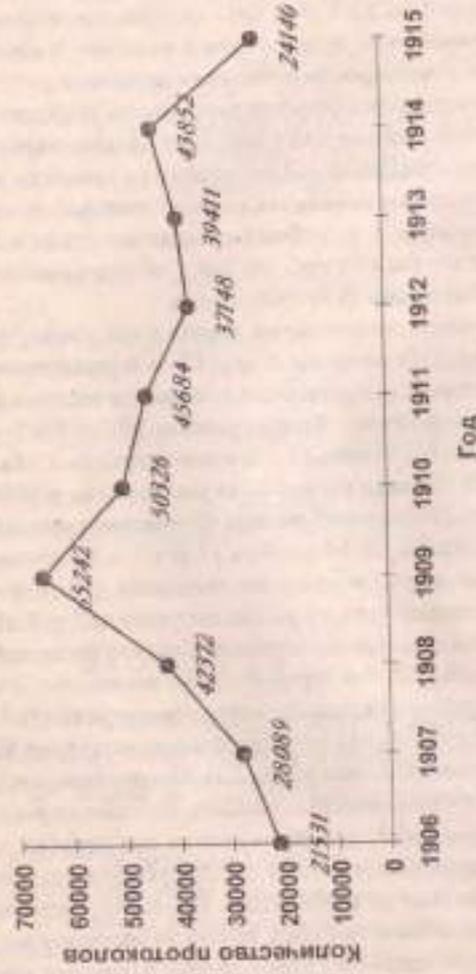
На сегодняшний день можно утверждать, что история лесоохраны относится к разряду малоизученных тем в дореволюционной, советской и современной историографии. При этом круг архивных и опубликованных источников по заявленной теме очень широк и включает в себя, в основном, законодательные и делопроизводственные документы.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть порядок административно-судебной защиты кабинетских лесов Алтайского округа от самовольных порубок через освещение стадий судебного процесса по делам о нарушениях Лесного устава и механизма административного преследования самовольных порубщиков. Судебный процесс по делам о самовольных лесных порубках состоял из трех частей – обнаружение проступка, судебных прений и исполнения приговоров суда.

Порядок преследования самовольных порубщиков, секвестра, реализации изъятого у них леса и взыскания за порубку в Алтайском округе был тождественен тому, который существовал в казенных и частных лесах России и основывался на положениях Лесных уставов 1893 и 1905 гг. и общероссийского гражданского и уголовного законодательства. Схожесть преследования нарушений Лесного устава была установлена в 1868 г., когда на территории округа были распространены «Временные правила о нарушениях узаконений о лесах», от 19 декабря 1866 г. (2). Особенностью их было то, что начальник округа обладал компетенцией единоличного рассмотрения дел о нарушениях Лесного устава на сумму до 5 руб. Непосредственно на рассмотрение начальнику передавались дела по перерубу сверх установленного объема на 10%, о перерубе не по количеству, а по размерам сортиментов и о продаже бесплатно отпущенного леса (3).

При обнаружении самовольной порубки объездчик должен был обмерить толщину пня, поставить на нем клеймо, номер протокола и год, записать все сведения в книгу протоколов и, наконец, составить предварительный протокол. Он оформлялся в течение суток со дня порубки в присутствии понятых, если ущерб был оценен более 25 руб. При меньшей сумме ущерба присутствие понятых не требовалось. Протокол содержал информацию о месте, времени, объеме порубки, личности нарушителей, их месте жительства. Также в протокол вносились данные о понятых, свидетелях и сделанные ими или объездчиком замечания и возражения. Если протокол составлялся на неизвестных порубщиков, делалась особая отметка. Подписывать протокол должны были все участвовавшие в его составлении лица. Незаконно заготовленный лес клеймился и секвестровался на

Количество протоколов о самовольных лесных порубках (1906-1915 гг.)

Источники: Обзор деятельности Алтайского округа за пятилетие (1911-1915 гг.), Барнаул, 1916, С. 129.

Примечание: возрастание количества самовольных порубок в период с 1908 по 1911 гг. объясняется тем, что самовольные порубки благодаря новой организации лесной стражи и реформе 1911 г. породило режиссерские протоколы. Сохранилось число протоколов о самовольных порубках, совершенных незаконными лицами. До 1911 г. порубки незаконных лиц не входили в общий учет. Увеличение числа протоколов в 1914 г. объясняется мобилизацией лесной стражи и возмещением затрат.

месте, либо изымался с помощью полиции у порубщиков. Если из самовольно заготовленного леса уже было что-либо построено, изъятие его запрещалось. Секистрованный лес поступал под охрану объездчика, если оставался на месте порубки, или должностных лиц сельской полиции в случае, когда был вывезен из лесной дачи.

Важной составляющей первой стадии судебного процесса был поиск доказательств указывающих на вину определенного лица. В этом отношении благоприятной была поимка нарушителя на месте проступка. В таких случаях лесная стража либо отбирала вещи, либо инструменты в качестве улики и обращалась к крестьянским властям за содействием в составлении протокола (если удавалось, то приводили к ним и самих порубщиков). При согласии нарушителя добровольно возместить ущерб объездчики заполняли бланк протокола. При отсутствии доказательств, указывающих на причастность конкретного человека к лесонарушению, процедура составления протокола усложнялась поиском улики (4). В 1902 г. из 348 протоколов Томского уезда 48 лесных нарушителей были обнаружены на месте порубки в лесу, 53 — на дороге, 75 — на усадьбе, а остальные в «иных местах» (5). Своевременное обнаружение порубок, правильное составление протоколов во многом зависели от качественного и количественного состава лесной стражи, но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Составление протоколов входило в компетенцию лесных чинов и полицейских служивших. Особый юридический статус Алтайского округа предопределил наличие аналогичных функций у глав его административно-хозяйственных единиц — управляющих именными (с 1911 г. — лесничих). Право предварительного составления протоколов предоставлялось и лесной страже, но при условии, чтобы эти документы заверяла полиция или управляющие именными (лесничие) (6). Неоднократно окружной администрацией указывалось на нарушение правил составления протоколов, что затрудняло или не позволяло в судебном порядке преследовать самовольных порубщиков (7). К протоколам предъявлялись высокие требования, поскольку Устав уголовного судопроизводства разрешал мировым судьям не проверять в правильно оформленных документах изложенные обстоятельства, перекладывая бремя доказательств своей невиновности на обвиняемых (8). Главное управление округа постоянно стремилось свести к минимуму все возможные недостатки при составлении протоколов, напоминало о распространенных ошибках, печатало специальные бланки, составляло правила по ведению судебных дел. Тщательная регламентация действий объездчиков не гарантировала правильное составление протоколов, так как у объездчиков отсутствовало элементарное юридическое мышление, например, они не могли выделить важных обстоятельств от

случайных. Поэтому на управляющих имениями (лесничих) и их помощников возлагался контроль за протокольной документацией. Однако большой объем, выполняемой ими работы, и огромное количество протоколов вынуждали их направлять бумаги в суд без предварительной проверки (9). Отсюда и возникали сложности при рассмотрении в мировых судах дел о несанкционированных лесных порубках.

Основным этапом судебного производства было рассмотрение дел участковыми мировыми судьями, к компетенции которых относились лесные правонарушения стоимостью до 300 руб. Судебное разбирательство у мирового судьи было простым по своему характеру, поэтому дела, как предполагалось, должны были решаться быстро. Однако ряд условий приводил к тому, что в канцелярии мирового судьи ежегодно оставалось большое количество нерассмотренных дел, в том числе и по лесным порубкам. К началу 1898 г. у мировых судей на рассмотрении находилось 6225 судебных дел о самовольных порубках на сумму около 100 тыс. руб. В 1905 г. еще до начала массовых самовольных порубок в округе скопилось 33 тыс. дел на сумму более 280 тыс. руб. Перед комиссией Волкова 1907 г. в округе числилось 39 тыс. неоконченных дел на сумму 445 тыс. руб., на следующий год их количество возросло до 46 тыс. на общую сумму 528 тыс. руб. К 1915 г. эта цифра составила 33 тыс. и 104 тыс. руб. соответственно (10).

Министерство юстиции периодически увеличивало число участковых мировых судей. В 1896 г. в Томской губернии предусматривалось 32 судебного участка, на долю Алтайского округа приходилось около половины. В 1907 г. в Барнаульском, Бийском, Змеиногорском и Кузнецком уездах насчитывалось 25, а в 1912 г. — 37 мировых судей (11). Тем не менее, эти меры не смогли коренным образом улучшить судопроизводство, потому что главный недостаток мировой юстиции был заложен изначально в ее организации. На мировых судей помимо судебных обязанностей возлагались функции следователей, а также исполнение поручений по опекуным делам и оказание нотариальных услуг населению. Только в начале второго десятилетия XX в. Министерство юстиции учредило должность специальных мировых судей, на которых возлагалось следствие. Так, на территории Барнаульского окружного суда, образованного в 1910 г., насчитывалось 19 мировых судей, выполнявших обязанности следователей, 18 — судей. Не стоит забывать, что на территории Сибири помимо участковых функционировали добавочные и почетные мировые судьи. Увеличение числа мировых судей привело к тому, что «дела о нарушениях Лесного устава стали решаться гораздо быстрее» (12). Однако судебная власть постоянно сталкивалась как с нехваткой кадров, так и с недостатком канцелярских служащих. Деньги, предназначенные по штатному расписанию для письмоводителя, позволяли

нанимать только одного канцелярского чиновника. Министерство юстиции не позаботилось об ускорении выдачи копий приговоров населению, хотя от этого зависело дальнейшее направление дела либо на обжалование приговора в вышестоящую инстанцию (окружной суд), либо в полицию для исполнения решения суда.

Проблемы, связанные с выдачей копий приговоров, были настолько острыми, что мировые судьи вынуждены были решать их самостоятельно, нанимая писцов за свой счет, либо договариваясь с администрацией имений (лесничества). Так, управляющий Павловским имением вошел в соглашение с мировым судьей 7 участка Барнаульского уезда о высылке ему не копий приговоров, а подлинных дел, на основе которых канцелярия имений делала отметки об их сущности. Бесспорно, такое соглашение существенно облегчало положение писца при мировом судье, но имело и ряд нежелательных последствий для округа. В частности оно не давало гарантии верности отметок с приговоров судьи, сделанных в канцелярии. В случае оправдания обвиняемого или частичного удовлетворения иска такая практика лишала возможности судить об основаниях и соображениях, которыми руководствовался судья. По предложению чиновника по судебным делам подобные соглашения могли распространяться только на приговоры, которые полностью удовлетворяли требования управляющих (лесничих) (13).

Медленное судопроизводство формировало у населения устойчивое убеждение в безнаказанности самовольных порубок, а у кабинетского ведомства вызывало подозрение в сознательном затягивании процесса мировыми судьями. Алтайская администрация часто жаловалась на недоброжелательное отношение к ней со стороны мировых судей в окружной суд, который неоднократно отклонял все эти претензии как не основательные.

В свою очередь в 1908 г. начальник Алтайского округа предложил председателю Томского окружного суда оказывать мировым судьям «денежное восполнение» из кабинетских средств для найма дополнительных канцеляристов. В том же году эта мера получила свое практическое осуществление. Однако через два года она была отменена прокурором в ходе ревизии мировых судей, поскольку в сверхштатном финансировании была усмотрена угроза независимости судебной власти. По его мнению, такого рода помощь должна была проводиться с согласия министра юстиции, а не председателя окружного суда (14).

В качестве отрицательного опыта можно указать на практику некоторых мировых судей, которые пытались ускорить движение нескольких дел путем одновременного их разбора, не вникая в сущность каждого отдельного протокола, что ставило под сомнение принципы правосудия. Поэто-

му вышестоящие судебные инстанции удовлетворяли апелляционные или кассационные жалобы агентов Кабинета на приговоры таких дел и возвращали их на повторное рассмотрение (15).

Другая группа мер была направлена на ускорение самого судебного процесса. Речь в данном случае идет не об изменении правил, изложенных в законах, а о развитии административного права. Выше уже говорилось, что начальник округа имел право решать некоторые дела о нарушениях Лесного устава во внесудебном порядке. 7 апреля 1897 г. был принят закон, который позволял чинам Алтайского округа направлять дела о самовольных порубках в полицейские органы (16). Оговаривался следующий порядок преследования нарушителей: вместо судебного разбирательства управляющий именем или его помощник на основе протокола о самовольной порубке леса в течение 7 дней составлял постановление о наложении на виновного денежного взыскания. Обвиняемый должен был в течение 14 дней дать отзыв на это постановление и выразить свое согласие или отказ выплатить требуемое взыскание и тем самым решить дело в административном порядке. Если нарушитель соглашался выплатить назначенное взыскание, он мог это сделать в течение 60 дней или с рассрочкой на более длительный срок. При уплате штрафной суммы в рассрочку срок давности не действовал. В случае отказа дело передавалось мировому судье. При невозможности уплатить штраф, следовала конфискация имущества обвиняемого. Однако практическое применение закона 1897 г. натолкнулось на несколько препятствий. Самое существенное из них было связано с тем, что волостные и сельские власти настолько долго держали у себя постановлений, направляемые им из имений, что истекал срок давности совершенных правонарушений. К 1917 г. от общего числа нерешенных дел о самовольных порубках 30% составляли те, по которым не было закончено производство по закону от 7 апреля 1897 г. Халявость волостных и сельских властей не позволяла администрации имения «выиграть» у мирового судьи дело в уголовном порядке, с взысканием с виновного кроме убытков за испорченный лес еще денежного штрафа» (17). В таких случаях с виновного в гражданском порядке отбиралась стоимость возмещенного леса по таксе; а остальные убытки взыскивались «с виновных в служебном нерадении должностных лиц волостного управления или сельской управы» (18).

Закон 1897 г. не ограничивал права судебной власти, так как административное право основывалось на принципе добровольности, взаимном согласии сторон не доводить дела до суда. При осознании правонарушителем своей вины, которое выражалось в готовности уплатить штраф и возместить убытки, стороны фактически отказывались от посредничества

суда, призванного устанавливать виновность. Дело, таким образом, переходило в завершающую стадию судопроизводства – возмещение убытка и уплату штрафа.

При производстве дел о самовольных порубках возникали трудности и у Главного управления Алтайского округа. Самая распространенная состояла в том, что границы имений (лесничества) не совпадали с границами судебных участков. Во многих имениях (лесничествах) дела направлялись двум и более мировым судьям. Поэтому часто разбор дел мог проходить либо одновременно у различных мировых судей, либо следовать друг за другом. Управляющие тратили на разъезды много времени, что препятствовало выполнению других обязанностей. Присутствие на суде было желательным, так как неявка обвинителя могла привести к тому, что обвинения обвиняемого оставались не опровергнутыми. В связи с этим мировые судьи выносили заочные приговоры не в пользу Алтайского округа. Так, в 1903 г. по Бийскому уезду более 1/2 апелляционных жалоб было подано по поводу отказа мирового судьи рассматривать дела из-за неявки в суд представителя округа (19).

Учитывая большой объем работы управляющих имений, Главное управление разрешило присутствовать на судебном заседании помощникам и лесным смотрителям, а по менее важным делам лесной страже. В случае, когда камера мирового судьи находилась на расстоянии более 25 верст от места жительства объездчика и вне его кордона, ему полагались прогонные и суточные деньги. Прогонные исчислялись в размере 3 коп. с версты на одну лошадь, а суточные – 30 коп. (20). Однако население близлежащих селений, часть из которых получало повестки, узнавало время и место заседания суда и соответственно присутствия на них лесной стражи и совершало порубки. Управляющие вынуждены были прекратить явку объездчиков в суд (21). К тому же сама стража уклонялась от поездок в суд, чтобы избавиться от затрат на дорогу. В Чумыском имении в 1903 г. действительная потребность в прогонных деньгах на эти цели выразилась в сумме 77 руб. 49 коп., а между тем объездчиком выделили только 50 руб. (22).

Главное управление вынуждено было обратиться к председателю Томского окружного суда с тем, чтобы мировые судьи выделяли определенные дни по соглашению с управляющими имениями для того, чтобы представители округа могли присутствовать при разборе дел о самовольных порубках. Данная просьба была рассмотрена и принята на общем собрании отделений Томского окружного суда. Однако решение носило рекомендательный характер, и мировые судьи в праве были отказываться от него. К тому же эта мера вряд ли могла принести ожидаемых успехов, по-

сильно бо́льшая часть рассматриваемых мировыми судьями дел принадлежала к нарушениям Лесного устава. Присутствие управляющих имений не ограничилось бы одним-двумя днями, что опять-таки могло идти в ущерб другим его обязанностям (23).

Реальным выходом в сложившихся обстоятельствах могло бы быть привлечение к ведению судебных дел специалистов в юридической области, труд которых оплачивался бы за счет судебных издержек; либо существенное сокращение нагрузки на управляющих имениями. Кабинет выбрал второй путь. В 1911 г. была проведена административно-хозяйственная реформа, итогом которой стало появление лесничества, значительно меньших по территории и основанных, преимущественно, на отраслевом принципе организации лесного хозяйства. Количество дел о самовольном порубках леса по лесничествам резко сократилось. Так, в 1903 г. в среднем по имениям возникало 1800 дел, в 1907 г. – 2457, а в 1912 г. – 743.

В российском законодательстве существовала гибкая система наказаний. Согласно ст. 155 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, совершившие самовольную порубку в первый раз подлежали штрафу не более 50 руб., во второй – аресту до 3 месяцев и в третий – заключению в тюрьму сроком до 6 месяцев. Кроме того, виновные в проступке, предусмотренном этой статьей, сверх указанных взысканий и наказаний обязаны уплатить в пользу владельца леса двойную стоимость самовольно срубленных деревьев (24). За совершение тех же преступлений, хотя бы и в первый раз, но в лесах защитных, водоохраных или заказных, в лесотомниках, а также ночью, группой лиц и из корыстных побуждений, виновные могли дополнительно подвергнуться лишению свободы до 3 месяцев. Лишение свободы как мера наказания применялась достаточно редко, наоборот, даже по отношению к «рецидивистам» использовались «одни только денежные взыскания». При этом существовала постоянная проблема низкой платежеспособности населения округа.

Одновременно с уголовным разбором в судах рассматривался гражданский иск по поводу восстановления полученного ущерба, который высчитывался по существующей таксе на лесные материалы. Лес секвестровался и возращался владельцу. В случае невозможности уплатить штраф, виновный заключался под арест. Были предусмотрены наказания от денежного штрафа до тюремного заключения на срок до 3 месяцев за покупку или укрывательство заведомо похищенного или самовольно срубленного леса. Найденные лесные материалы изымались, либо уплачивалась их стоимость.

За заготовку леса в неразрешенном месте, виновные, помимо конфискации заготовленного леса и уплаты штрафа равного цене заготовленного,

аннулились права производить рубку. Двойная стоимость лесных материалов уплачивалась также и в случае, если заготовленный лес был увезен раньше освидетельствования.

Исполнение по приговорам мирового судьи возлагалось на полицию. Однако передача исполнения решений суда административным властям не гарантировала быстрого выполнения. Так например, в конце 1916 г. по 55 лесничествам и 2 арендным районам не исполненными числилось 8778 дел на сумму 55614 руб.

Медленность в этой части судопроизводства порой заставляла администрацию округа идти на неординарные меры. Например, в 1910 г. родилась идея о выселении наиболее активных порубщиков леса за пределы Алтайского округа. При этом окружная администрация попыталась подкрепить свои предложения статьями «Положения о мерах охранения государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., которые предусматривали возможность административной высылки за действия, угрожающие общественному порядку. Начальник округа В.П. Михайлов обратился с соответствующими представлениями к управляющему Кабинетом с.и.в. Е.Н. Волкову и томскому губернатору Е.Е. Извекову. Кроме административной высылки предлагалось усилить штат полиции, занимавшейся изысканием штрафов, производством выемок и т.п. Также планировалось ввести 10% вознаграждения волостным и сельским должностным лицам и полиции за успешное взыскание штрафов по постановлениям и судебным решениям.

Из всего этого перечня предложений Кабинетом и томским губернатором было поддержано только одно – 10% вознаграждения чинов общей полиции (становые приставы) и волостной и сельской администрации, приводивших в исполнение постановления управляющих имениями и приговоры судов. Были разработаны правила получения вознаграждения должностными лицами, по которым 10% исчислялось не с общей суммы, а с того, что причиталось «в доход округа, т.е. исключая штраф, присужденный с обвиняемого в пользу мест заключения» (25). Становые приставы, волостные правления, инородческие управы и др. должны были, высидя в имения причитающиеся суммы, оставлять себе 10% и прилагать расписки в получении вознаграждения.

По поводу вопроса о выселении было предложено обратиться в МВД. Тем временем в округе развернулась переписка управления с имениями под грифами «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» И «ВЕСЬМА НУЖНОЕ». Из имений поступали списки «порубщиков-рецидивистов». Руководствуясь этими списками, начальник округа представил рапорт управляющему Кабинетом, в котором выделил 2 категории порубщиков. К первой были от-

несенны те, кто «рубят лес для своих домашних надобностей, часто по острой нужде и, будучи застигнуты стражей, добровольно вывозят лес для секвестра и никогда не сопротивляются» (26). Ко второй категории относились лица, «которые живут кражей и продажей ворованного леса, и для них лесокрадство является промыслом с целью наживы; стражи не боятся, при встрече сопротивляются, так как отправляются в лес партиями, во главе которых стоят самые отчаянные лесокрады» (27). Именно порубщики второй категории и подлежали административной высылке. Из Кабинета 16 февраля 1911 г. пришел ответ с заключением юрисконсульта Лебедева. В этом ответе отмечалось, что «осуществление означенных мероприятий весьма сложно и связано с необходимостью проведения через Государственную Думу, со стороны которой надо ожидать только отрицательного отношения» (28). Кроме того указывалось, что с юридической точки зрения применение Положения 1881 г. в данном случае невозможно. Предлагалось начальнику округа в качестве меры борьбы с активными самовольными порубщиками выделять эти протоколы в особую категорию, требуя от мировых судей скорейшего рассмотрения таких дел (это предложение было проведено в жизнь циркулярным распоряжением начальника округа от 1 декабря 1911 г.) (29). В общем, этим дело и ограничилось: управляющим имениями было рекомендовано составлять списки злостных правонарушителей. По сравнению с предполагаемым результатом такой исход можно назвать полумерой, однако даже такое решение дела способствовало в определенной мере сокращению самовольных порубок. Это доказывается и тем, что управляющие имениями неоднократно заявляли: для успешности лесоохранных мероприятий достаточно просто рассмотреть все дела о самовольных порубках, копившиеся у мировых судей по несколько лет.

Томский губернатор Е.Е. Извеков циркулярно предписал крестьянским начальникам ознакомить подведомственные им волостные и сельские власти со следующими положениями. Во-первых, эти должностные лица были обязаны сообщать администрации имений о готовящихся самовольных порубках. Во-вторых, волостные старшины и сельские старосты должны были беспрекословно назначать понятых для освидетельствования самовольных порубок и оказывать содействие для поимки порубщиков. И, в-третьих, предоставлять по требованию администрации имений необходимые сведения «о поступлении дел по самовольным порубкам, о поступлении административных постановлений и исполнительных листов, о движении их» (30).

Томским губернатором было издано распоряжение, по которому сельские власти обязывались объявлять постановления по исполнительному

листу в двухмесячный срок. Для усиления контроля за исполнением постановлений были учреждены пять дополнительных полицейских чиновников, курирующих эти вопросы; в 1913 г. они были заменены на урядников, направляемых в помощь становым приставам. В имениях для контроля за делопроизводством в волостных и сельских правлениях, а также в канцеляриях самих имений были учреждены должности специальных агентов. Так, в 1911 г. по Павловскому имению была проведена ревизия, данные которой показали, что утеряны 433 дела на сумму 1500 руб.: из них 156 дел в волостных правлениях, 252 дела – сельскими старостами (до и после производства взысканий) и 25 дел – имением.

С выходом манифеста в честь какого-либо знаменательного события преступникам, совершившим нетяжкое лесонарушение объявлялась амнистия. Так, например, Манифесты от 14 мая 1896 г., от 11 августа 1904 г. и от 21 февраля 1913 г., а также указ временного правительства от 21 марта 1917 г. слагали все недоимки до 50 руб. К недоимкам относились не только убытки, начеты, штрафы за неисполнение контрастных обязательств, долги с арендных платежей, но и взыскания вошедшие в законную силу по судебным приговорам, а также суммы, выплачиваемые добровольно. По делам, находившимся в стадии рассмотрения, списывалась только штрафная сумма, а восстановление убытков происходило по правилам гражданского судопроизводства. Казенные учреждения закрывали все дела, в том числе и гражданские. Кабинетское ведомство придерживалось порядка, установленного для частных лиц, при котором закрывалась уголовно-наказуемая часть дела, т.е. списывалась только пеня (31).

После принятия манифестов в Алтайском округе возникали инициативы на «расширение милостей, дарованных Манифестом». В 1904 г. и.о. начальника округа разрешил управляющим имениями отнимать иски, направленные на восстановление убытков, полученных в результате самовольных порубок, стоимостью менее 1 руб. (32) В 1913 г. начальник округа докладывал управляющему Кабинетом Е.Н. Волкову, что в производстве находится огромное число дел о лесных правонарушениях, составленных еще при существовании имений и до сих пор нерешенных. В результате неизбежно «обострение отношений с населением по забытым делам, потеря времени при хождении по судам, масса обременяющих лесничих канцелярских переписок и отсутствие финансового эффекта, так как взыскание по таким решениям сводится почти к нулю в виду несостоятельности порубщиков, нередко искусственно созданной» (33). В свете этих затруднений применение манифеста еще более осложнило ситуацию, увеличивая и без того колоссальную канцелярскую работу. В ответ на доклад начальника округа от 8 декабря 1913 г. последовало высочайшее сово-

вление, которое предписывало «окончательно прекратить все дела по самовольным порубкам, возникшие до 1 июля 1911 г. (образования лесничеств), а равно не производить изысканий по возникшим до 1 июля 1911 г. делам, по которым судебные решения состоялись, но не приведены полностью или частью в исполнение» (34).

Таким образом, преследование самовольных порубщиков леса ставилось с рядом проблем. Несмотря на значительные трудности в организации судебной защиты интересов Кабинета как распорядителя алтайскими лесами, в целом судебный процесс складывался в пользу окружной администрации. Количество апелляционных и кассационных жалоб было ничтожно мало и постоянно сокращалось: в 1903 г. они составляли 1,8% от всех решенных дел, в 1907 г. – 0,7%, а в 1916 г. – 0,3%. Основные причины успеха Главного управления в административном и судебном производстве дел о самовольных порубках крылись в том, что ее представители основывали свое обвинение на нормах официального законодательства, а не обычного права, как это делали порубщики. Кроме того, при Главном управлении округа существовала должность чиновника по судебным делам (с 1910 г. юрисконсульта), который предоставлял своевременную юридическую помощь. Однако защита кабинетских лесов от самовольных порубок во многом зависела от деятельности судебных и полицейских структур. Организационные недостатки государственных учреждений, большой объем работы, который они выполняли, не могли полностью удовлетворить требования кабинетской администрации по восстановлению полученных убытков. Администрация округа вынуждена была искать другие пути по эффективной охране леса от самовольных порубок, выразившиеся прежде всего в оптимизации деятельности лесной стражи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соболева Т.Н. Хозяйственное межевание кабинетских земель и лесоустройство в Алтайском округе (1896-1911 гг.) // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С.73-77.
2. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973. С.188.
3. Правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1908г. §116 // Правила и инструкции по лесной части Алтайского округа. Барнаул, 1908. С.35; Правила по лесной части Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В. 1911г. §70-71 // Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В. Т.1. Барнаул, 1913. С.436.

4. Краткие правила о ведении судебных дел в Алтайском округе. Барнаул, 1900. С.31-32.
5. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.1189. Л.26-26 об.
6. Краткие правила о ведении судебных дел... Барнаул, 1900. С.25, 31-32.
7. Сборник правил, приказов и циркуляров по Алтайскому округу ведомства Кабинета Е.И.В.Т.1. Барнаул, 1913. С.691-696.
8. Свод законов Российской империи. Т. XVI / Под ред. А.А. Добровольского. СПб., 1906. С.1343.
9. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.1223. Л.1.
10. Жидков Г.П. Указ. соч. С.192; ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4482. Л.2-2 об.; Там же. Д.4097. Л.19-19 об.
11. ПСЗРИ-3. Т. XVI. Отд. 2. № 12932; Памятная книжка Томской губернии. Томск, 1908. С. 127-128.; ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.423. Л.4-11.
12. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4193. Л.27.
13. Там же. Д.4206. Л.88 об.
14. Там же. Д.4393. Л.12 об.
15. Там же. Д.1206. Л.152 об.
16. ПСЗРИ-3. Т. XVII. № 13935.
17. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4042. Л.57 об.
18. Там же.
19. Там же. Д.1205. Л.66-67; 70, 72, 74, 76, 80, 85, 88, 90, 106, 109, 112.
20. Сборник правил, приказов и циркуляров...Т.1. С.733-734.
21. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4062. Л.21.
22. Там же. Д.4066. Л.23 об.
23. Там же. Д.1207. Л.118.
24. Свод законов...С.663.
25. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4150. Л.32 об.
26. Там же. Д.4153. Л.55.
27. Там же.
28. Там же. Л.71.
29. Сборник правил, приказов и циркуляров...Т.1. С.697.
30. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.4150. Л.40 об.
31. Там же. Д.1175. Л.92.
32. Там же. Л.110.
33. Там же. Д.4406. Л.30.
34. Там же. Л.32.

ПОЛЬСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ 80-90-х гг. XIX в. НА АЛТАЕ

Политическая ссылка 80-90-х гг. XIX в. на Алтае была достаточно неоднородной и многонациональной по своему составу. В течение изучаемого периода здесь находились народники, представители первых марксистских кружков, рабочих организаций, польской партии «Пролетариат». Борьба с общим врагом – самодержавием сближала революционеров различных национальностей, в том числе русских и польских ссыльных.

По нашим подсчетам, в 80-90-е гг. XIX в. на Алтае находилось 11 польских политических ссыльных, основным городом их проживания являлся Усть-Каменогорск (1), определенный решением Совета по тюремным делам Министерства внутренних дел в 1882 г. как место ссылки в Степном крае (2). Кроме того часть ссыльных попадала в Усть-Каменогорск в результате прошений переводом из других мест и последующее размещение обуславливалось прежде всего лучшими условиями жизни, большими возможностями изыскать средства к существованию. По воспоминаниям ссыльного А.В. Гелеоновского, это был «...маленький городок с 5 тыс. жителей, прекрасный, здоровый климат, две горных реки – Иртыш и Ульба – необыкновенная дешевизна продуктов...» (3). Поэтому выбор Усть-Каменогорска, на наш взгляд, не случаен.

Как известно одним из проявлений разносторонней общественной деятельности политссыльных явилось научное изучение Алтая, в котором приняли участие польские ссыльные. Ярким проявлением их научно-исследовательской деятельности было участие в работе Семипалатинского статистического комитета, созданного в 1878 г. в Семипалатинске. Ссыльные, находившиеся в Усть-Каменогорске или в Усть-Каменогорском уезде, имели возможность совершать поездки, экспедиции по заданию комитета, периодически приезжая в Семипалатинск.

В работе комитета активно участвовал Северин Северинович Гросс, высланный 13 января 1882 г. за участие в деятельности социал-революционной группы в Вильно в Западную Сибирь на 5 лет под надзор полиции (4), водворенный сначала в Ишим Тобольской губернии, в 1883 г. – в Семипалатинск, в 1865 г. – Усть-Каменогорск и в поселок Ульбинский Усть-Каменогорского уезда (5). Он занимался изучением обычного права казахов, объездил в 1883-1885 гг. Канонирское, Большенарымское, Владимирское селения, Донскую и Семирскую станицы (6). Очень хорошо отзывался о Гроссе ссыльный народник С.П. Швецов: «Гросс – один из самых крупных политических ссыльных того времени в Степном крае вообще... Широко обра-

зованный, он выделялся среди товарищей по ссылке и по возрасту – ему было около сорока – и по цельности личности, стойкости и выдержанности характера» (7). Материал, собранный Гроссом, вошел в 1-й выпуск исследования «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Материальное право», изданный в 1886 г. (8).

Геологическими исследованиями вместе с ссыльным Михаэлисом занимался Адам Васильевич Бяловеский, окончивший в 1877 г. со званием кандидата физико-математический факультет Киевского университета, высланный за принадлежность к революционному кружку, стремящемуся к испровержению государственного порядка, под гласный надзор полиции на 3 года в Западную Сибирь и с 13 октября 1884 г. водворенный в Усть-Каменогорск (9). Примечательно, что в Усть-Каменогорске встречался с Бяловеским американский журналист и путешественник Д.Кеннан, отзывавшийся о нем как о человеке «очень талантливым, с беспристрастным взглядом на вещи, с богатейшими знаниями русской литературы и права и с не менее значительными сведениями по истории западных литератур» (10).

В письме к военному губернатору 10 апреля 1886 г. Бяловеский писал, что вместе с Михаэлисом «мы предприняли составление геологической карты окрестностей города и интереснейших пунктов уезда. Осмотр местности придется, конечно, делать во время экскурсий, а чертить карту сюда, здесь в городе» (11). С этой целью ему была разрешена поездка по уезду.

Бяловеский интересовался также оледенением гор Алтая. Вместе с Михаэлисом он совершил путешествие по Рудному Алтаю, результаты были изложены в сообщении «Ледниковый период в горах Алтая» в английском журнале «Природа» за 1887 г. Однако сообщение не обратило на себя внимания, так как тогда было общепринятым мнение об отсутствии значительного оледенения в Азии. Впервые статьей Бяловеского заинтересовался русский ученый, географ и путешественник Г.А. Обручев. Он перевел текст на русский язык и напечатал как приложение к своей статье «Алтайские этюды» (1914 г.), в которой полностью согласился с мнением Бяловеского и привел убедительные доказательства его правоты (12). Таким образом, труд Бяловеского не потерял своего научного значения и получил должное признание.

Есть сведения о том, что А.В. Бяловеский являлся корреспондентом «Сибирского вестника» и «Сибирской газеты». Об этом свидетельствует донесение городского головы Усть-Каменогорска Завина в 1886 г.: «Поднадзорные здесь Александров и Бяловеский пишут корреспонденции в сибирских газетах, наполняя их прогиаи меня и секретаря управы Петровского разного рода довью и клеветой, получая при этом честь у всего общественного управления, как это выражено в № 13 «Сибирского вестни-

ка» и в № 11 «Сибирской газеты», против которых честь и достоинство не допускают, чтобы этих корреспондентов не преследовать судом» (13). Несомненно, эти сообщения носили политический характер в адрес местных властей, выражая тем самым общность интересов и проблем русских и польских ссыльных.

Многие из политссыльных занимались ремеслами. Феликс Иванович Калининский, высланный по обвинению в принадлежности к «тайному сообществу» в 1894 г. в местности Степного генерал-губернаторства на 4 года, 5 октября 1894 г. водворенный в Усть-Каменогорск, Леон Леоньевич Ковальский, сосланный в 1888 г. за участие в «преступном сообществе «Пролетарият» из Варшавы в Степное генерал-губернаторство на 4 года и 28 сентября 1888 г. водворенный в Усть-Каменогорск, занимались сапожным делом (14).

Некоторые из ссыльных, находившихся под надзором полиции, состояли на службе. По воспоминаниям А.В. Геденовского: «...администрация не стесняла нас в занятиях для заработка. Отношение обывателей к политическим было очень доверчивое, на службу принимали всех нас с большой охотой...» (15). Так Адам Янович Пржебысловский, высланный в марте 1888 г. административным порядком за государственное преступление в Семипалатинскую область на 5 лет, водворенный в Усть-Каменогорск, служил рабочим на винокуренном заводе купца Москвина (16). Михаил Владиславович Быковский, водворенный административным путем 5 октября 1894 г. в Усть-Каменогорск по делу о политической неблагонадежности, служил рабочим на колбасном заводе (17). Не случайно в одном из донесений военному губернатору Семипалатинской области отмечалось, что «ссыльные завывают себе гражданственность в среде народа, например, бывшие политические административно-ссыльные Бяловеский – управляющий винным складом купца Степанова, у него помощником такой же Нечволодов, Гутков. Гинтовт у того же Степанова воротили по присягам...» (18). Таким образом, несмотря на стремление правительства изолировать ссыльных от населения, осуществить это в полной мере не удалось, уместно отметить, что Владислав Люциан Францевич Гинтовт-Дзевалтовский, высланный в июне 1883 г. вследствие политической неблагонадежности в Западную Сибирь на 3 года, с сентября 1883 г. находившийся в Усть-Каменогорске, по окончании срока ссылки занимался золотопромышленностью в Усть-Каменогорске, принимал участие в городских делах (19).

В целом, польские ссыльные 80-90-х гг. XIX в. оставили заметный след в истории Алтая. Бесспорно значение научного изучения региона ссыльными. Их этнографические и геологические исследования способствовали накоплению и обобщению значительного фактического материала, не утратившего своей ценности и в настоящее время, определяли

пути дальнейшего изучения Алтая. Несомненно, обращение к нуждам края, постановка злободневных проблем на страницах сибирской печати русскими и польскими ссыльными свидетельствует об общности интересов и тесной взаимосвязи между представителями освободительного движения России и Польши, участники которого отбывали ссылку на Алтай. Тем самым закладывались основы дальнейшего российско-польского сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подсчитано по: ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.254. Л.100; Д.263. Л.2; Ф.64. Оп.1. Д.5213. Л.15; Д.5241. Л.11 и др.
2. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С.18.
3. Геденовский А.В. Из Петербурга в Сибирь // Каторга и ссылка, 1926. № 5. С.206.
4. Виденский социалистический кружок (гмина), действовавший с 1874 г., являлся одной из организаций, на базе которых возникла партия «Пролетарият».
5. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.5208. Л.1; Деятели революционного движения в России. Т.3. Вып.2. М., 1934. С.993.
6. Галиев В.З. Ссыльные революционеры в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С.132.
7. Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С.81.
8. Коншин Н.Я. Очерки деятельности Семипалатинского отдела Государственного Русского географического общества за 25 лет его существования // Записки Семипалатинского отдела Русского географического общества. Вып. 16. Семипалатинск, 1927. С.2.
9. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.5213. Л.15; Д.5241. Л.11.
10. Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С.124.
11. ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.83. Л.24.
12. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность... С. 230-232.
13. ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.67. Л.31-31 об.
14. Там же. Д. 226. Л.10; Д.254. Л.100, 103; Д.263. Л.2; Д.270. Л.9.
15. Геденовский А.В. Из Петербурга в Сибирь... С.206.
16. ЦГА РК. Ф.15. Оп.2. Д.225. Л.19; Д.254. Л.55-56.
17. Там же. Д.254. Л.100; Д.394. Л.17.
18. Там же. Д.171. Л.22.
19. Деятели революционного движения... Т.3. Вып.2. С.806.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Проблема российских немцев, как разменной монеты в большой политической игре, существует уже более ста лет. И она будет сохраняться до тех пор, пока существует в России данная субнациональная группа.

В научной литературе последнего десятилетия эта тема пользуется повышенным интересом: она являлась либо предметом самостоятельного изучения, либо поднималась в контексте общей истории немецкой диаспоры России – СССР – России.

Впервые данная тема с позиций относительной беспристрастности была поднята в исследовательских работах германских историков после Второй мировой войны. Особое звучание она получила на фоне скудной информации о репрессиях в отношении немецкого населения СССР в годы правления сталинского режима. Внимание в этой связи было обращено на политическую сторону жизнедеятельности немцев в России в годы Первой мировой войны. В меньшей степени подверглись изучению, отчасти по причине отсутствия источников, экономический и социальный аспекты. Наиболее отчетливо были прорисованы контуры антинемецкой кампании 1914 – 1917 гг. на примере группы волыньских немцев.

В западногерманской литературе второй половины 80-х гг. определилась отчетливая тенденция, рассматривавшая положение российских немцев в годы Первой мировой войны в рамках так называемого «немецкого вопроса» (*Deutsche Frage*). В монографии И. Фляйшхауэр «Немцы в царской империи: два века русско-немецкого сотрудничества» (Штутгарт, 1986), например, отмечается, что Первая мировая война позволила русским шовинистам узаконить антинемецкие меры, в первую очередь, против той части этой национальной группы, которая «сидела» на русской земле (1).

В своей работе «Российские немцы» А. Айсфельд подробно останавливается на анализе той почвы, которая всю вторую половину XIX в. питала существование «немецкого вопроса» в России, указывая на то, что не последнюю роль в подогревании антинемецких настроений в российском обществе сыграла националистически настроенная пресса.

На постсоветском пространстве данная тематика рассматривается российскими и украинскими исследователями. Особенность данной историографии заключается в том, что в работах изучению подвергается судьба локальной группы российских немцев, что привело к тому, что до сих пор

отсутствуют обобщающие работы отечественных исследователей по данной проблеме. В качестве примера можно назвать монографию И.М. Кулинич и Н.В. Кривеца «Зарисовки из истории немецких колоний на Украине» (Киев, 1995), в которой авторы приводят некоторые данные о ликвидации торгово-промышленных предприятий на Украине, принадлежавших немцам или работавшим с привлечением германского капитала.

В последнее время, правда, предпринимаются попытки провести комплексный анализ и дать объективную оценку антинемецкой кампании в годы Первой мировой войны. Это нашло выражение, например, в кандидатской диссертации И.Г. Соболева «Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны». К сожалению, нам удалось познакомиться лишь с авторефератом данной работы (2), но этого было достаточно для того, чтобы возникла масса вопросов и недоумений.

Анализируя «первые правительственные проекты по ограничению немецкой экономической активности в России» (3), автор упоминает лишь заключение правительственной комиссии 1885 г. и проект министра внутренних дел А.А. Макарова 1912 г. Но возникает вопрос: куда исчез законопроект правительства П.А. Столыпина 1910 г. об ограничении прав землеустройства и землепользования немцев – колонистов трех губерний Западного края, который вызвал переполох среди немецких поселенцев-собственников. Или, по мнению исследователя, он не сыграл никакой роли в истории «немецкого вопроса»? А в то же время он активизировал отток немцев-колонистов на новые земли в Сибири, о чем свидетельствуют статистические данные.

Далее в диссертационном исследовании указывается на то, что «ни один из этих (вышеназванных двух – В.Ш.) проектов не был осуществлен практически, так как их продуманность оставляла желать лучшего» (4). Подобная аргументация заставляет лишь развести руками. А может, свою роль в нереализации данных проектов сыграла позиция думского большинства, и здесь стоит вспомнить высказывания А.И. Гучкова и прочих лидеров оппозиции, чье отрицательное отношение к данным проектам «как к вредным и ненужным» (5) заставило правительство не доводить дело до парламентских дебатов.

Вызывает возражения высказывание И.Г. Соболева о том, что «ни одна из них (существовавших структур МТП, МВД – В.Ш.) не стала тем ключевым звеном в государственной машине, которое взяло бы на себя общее руководство ликвидационной политикой» (6). Как же тогда объяснить сложность работы системы МВД, по линии которой тысячи немцев были высланы из Европейской части империи в Поволжье, Сибирь и Среднюю Азию. Ведь происходило не только насильственное переселение огром-

ной массы народа, но также реализация оставшегося после немцев имущества. Без слаженности государственной машины реализация подобных мероприятий была бы просто невозможна.

Тем самым следует признать, что историки добились гораздо больших успехов в изучении влияния Первой мировой войны на положение немецкой диаспоры в отдельных регионах Российской империи, но во всероссийском масштабе эта проблема остается нерешенной. А потому необходимо восстановить картину событий на местах для того, чтобы затем собрать кусочки мозаики в единую картину.

В имеющейся литературе по истории сибирских немцев данная проблема до сих пор остается «белым пятном». В то же время имеется достаточное количество исторических и этнографических источников для того, чтобы пролить свет на данный эпизод истории. Обращаясь к данной теме применительно Томской губернии и ее алтайской части приходится констатировать факт, что отношения, сложившиеся между представителями немецкой диаспоры и местными властями, с одной стороны, и прочим населением, с другой стороны, разительно отличались от общероссийской картины.

Выше уже отмечалось, что особое влияние на формирование общественного мнения с конца XIX в. в России начинает играть пресса. Не могла она оставить без внимания и этот вопрос. С начала войны газеты, особенно столичные, буквально пестрили заголовками антинемецкой направленности. С появлением «ликвидационного законодательства», например, ни один номер «Нового времени» не выходил без антинемецкой публикации, а бывало, что в номере их было несколько. Подобного рода материалы затрагивали не только немецких колонистов, но также городских жителей. Именно пресса, как нам кажется, сыграла не последнюю роль в организации антинемецких погромов в крупных городах, в том числе Петрограде и Москве.

В это же самое время губернские и городские газеты Томской губернии хранили молчание относительно немецкой тематики. Единственный раз оно было нарушено в августе 1916 г. газетой «Жизнь Алтая», что было связано с прибытием первой партии депортированных немецких колонистов.

Как бы то ни было, но Томская губерния не осталась в стороне от антинемецкой кампании. В первую очередь, она нанесла удар по немцам – русским подданным или уже много лет прожившим в губернии и ведущим здесь свои торговые и иные дела.

В качестве показательного примера абсурдности данной акции мы могли бы привести ситуацию, которая сложилась вокруг дела прусского подданного Роберта Ивановича Крюгера, владельца крупнейшего в Сибири пи-

воваренного завода. В рамках распоряжений по линии Министерства внутренних дел, касавшегося имущества лиц германского подданства, чиновники описали и конфисковали на пивоваренном заводе Крюгера в губернском центре имевшихся в наличии лошадей, конскую упряжь и повозки. И все это было предпринято против человека, который к 1914 г. прожил в России безвыездно 35 лет! Подобные действия привели к тому, что более 200 семей были лишены заработка на заводе и в рамках торгового дела, а именно, ранее скупавшийся в больших количествах для нужд производства, перестал находить сбыт в прежнем объеме (7).

Для облегчения собственной участи и жизни членов своих семей многие немцы, в течение длительного времени прожившие в России, но еще не принявшие русского подданства, начали обращаться к властям с просьбой о принятии их в таковое. Массовый поток прошений приходится на период после появления ликвидационных законов февраля 1915 г.

Для получения русского подданства немцы были вынуждены проходить через унижительную процедуру заполнения различных анкет, сбора метрических свидетельств о рождении, справок для уездного исправника от волостного старшины о непопадности и т.д. В одном из рапортов на имя томского губернатора барнаульский уездный исправник по поводу одной такой просьбы указывал, что «названный иностранец, как родившийся в России и проживающий в ней безвыездно более 50 лет и совершенно свыкшийся с условиями и обычаями русской жизни вполне является благонадежным и законопослушным, стремясь получить права русского подданства по своему искреннему убеждению, а не выгоды» (8). Как правило, заявления подобного рода удовлетворялись властями, хотя и встречались обратные случаи.

Но все это были, скорее, частные случаи, каждый стремился решить возникающую проблему самостоятельно. Но были в «немецком вопросе» аспекты, которые решить в частном порядке представлялось весьма затруднительно, а, скорее, невозможно. В первую очередь, это касалось вопроса землеустройства лиц немецкой национальности и насильственного перемещения немецких колонистов в Сибирь в течение 1915-1916 гг.

Появление первых немцев на территории Алтая связано с освоением его территории горнозаводчиками Демидовыми. Однако приток специалистов немецкого происхождения приходится на период становления и развития кабинетского горнозаводского производства (1747 – 1896 гг.). Именно в это время на алтайских заводах работали российские немцы, оставившие заметный след в истории этого региона. С именами немцев связано хозяйственное и культурное становление не только Алтая, но также сибирского региона в целом. В течение XVIII – второй половины XIX вв. немцами

диаспора Алтая была представлена преимущественно городскими жителями из числа горных инженеров, военных и чиновников. Со временем к ним присоединились предприниматели и торговые агенты, — представлявшие на Алтае интересы западных торговых фирм. Численность немецкого населения накануне массового крестьянского переселения (1907 — 1911 гг.) составляла 1430 человек, что составляло всего 0,07 % населения Томской губернии, из которых 1153 проживали на территории Алтайского округа (9). По конфессиональному составу немецкая диаспора не являлась однородной. Около 85 % немцев по исповеданию принадлежали к протестантским направлениям западного христианства, примерно 5 % немецкого населения приняло православие и лишь 10 % немцев исповедовали католицизм (10).

Новый этап становления немецкой диаспоры Алтая связан с активизацией крестьянского переселенческого движения. Именно в конце XIX — начале XX вв. формируются основные сельские районы расселения немецких переселенцев. Всего на Алтае на рубеже веков возникло три района массового поселения немецких крестьян. Первые два района находились в Кулундинской степи. На базе первого района, представлявшего собой компактное поселение коноводов, впоследствии был образован Немецкий район (1927 г.). Второй район располагался на юге Кулундинской степи и представлял собой дисперсно расположенные поселения. Центром притяжения обоих районов являлся г. Славгород (1907 г.). Основную часть немецкого населения этой зоны составляли меннониты. Третий район расселения немецких переселенцев располагался на юге Алтайского округа в Бель-Агачской степи. Центром тяготения его являлось крупное торговое с. Змеиногорское. Однако с проведением в 1913-1915 гг. Алтайской ж. д. немецкие хозяйства переориентировались на с. Рубцовск. Значительная часть его сегодня находится на территории современной Республики Казахстан.

Переселенческие процессы рубежа веков привели к тому, что в составе немецкой диаспоры региона стали преобладать сельские жители. Численность диаспоры к началу Первой мировой войны (1914 г.) достигла уже цифры в 40 тыс. человек.

Что представляли собой немецкие переселенцы в социально-экономическом аспекте накануне Первой мировой войны?

Приход первых групп немецких крестьян на Алтай совпал с довольно урожайными годами (сам — 7, сам — 8), а в 1899 г. крестьяне сняли рекордный для 1896-1916 гг. урожай хлебов: средняя урожайность составила 67,6 пуд./дес. (11), но прибывшие в 1900 г. и уже в первые годы нашего столетия должны были столкнуться с небывалыми трудностями: в 1900 г. сред-

ний урожай зерновых по Сибири составил 35,5 пуд./дес., тогда как местами он доходил до 23,5 пудов (12), а, по данным заведующего статистическим отделением, предоставленным начальнику Алтайского округа, немцы-католики, проживающие в Локтевском имении Кабинета его величества, собрали в тот год всего по 4 пуда пшеницы и 6 пудов овса с десятины, а немцы-лютеране, проживавшие там же, — 1 и 8 пудов соответственно (13). Все это еще больше усугубило экономическое положение прибывших из Европейской России в Сибирь переселенцев. Немногим более 16% крестьянских хозяйств мы можем отнести к бедняцким, в первую очередь, это те семьи, которые не имели на момент проведения обследования собственной запашки и рабочего скота, а также обладавшие посевам до 4 десятины, но без рабочего скота или при 1-2 головах без посева. То есть характеристика этой группы совпадает с традиционной, но она выделяется рядом признаков, отличавших «пролетариат» немецкой деревни. Одни из особенностей состояла в том, что, с одной стороны, этнический и конфессиональный барьеры мешали беднейшим колонистам наниматься в качестве рабочих в хозяйства православных крестьян, а отсутствие при этом крупных промышленных предприятий мешало им переходить в состояние промышленного пролетариата. С другой стороны, относительная немногочисленность данной социальной группы определила узость внутреннего рынка наемной силы, что в совокупности с изолированностью от внешнего рынка подобного рода предопределило преобладание в немецких колониях Алтая годовых и сроковых рабочих, что было нехарактерным для Сибири того времени. Почти 80 % крестьянских дворов, подвергшихся статистическому обследованию в 1900 г., по своим экономическим характеристикам могут рассматриваться как середняцкие. В данную категорию нами были отнесены хозяйства, обладавшие посевам до 4 десятины и от 4 до 10 десятины при 1-2 головах рабочего скота (53 и 21,5% соответственно), имевшие до 4 десятины и от 4 до 10 десятины при наличии 3-4 голов скота (3 и 1,5 % соответственно). Отличительной чертой их являлась самообеспеченность, т.е. связь данной группы с местными рынками сбыта была минимальной. Гораздо активней она проявлялась у крупнокрестьянских или зажиточных хозяйств, в разряд которых нами были отнесены дворы, являвшиеся владельцами запашки более 10 десятины при 3 и более головах рабочего скота (3,5 %) (14). Эта квазибуржуазия села выполняла на тот момент роль своего рода колонистской элиты: она обладала не только значительным количеством земли и скота, но и денежными сумм, за счет которых арендовались земельные участки в оброчных статьях Кабинета, на их имена оформлялись арендные договоры, что еще больше повышало их роль в жизнедеятельности населенного пункта.

Потеря части капиталов во время переселения и первых лет жизни на новом месте, когда в результате голода колонисты, по их словам, «у кого были припасены с собой деньги и вещи — все проели» (15), привела к появлению группы пролетариата, колонисты же, сумевшие вывести с прежнего места жительства значительные капиталы и сумевшие выгодно разместить их на новом месте, как правило, под процент своим однообщинникам, составили костяк будущей сельской буржуазии. Но подавляющее большинство все же составили середняки, уровень жизни которых в метрополии был достаточно высок. Это опровергает, по крайней мере для немецких переселенцев, утверждение о том, что в потоке мигрантов за Урал в рассматриваемый период преобладали бедняки. Это позволяет в качестве одной из особенностей немецкого переселения на Алтай определить более высокий уровень материального достатка. Это нашло свое выражение, например, в том, что сумма средств, которую они привозили в Сибирь, как уже отмечалось, составляла в среднем 280 руб. на каждую семью, тогда как в среде переселенцев вообще по прибытии в Томск более 100 руб. имели 11,4% семей, а остальные — менее этой суммы (16).

Однако к началу Первой мировой войны экономическое положение немецких колонистов заметно улучшилось, что наглядно демонстрируют, правда, более поздние статистические обследования. К 1914 г. можно предположить, что доля беднейших хозяйств сократилась до 9%, а по некоторым поселкам, например, Подосновской и Орловской волостей даже до 3. За счет сокращения доли середняцких хозяйств, улучшивших свое экономическое благосостояние за счет различных объективных и субъективных факторов, удельный вес средне- и крупнокрестьянских хозяйств очень сильно вырос и достиг отметки 40–50%, тогда как по наиболее зажиточным северным поселениям число зажиточных дворов составляло до 70% (17). Все это позволяло уже в конце 20-х гг. характеризовать немецкую деревню как «сплошь кулацкую» и вызывало некоторое неудовольствие националистически настроенных кругов (18).

Вплоть до начала войны со странами Тройственного союза немецкие колонисты, проживавшие на территории Алтайского округа, не знали особых проблем во взаимоотношениях с властями и окружающим населением. Однако события 1914 г. резко нарушили сложившийся баланс сил.

Надо сказать, что уже в довоенный период проявляются попытки шовинистически настроенных правящих кругов придать силу законам законопроектам, направленным на ограничение основных гражданских прав немецкого населения Российской империи. Это, в частности, нашло свое проявление в попытке провести в 1910 г. через Государственную Думу законопроект, согласно которому предполагалось ограничить права на вла-

дение земель немецких колонистов и их потомков трех губерний Западного края. Однако позиция думского большинства, настроенного против, заставила Кабинет министров не выносить его на рассмотрение парламента. Уже в те годы для обоснования своих позиций «патриоты» выдвигали тезис о наличии «пятой колонны» в лице российских немцев. Их не смущало то, что российская императрица была немкой, многие государственные деятели имели немецкие корни и носили немецкие фамилии. Не последнюю роль в нагнетании истерии сыграли публикации в германской прессе, провоцировавшей конфликт между немецкими колонистами, проживающими, в первую очередь, в приграничных губерниях, и правительственными кругами.

Нагнанный войной катализировала назревший конфликт. Надо сказать, что антинемецкая кампания, принявшая широкий размах по всей Российской империи, не везде была поддержана. Отличие Алтая заключается в том, что кампания была инициирована не местными властями, как это было, например, в Ставропольской губернии (19), а из Петрограда. Здесь она не приняла широкого размаха, не вылилась в выселение немцев в другие регионы. При этом следует отметить некоторую пассивность властей в ее реализации.

Возможно, алтайским немцам удалось бы остаться в стороне, если бы в одной из столичных газет в ноябре 1914 г. не появилась заметка анонимного автора, описавшего в довольно мрачных тонах следующую ситуацию. По его словам, относящимся к Алтаю, «почти все самые лучшие земли в ... Барнаульском уезде ... в немецких руках» (20), а почти все кабинетские земли арендуются немцами. При этом им ставится вопрос: почему лакомые куски попали «в эти варварские, а не русские руки». Еще 17 и 21 октября 1914 г. Совет министров принял предложение о ликвидации немецкой собственности в России и распространении «репрессивных в отношении к германцам и австрийцам распоряжений на все пространство империи». На этом фоне появившаяся месяц спустя заметка не могла пройти незамеченной.

24 февраля на адрес Главного управления Алтайского округа была получена телеграмма, в которой министерство внутренних дел ставило вопрос о том, «имеются ли в округе арендаторы-немцы иностранные или русские подданные сколько арендуют и какое количество десятин они арендуют, какого качества эти земли» (пунктуация сохранена — В.Ш.) (21). На следующий день в лесничества из Барнаула были направлены телеграммы с аналогичным содержанием. Уже спустя два дня были получены ответы из шести лесничеств. Из ответов следовало, что то незначительное количество немцев, которое арендовало земли в оброчных статьях, занималось

на них разнообразными занятиями: основная часть земель использовалась в сельскохозяйственных нуждах, мещанство же использовало земельные участки в основном для строительства летних дач, немногие немцы размещали на арендованных у Кабинета землях промышленные предприятия, как это делал Гаст П.К., на оброчной статье которого находились каменный и конный заводы (22).

К началу ноября были собраны более или менее полные сведения, которые и были направлены в столицу. На этом основании можно говорить о том, что на территории Алтайского округа проживал 101 немец-арендатор, находившийся в русском подданстве, немцев иностранного происхождения среди них не было вовсе (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Ведомость о числе арендаторов Кабинета
Его Величества, немцев по национальности, арендующих
в Алтайском округе земли по договорам**

Уезд	Число арендаторов	Общая площадь	Вид пользования
1. Ключевское	16	1663,57 дес.	сельское хозяйство
2. Колыванское	11	108	то же
3. Сомовское	1	165,61	то же
4. Локтевское	2	60,20	то же
5. Ташкентское	1	172,9	то же
6. Ново-Николаевское	3	55,80	то же
7. Убинское	65	7353,11	то же
8. Нижне-Кудундское	2	260	то же

Подсчитано по: ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.3402. Л.115-119.

В совокупности немецкими крестьянами и мещанами арендовалось у Кабинета его величества 10439,11 дес. земли, что составляло на тот момент всего 0,14 % земель, обрабатываемых на Алтае. Добавив к этому тот факт, что эти земли находились, как правило, в малопригодных для земледелия районах, становится ясно, что крики о «немецкой угрозе» на Алтае были более чем преувеличенными.

Свое развитие ситуация получила после опубликования в печати «Указа о прекращении землевладения и землепользования подданных и выходцев из враждующих с Россией государств (закон)» от 2 февраля 1915 г. Основная идея документа сводилась к тому, чтобы впредь совершение всякого рода актов о приобретении права собственности, права залога, а также прав владения и пользования недвижимыми имуществами, отдельного от права собственности, равно как участие в публичных торгах на указан-

ные имущества выходцам в том числе из Германии по всей России запрещалось. Таким образом с его появлением антинемецкая кампания вступила в новую фазу: она приобретает всероссийский размах, приобретает юридическую основу.

На Алтае с воплощением данного документа в жизнь спешить не стали. Ограничились лишь циркулярным распоряжением к лесничим, которым рекомендовалось «воздержаться от сдачи в аренду земли ... лесничества немцам, хотя бы и русским подданным». Согласно этому же распоряжению, им предписывалось «всемерно стремиться к расторжению заключенных с такими лицами договоров, при малейшем нарушении со стороны их арендных условий» (23). И договора начали расторгаться по поводу и без повода. Немецкие поселенцы ответили на эти шаги потоком жалоб на имя начальника Алтайского округа, доказывая в них, что хозяйство их носит культурное значение, и ничего кроме пользы не приносит.

Однако все эти ходатайства отклонялись. Но, несмотря на это «они вновь возбуждают аналогичные ходатайства, подкрепляя их такой мотивацией, которая ставит в затруднение Управление Округа», — писал в своем донесении начальник округа управляющему Кабинетом его величества (24). В нем он пытался встать за немцев-арендаторов, указывая в донесении на то, что для расторжения договоров чаще всего используются «формальные основания». Подобная позиция не вписывалась в имевшиеся установки, а потому она вызвала в Петрограде неудовольствие. Поэтому в ответном распоряжении указывалось, что «Начальник Округа не должен придавать значения общим соображениям, а в каждом отдельном случае от каждого просителя требовать определенных доказательств, что ... лицо может пользоваться установленными в законе льготами» (25). В результате по отношению к немцам, арендовавшим на Алтае кабинетские земли, была применена буква закона. Незамедлительно это привело к сокращению числа арендаторов. При этом 71 семье удалось сохранить права на аренду, ибо они смогли документально подтвердить, что их предки перешли в российское подданство еще во второй половине XVIII — начале XIX вв. (26).

Рассматривая действия алтайских властей по отношению к немецким поселенцам следует иметь в виду, что ликвидационное законодательство здесь применялось исключительно к лицам, арендовавшим кабинетские и государственные земли. Крестьян, проживавших на обмежеванных землях, эти акции не коснулись.

С другой стороны, Первая мировая война повлияла на формирование немецкой диаспоры на Алтае с совершенно неожиданной стороны.

Конечная цель антинемецкой кампании, проводимой царскими властями,

ми в течение 1914-1917 гг. была четко сформулирована в отчете генерал-лейтенанта Курлова: заставить российских немцев «отмежеваться от германцев, забыть об общности происхождения, забыть об общности языка и совершенно вычеркнуть из своей памяти родственников, сражающихся в войсках наших противников» (27). Ограничения прав собственности и прочих гражданских прав немецких колонистов властям показалось мало, и они принимают беспрецедентное для России решение о депортации населения на основе этнического признака.

Уже 31 декабря 1914 г. генерал Н.В. Рузский обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу за разъяснением распоряжения Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о «выселении из Привислинского края всех немецких колонистов». При этом им было предложено в дополнение:

«Первое – выселять только мужское население в возрасте 15 лет и выше, женщин и детей не выселять; второе – выселять только сельское население, не распространяя выселение на городское население; третье – благонадежных лиц, состоящих на государственной и общественной службе, не выселять; четвертое – лиц, заподозренных в малейшей неблагожелательстве к нам, выселять, не взирая на возраст, пол, место жительства или служебное и общественное положение» (28).

11 января 1915 г. генерал Н.Н. Янушкевич распространил зону выселения на всю линию фронта, а уже 15 января того же года директор Департамента полиции МВД генерал В.Ф. Джунковский разрешил депортировать немцев во все губернии, кроме объявленных на военном положении. При этом вопросы депортации находились в ведении военных властей, а проблемы приема и водворения высланных немцев решались гражданскими властями.

В число губерний, в которые надлежало направлять выселяемых из прифронтовой полосы немецких колонистов, входила и Томская губерния, которая начала принимать первые партии депортированных только летом 1916 г. 3 июля 1916 г. в Томске была получена телеграмма из Петрограда, в которой указывалось, что «губерния предназначена для водворения немцев-колонистов выселенных Юго-Западного фронта распоряжением военных властей» (29). Аналогичные телеграммы были направлены из МВД в Пермь, Вятку, Вологду, Тобольск, Акмолинск.

Анализ архивных документов свидетельствует о том, что в конце июля – начале августа 1916 г. в Томскую губернию были направлены две группы депортированных. Первая группа была направлена 26 июля со станции Новгород Волынский в составе 333 немцев – колонистов; несколько позже, 6 августа, со станции Костополь «на станцию Обь» отправлена партия

выселенных немцев-колонистов Луцкого уезда количестве шестидесяти девяти душ» (30).

16 августа первая партия прибыла в Ново-Николаевск, откуда была «отпущена порядком» отправлена в город Колывань. Однако не все смогли достичь нового места поселения: из 333 человек, отправленных с Волыни, в Сибирь прибыло лишь 320 человек, а 13 человек скончались в пути.

Приближенное рассмотрение состава группы депортированных немцев позволяет сделать ряд выводов о характере депортационной кампании властей в рассматриваемый период. Это возможно благодаря информации, которая содержится в сохранившемся «Именном списке немецких колонистов, выселенных по распоряжению военных властей Юго-Западного фронта и предназначенных для водворения в город Колывань Томской губернии».

Анализ сведений «Именного списка ...» позволяет нам восстановить географию выселения, полово-возрастную структуру, вернопоселение, вид хозяйственной деятельности немецких колонистов данной партии.

География прежнего места жительства депортированных семей вполне локальна в рамках Российской империи: 74 из 79 семей были высланы из Волынской губернии и лишь 5 семей – из губерний Привислинского края. При более пристальном рассмотрении можно заметить, что данная партия была сформирована преимущественно из числа немецких колонистов, проживавших до лета 1916 г. в колониях Луцкого уезда и г. Луцке (69 семей) (31). При этом создается впечатление, что на отправочном пункте военные власти, отвечавшие за депортацию, преднамеренно перемещали жителей по партиям и местам водворения, чтобы на новом месте не были восстановлены прежние общества. Анализ половозрастной структуры прибывших в Томскую губернию немецких колонистов также оставляет много неясностей (см. табл. 2).

Таблица 2.

Половозрастная структура партии немецких колонистов, прибывшей в г. Колывань Томской губернии 16 августа 1916 г.

Возраст	м.п.	ж.п.	о.п.
до 8 лет	36,29%	17,31%	25,83%
8-18(16)	31,51%	25,70%	28,31%
18 (16)-60 (55)	17,12%	40,78%	30,15%
старше 60 (55)	15,08%	16,21%	15,71%

Подсчитано по: ГАТО. Ф.3. Оп.67. Д.503. Л.27-41.

В рассматриваемой нами группе более 54 % составляли несовершеннолетние дети в возрасте до 16 лет у женщин и 18 лет у мужчин, при этом

дети до 8 лет составили 25,8% в общей группе. Не столь значительной была старшая возрастная группа – старики в возрасте 55 (60) лет составили почти 16 % от общего числа депортированных. Очень непонятны данные по средней возрастной группе – немногим более 30 % высланных могут быть отнесены к данной возрастной категории, при этом обращает на себя внимание тот факт, что доля мужчин в возрасте от 18 до 60 лет в своей половой группе едва превысила 17 %. То есть, немногим более 1/4 из числа депортированных являлась полноценной.

Столь низкая доля взрослых мужчин в составе депортированной партии ставит перед нами вопрос: где остальные мужчины, почему столь значительно нарушено равновесие в поло-возрастной структуре. К сожалению, мы не в состоянии сегодня ответить на данный вопрос, но зная историю депортации в годы Второй мировой войны, можно предположить различные варианты ответа.

Высланные немцы не были однородны в своем конфессиональном составе. Правда, почти 87% депортированных исповедовали лютеранство, однако имелись также семьи, в которых исповедовали католичество и православие. География вероисповедания практически полностью совпадает с географией прежнего места жительства: лютеране проживали в колониях Волынской губернии, католики же и православные были высланы преимущественно из г. Луцка и губерний Царства Польского (32).

Достаточно интересны сведения о хозяйственной деятельности немецких колонистов в прежних местах проживания. Однако сначала надо отметить, что почти 95 % семей до депортации проживало в сельской местности, в 5 % семей относились к городским жителям.

Основная масса колонистов занималась земледелием (60,76% хозяйств), при этом мы можем выделить группу хозяйств, которая занималась обработкой собственного земельного надела (56,25%), а также тех, кто работал на арендованных землях (43,75%). Однако речь не идет о том, что в данном случае мы имеем дело с крупными собственниками или владельцами земли, ибо лишь в одном случае мы имеем дело с семьей, владевшей на правах собственности 128 дес., тогда как в среднем надел земли едва превышал 15 дес. на одно хозяйство.

Оставшиеся семьи жили за счет неквалифицированной временной работы (24,05%), либо выполнения работ, не связанных с земледелием (13,92%) (33). Эти данные позволяют нам выдвинуть предположение, что именно последним, связанным с плотничеством, портняжничеством, кузнечеством и т.д., было несколько проще в условиях нового города устроиться и найти пропитание для своих семей.

Именно с проблемой обустройства на новом месте жительства столк-

нулись немецкие колонисты в первое время проживания в Кольвани. Высланные под надзор полиции и ограниченные в свободе передвижения, они, лишенные своего имущества, должны были самостоятельно о себе заботиться, а властям при этом было указано, что «немцам-колонистам русским подданным ... надлежит производить за счет средств, отпускаемых из Государственного Казначейства на оказание воспомощений беженцам, и лишь в случае крайней необходимости и отсутствия заработка в месте проживания» (34). А это означало, что депортированные немецкие семьи были брошены на самовыживание.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по отношению к российским немцам на территории Алтайского округа ликвидационное законодательство применялось не в полной мере, как это происходило в других регионах Российской империи в 1914-1916 гг. Оно затронуло лишь арендаторов, тогда как большинства немецких переселенцев оно коснулось опосредованно, что выразилось в смене немецких названий поселков на русские.

Помимо этого в годы Первой мировой войны было принято несколько групп депортированных немецких крестьян из приграничных губерний. Таким образом эти колонисты невольно пополнили немецкую диаспору на Алтае.

Эти мероприятия царских властей отличались слаженностью механизма выдворения и надзора. Но депортационные мероприятия вовсе не предусматривали наличие каких бы то ни было элементов оказания помощи в новых условиях.

С учетом изложенной картины, когда подавляющую часть высланных составили дети, старики и женщины, перечисленные шаги властей могут быть расценены не иначе как геноцид субнациональной группы в рамках Российской империи по национальному признаку. Правда, здравый смысл достаточно быстро взял верх над эмоциями хрых шовинистов, кричавших о «немецкой угрозе» внутри России. Но практика депортации народов не была забыта, она была востребована и активно эксплуатировалась уже в годы сталинского тоталитаризма в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Fleischchauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Stuttgart, 1986. S. 329.
2. Соболев И.Г. Борьба с «немецком засильем» в России в годы первой мировой войны: Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. СПб., 1998.
3. Там же. С. 11.
4. Там же.
5. Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. Барнаул, 1995. С. 87-88.

6. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» ... С. 13.
7. Государственный архив Томской области (далее ГАТО), Ф. 3. Оп. 67. Д. 314. Л. 64 об.
8. Там же. Д. 366. Л. 1 об.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства Внутренних Дел под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 79: Томская губерния. – СПб., 1904. С. X. Подсчет.
10. Там же. С. 68-69, 76-77, 92-93. Подсчет.
11. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск: Сиб. отд. Всероссийского Центра Союза Потребительских обществ, 1921. С. 52.
12. Там же.
13. Ковригина М.П. Неурожай хлебов в юго-западной части Алтайского округа в 1900 г. и размеры продовольственной нужды в 10 селениях Покровской волости Барнаульского уезда // Алтайский сборник. Вып. 5. Барнаул, 1903. С. 115.
14. ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д.2566. Л. 85-85 об. Подсчет.
15. Там же. Д.2554. Л. 30 об.
16. Там же. Д.671. Л. 40. Подсчет.
17. Там же. Ф. 233. Оп. 1. ДД. 799, 800, 801, 802, 803, 805, 808, 810, 812, 815. Оп. 1-6. Д. 575. Подсчет.
18. Краткий отчет ВЦИКУ о положении немецкого крестьянства в Сибири члена ВЦИК, заместителя наркома просвещения РСФСР В.А.Курца // Новое время – Neue Zeit. Славгород. 1994. 22 марта.
19. Подробнее см.: Плохотников Т.Н. Положение этнических немцев Ставрополя в годы Первой и Второй мировых войн // Российский исторический журнал. 1995. № 4. С. 12-18.
20. Новое время. Петроград. 1914. 20 нояб. (3 дек.).
21. ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702. Л. 1.
22. Там же. Л. 16, 17, 21, 24, 51-54, 55.
23. Там же. Л. 121.
24. Там же. Л. 175.
25. Там же. Л. 177 об.-178.
26. Там же. Л. 273-274. Подсчет.
27. Цит. по: Нелипович С.Г. ДеPORTации в России 1914 – 1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1997. №1. С.42.
28. Там же. С. 45.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 503. Л.1.
30. Там же. Л. 13.
31. Там же. Л. 27-41. Подсчет.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. Л. 25.

В.Ф. Гришатов

«ВОТ ВЫДАМ СЕБЯ ЗА КУЛАЦКОГО ГЛАВАРЯ...»

(К истории Добытинского восстания)

От всех многочисленных крестьянских восстаний в Западной Сибири в начале 30-х годов, вызванных раскулачиванием и насильственной коллективизацией, это восстание отличается тем, что его организовал и на первых порах возглавил... уполномоченный ОГПУ по Усть-Пристанскому району Добытин. Случай, наверно, единственный в истории органов!..

Кем же он был?

Фёдор (в некоторых документах – Фрол) Григорьевич Добытин родился в 1903 г. в Петропавловском округе (северный Казахстан) в семье крестьянина-бедняка, в 1921 г. вступил в комсомол, в 1922 г. окончил губернскую совпартишколу, в 1925 г. призван на военную службу. Проходил её в Новосибирске, в 9-м полку ОГПУ, куда, надо полагать, кого попало не брали. Там вступил в ВКП(б). После демобилизации (1927 г.) как человек проверенный, был принят фельдшером в ПП (полномочное представительство) ОГПУ по Сибирскому краю.

По отзывам сослуживцев, был по характеру замкнут, хитёр и страшно скуп, в обращении с товарищами груб и высокомерен. И с женой, по их словам, вёл себя так же: «Я сказал и повторять не буду!» Но начальство, похоже, его ценило. За два с небольшим года Добытин продвинулся на несколько, пусть малозначительных ступенек по службе, и в начале января 1930 г. был назначен уполномоченным ОГПУ по Усть-Пристанскому району.

По словам жены, он давно мечтал о таком назначении: «Где много кулаков – там весёлая работа!». Если весёлой работой чекист называл раскулачивание и насильственную коллективизацию, то она была в полном разгаре.

Многострадальное крестьянство сопротивлялось этой «веселой работе» как могло. Не случайно 1 ноября 1929 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР объявил Сибирский край «неблагополучным по бандитскому». Здесь было зарегистрировано 456 «кулацких банд». (Давно доказано, что «банды» были общекрестьянскими).

Усть-Пристанский район тоже был «неблагополучным». По данным ОГПУ, здесь в ряде сёл ещё в конце 1929 г. возникли «кулацкие контрреволюционные группировки». Даже фамилии руководителей назывались: в Коробейниково – «кулак» Красков Михаил Егорович, в Коловом Мысу – «бывший волостной старшина» Поздоровкин Дмитрий Денисович, в Ел-

банке — «кулак, бывший эсер» Соболев Андрей Иванович, в райцентре — «местный торговец» Павлов Иосиф Степанович. (Здесь и далее слова, заключенные в кавычки, взяты из архивно-следственного дела). В январе 1930 г. к приезду Добытина, они якобы объединились в одну организацию во главе с Михаилом Красковым и начали подготовку вооруженного восстания «с целью свержения советской власти». (Самое ходовое обвинение у чекистов в те годы).

И вот Добытин, если верить обвинительному заключению, узнав о существовании такой организации во вверенном ему районе, решил... её возглавить!..

Позже, на допросе, жена его Ольга Васильевна показала, что однажды он признался ей, будто готовит восстание и рассчитывает на поддержку крестьян всего Алтая. Ещё он будто бы говорил, что не согласен с политической ликвидацией кулачества как класса. Это удар не по кулаку, а по всему крестьянству.

— Как же так? — спросила она. — Ты же член ВКП(б), а собираешься выступить против партии и советской власти.

— А может, я и в партию вступил с определённой целью.

Хотите верьте, хотите нет. Лично я не очень верю, тем более, что в другом своем показании она приводит признание Добытина прямо противоположного характера: «В районе развелось много кулацких банд, но полностью их вычистить не удастся. Вот выдам себя за кулацкого главаря, тогда, может быть, удастся это сделать».

Чему верить?..

2

Судя по материалам уголовного дела, восстание, вошедшее в историю под названием Добытинского, развивалось так. 3 или 4 марта Добытин вызвал из Колового Мыса известных ему членов «контрреволюционной группировки»: Илью и Дмитрия Поздоровкиных, Владимира и Степана Шемёнёвых, Егора Попова, Михаила Артамонова, из райцентра — Петра Налимова, с каждым по отдельности побеседовал, интересуясь в основном биографией, и отпустил с миром. Но 7 марта снова всех вызвал, арестовал и посадил в каражную камеру при милиции. Лишь Дмитрия Поздоровкина через несколько часов освободил, но запретил ему отлучаться из райцентра.

А дальше — хоть детективный роман пиши!

Глубокой ночью, переодевшись в штатское, Добытин в сопровождении бывшего урядника Григория Уланова (сведений о нём в уголовном деле нет) пришёл в дом глухого старика Фомы Белкина, где остановился

Дмитрий Поздоровкин. Там Уланов представил ему Добытина как бывшего офицера, который готовит восстание против советской власти и вербует сторонников. И Поздоровкин поверил! Более того, свёл Добытина с Михаилом Красковым, и они вместе наметили план дальнейших действий.

Красков и Поздоровкин предложили начать восстание по окончании весенней посевной, чтобы народ во время заварухи не остался без хлеба. Добытин же настаивал на более раннем сроке — 10 марта, и вот почему. 5 марта в Усть-Пристань закончились сборы допризывников. После них осталось 80 винтовок и 3000 патронов, полученных на время сборов из Бийского окрвоенкомата. Окрвоенком приказал всё это немедленно вернуть, но начальник учебно-сборного пункта Алексеев под давлением Добытина затянул с отправкой. 8 марта окрвоенком повторил приказ, но оружие и патроны к тому времени были сданы в милицию, и Добытин отдал начальнику милиции письменное распоряжение — оружие без его ведома не отправлять. Но долго тянуть с отправкой он тоже не мог, потому и торопился с началом восстания.

Добытин попытался, было, завладеть оружием и партийно-советского начальства района: предложил им сдать его в милицию якобы для лучшей сохранности, но этот номер у него не прошёл.

3

9 марта Добытин позвонил работавшим в сёлах района «по изъятию кулаков» сотруднику ОГПУ Корнуганову и агенту угрозыска Дурышину, приказал арестовать и к семи часам вечера доставить к нему прямо в дом: 15 кулаков из Коробейниково, 13 — из Елбанки и 11 — из Колового Мыса. Продиктовал фамилии.

Приказ был выполнен. Сельисполнителям, доставившим арестованных, Добытин командовал оставить оружие у него на кухне, а самим идти отдыхать в общежитие. Ещё несколько стволов прибавилось для повстанцев!..

Кроме прибывших, Добытин вызвал, под предлогом допроса, трех жителей Усть-Пристань, ранее им «обработанных»: «бывшего офицера, карателя» Зиринга Ганса Яковлевича, «писаря на царском флоте», а ныне заведующего отделом районной конторы Сибторга Красикова Андрея Афанасьевича и бухгалтера райколхозсоюза Катыхева Николая Ивановича. (Все трое погибли в ходе восстания).

Таким образом, к полуночи в просторном домашнем кабинете Добытина собралось более 40 человек... Всего ожидали подавленные арестом мужики, но только не того, что услышали. Вошёл к ним Добытин и обратился с такой речью:

— Сегодня ночью по всему СССР пройдут аресты партийного и советс-

кого начальства. Мы выступаем против неравноправия, за то, чтобы не только им, а всем жилось хорошо. У нас есть связь с Барнаулом, Бийском, станцией Алейская. Аресты проведём без пролития крови. Начнем с Усть-Пристаня, а там двинем дальше.

Даже представить трудно, как ошарашены были мужики такой речью! Мыслимо ли дело, чтобы гекушник призывал к восстанию против советской власти! Не подловить ли хочет? Поверишь — без головы останешься. А поверить очень хотелось. Может, и впрямь найдется управа на погубителей крестьянского рода?..

После Добытина выступил Михаил Красков, назвавшийся членом штаба восстания.

— Мужики, сельчане, мы же хотим поднять вас с колен, на ноги поставить, а вы упираетесь. Еслии всем миром поднимемся, как в девятнадцатом против Колчака, никто нас не одолеет!

Краскову поверили: свой брат-мужик, зря брехать не станет. Кто-то даже шёпс предложение.

— Без крови в таком деле не обойтись. Еслии никого из коммунистов не порешим, народ нам не поверит.

Добытина роздал наиболее надёжным десять имеющихся у него револьверов, ружья сельхозинженеров и, вот, около трёх часов ночи новопечённые «бандиты», оставив, по приказу Добытина, свои торбочки с едой и бельём, прихваченные на случай отсижки, двинулись по своим улицам села к милиции...

Лишь один из них, Яков Попов, крестьянин-середняк из села Коробейниково, скитрил: притворился, что у него схватило живот, лёг на солему во дворе и остался. К сожалению, это его не спасло. После подавления восстания он был арестован, зачислен в кулаки, обвинён в том, что якобы призывал сельчан вступать в «банду» и расстрелян. В 1992 г. реабилитирован посмертно.

4

С милиции Добытина начал неспроста: кроме винтовок и патронов, так и не отправленных в Бийск, там находилось около 80 арестованных, в основном кулаков. Ими намеревался он пополнить свое войско. Пройти же в милицию для него не составляло труда: он пользовался правом беспрепятственного входа туда в любое время суток.

Из показаний сельхозинженера В.Л. Морозова:

«В ночь на 10 марта я находился в милиции. Со мною были: дежурный от райкома партии Зимин и сельхозинженер Белоусов Иван. Часа в четыре ночи вдруг заходит Добытин и с ним человек пять в крестьянской одеж-

де. Они отобрали у нас оружие и стали обыскивать. Добытина спросил: «У кого ключи от камер?» Я ответил, что на ночь сдал их дежурному по району. На самом деле спрятал их в рукаве, при обыске не нашли. Добытина послал Белоусова вызвать постового у камер, а когда тот прибыл, отобрали у него винтовку. Замки с камер по приказу Добытина были сбиты, арестованные освобождены, а вместо них посадили нас...».

Из показаний Ф.А. Прокурина, жителя с. Троицкого, осуждённого к лишению свободы и ждавшего отправки в тюрьму.

«...Часов около четырёх утра к нашей камере кто-то подошёл и закричал в волчок: «Попов! Довольно сидеть! Щёлоковы! Довольно сидеть!». Те соскочили и стали плахою выбивать дверь. С наружной стороны её тоже начали ломать. Мы залезли под нары. Когда дверь открылась, вошёл человек в тулупе нараспашку, с наганом в руке, заглянул под нары, закричал:

— Вы што тут сидите, так вашу мать!

Мы вышли на улицу, там арестованным раздавали оружие. Получив винтовки, мы с Дороховым Тимофеем бежали через забор в дом Курятникова, где квартировали милиционер Суворов Степан и жогель села Нюкне-Озерного Эммануилов Порфирий, учившийся на счетоводных курсах. Мы рассказали Суворову, что арестованные выпущены из каталажки. Тот не поверил. Тогда мы показали ему винтовки. Он хотел бежать, но мы ему рассоветовали.

С рассветом пришёл милиционер Кузнецов. Они с Суворовым переоделись в гражданское и куда-то ушли без оружия. Часов в 12 вернулись, взяли винтовки и опять ушли, а мы с Дороховым остались. Когда всё успокоилось, они пришли, и мы вместе направились в милицию...».

Из показаний младшего милиционера С.П. Алфёрова:

«...Подойдя утром к отделению милиции, я увидел крестьян с винтовками, стоявших в две шеренги от крыльца до улицы. Они протурили меня в помещение, к Добытину. Я сказал: «Здравствуйте, товарищ уполномоченный». Он ответил: «Товарищей сейчас нет. Кто такой?» — «Милиционер. Член ВКП(б)». — «Мы со членами будем расправляться». Меня обыскали и отвели в камеру. Все три камеры были уже переполнены. В них сидело не меньше 150 человек. Часов в 11 я услышал три выстрела во дворе. Там кого-то расстреляли. Освободили нас около двух часов дня...».

По другим данным, арестованных было около ста: коммунистов, комсомольцев, милиционеров. Лишь с главной фигурой — секретарем райкома ВКП(б) Шевяковым Николаем Николаевичем оплошность получилась: по дороге в милицию он сумел бежать от арестовавших его Попова Егора и Байкатова Степана. Они стреляли ему вдогонку, но промахнулись. Шевяков спрятался в подполье дачада, а когда повстанцы покинули село, начал собирать силы для их преследования.

«По плану Добытина, — говорится в обвинительном заключении, — восстание должно было начаться в Усть-Пристанском районе без заблаговременного предупреждения каких-либо контрреволюционных организаций как в Бийском округе, так и за его пределами. Лишь по мере успешного развития восстания он наметал установить связь не только с другими округами, но и с белогвардейскими силами в Китае».

Планы, что и говорить, наполеоновские. Но вот вопрос: откуда они стали известны чекистам? В протоколах допросов участников восстания об этом — ни слова, а самого Добытина ищут до сих пор. Ищут ли?..

Другая загадка: в обвинительном заключении утверждается, что у Добытина была политическая программа. Он «мыслил, что самым приемлемым типом государства будет буржуазно-демократическая республика с президентом во главе, причём размышлял о приемлемости своей кандидатуры на эту должность».

С ума сойти! Неужто он был так самонадеян или так глуп? Только слыется мне, что все эти планы и размышления придумали за Добытина сами чекисты. Больше им неоткуда взяться.

Недалеко от Добытина по части прожектерства ушёл, если верить чекистам, и его ближайший помощник Михаил Красков. На митинге в Коробейникове он якобы заявил:

— Граждане, помогайте нам. Мы поставим то правительство, какое нам нужно. Хотите президента — поставим президента. Хотите царя — поставим царя.

Красков погиб в ходе подавления восстания и на него можно было валить всё, что угодно...

Более разумно, на мой взгляд, рассуждал другой помощник Добытина, крестьянин-середняк (в уголовном деле — «кулак») из Елбанки Попов Егор Степанович, в прошлом эсер. Вот что показал он на допросе:

«Если бы наша банда имела успех и если бы действительно в СССР произошло восстание и свержение везде советской власти, как об этом говорил Добытин некоторым участникам банды, то я продолжил бы принимать участие в банде. Я лично мыслил, что необходимо было бы тогда:

а) Оставить по-прежнему советское правительство, но созданное на началах свободного выбора без какого бы то ни было давления. При этом ставку надо делать на работающего, хозяйственного мужика, который умелым ведением своего хозяйства доказывал бы способность решать и более сложные дела. Теперь же приходится видеть, что к делам, требующим опыта и сноровки, ставятся люди, не умеющие работать и в результате развали-

вакт дело. Для примера взять хотя бы Елбанскую коммуны, которая развалилась из-за неумения руководителей.

б) Партии коммунистов-большевиков дать возможность существовать, но не предоставлять таких прав, какие она имеет теперь; пусть пользуется правами, равными с другими партиями, которым надо так же дать полную возможность существовать.

в) В сельском хозяйстве придерживаться линии на добровольно создаваемые артели по взаимному договору. Считаю, что без этого сельское хозяйство не поднять, так как оно очень разорено.

г) Везде и всюду упростить и сократить управленческий аппарат, конторы, правления и пр.

д) Бедняков принимать в сельхозартели по выбору — кто докажет, что умеет работать, остальные пусть идут в совхозы или иные предприятия. О совхозах я говорю потому, что там могут исправить лодыря при хорошей постановке труда...».

Согласитесь, светлая была голова у Егора Попова, государственная голова. Только рубили тогда такие головы, посмеявшие усомниться в мудрости партии и её вождя...

6

Прав был поэт: «Не дай Бог увалеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Ещё в Усть-Пристане, в первый день заварухи, повстанцы без суда и следствия казнили восемь ни в чём не повинных человек. Привожу их имена.

1. Алексенцев Иван Андреевич, 40 лет, секретарь партячейки коммуны «Из искры — пламя». Убит выстрелом в затылок.
2. Боровиков Фёдор Лупманович, 27 лет, помощник начальника районного отделения милиции. Убит тремя ударами штыка в грудь.
3. Варгаев Иван Денисович, 27 лет, милиционер. Убит выстрелом в сердце.
4. Катугин Григорий Николаевич, 28 лет, начальник районного отделения милиции. Только что прибыл и ещё не успел вступить в должность. Убит двумя выстрелами: в лоб и сердце.
5. Мокрушин Тимофей А. (отчество неизвестно, должность тоже). 38 лет, член ВКП(б). Убит выстрелом в живот.
6. Нужных Виктор Васильевич, 27 лет, младший милиционер. Убит выстрелом в спину.
7. Петрачёв Василий Никифорович, 36 лет, директор мельницы. Убит выстрелом в затылок.
8. Мартельянин Алексей Фролович, 32 года, заместитель председателя райисполкома. Пуля застряла в правом плече.

Кроме них в уличной перестрелке погибли: директор Калманского зерносовхоза Петр Петрович Бианки и агроном того же совхоза Н.Н. Ярцев-Попов (полностью имя и отчество установить не удалось). О Бианки известно: родился в 1891 г. в Одессе, по национальности итальянец, отец – русский подданный. С 1913 г. в Северной Америке, в 1919 г. за революционную деятельность выслан в Советскую Россию, с 1929 г. – на Алтае. 25-тысячник.

Из показаний инженера-металлурга Калманского зерносовхоза П.П. Морковкина:

«10 марта, в девятом часу утра, П.П. Бианки, Н.Н. Ярцев-Попов, техник-строитель Новосибирского отделения треста «Союзнефть» В.И. Голубятников и я вышли из столовой после завтрака, вдруг услышали стрельбу. Не зная причины, мы предположили, что ловят бежавших из-под стражи кулаков. Бианки поспешил в райисполком и вернулся оттуда с винтовкой. Вместе с местными жителями нас собралось человек 10-15, но оружие было лишь у нескольких. Вскоре мы заметили группу около 10 человек, которая двигалась по направлению к нам и стреляла на ходу. Их вёл высокий мужчина в шинели с красными петлицами. Пули стали пролетать и мимо нас. Мы закричали: – Что вы делаете? Почему стреляете в своих?»

Они прекратили стрельбу, и мы сошлись у столовой. Военный в форме ОГПУ, подойдя, сказал:

– Чёрт знает что! Сам ничего не понимаю. Он стал нас строить в три ряда, но мы заметили, что те, кто пришёл с ним, а у них у всех были винтовки со штыками, стали нас окружать. Кто-то из местных узнал в одном из них ранее арестованного кулака, шепнул другому, третьему. Мы крикнули: «Клади винтовки!» В ответ они с трёх шагов дали по нам залп. Я стоял рядом с Бианки и вместе с ним упал. Слышал, как он застонал. Вскочив, я бросился в сторону, перемахнул через два забора и попал в «Молокосоюз», где понеминому пришёл в себя. Когда стихли выстрелы, вернулся к трупам. Там уже собрались любопытные женщины. Бианки пуля попала в правый висок, Ярцеву-Попову – в живот и левую руку...»

Помните, читатель, какое пожелание высказал в доме Добытина один из повстанцев: «Надо убить нескольких коммунистов, иначе народ нам не поверит». Пожелание, как видим, было исполнено, однако результат оказался противоположным ожидаемому. Ни один из жителей райцентра не пожелал примкнуть к участникам кровавой расправы. Видимо, это и послужило причиной того, что около часу дня повстанцы (их набралось, по свидетельству очевидцев, около сотни) сели на реквизированных лошадей и двинулись в сторону Барчихи, даже не попытавшись оставить в Усть-Пристанн хоть какую-либо «свою» власть...

Добытин тоже чуть не погиб в той стычке, где были убиты Бианки и Ярцев-Попов. По счастливой случайности пуля, пробив шинель, лишь вскользь обожгла спину. Он упал, но сразу вскочил и со всех ног рванул домой, оставив сообщников в полном недоумении.

Из показаний Ольги Добытиной:

«...Часов в 11 муж пришёл домой, сказал, что ранен, очень болит спина. От перевязки отказался, снял шинель, надел пальто, и поверх его – шубу, завязал в узелок булку хлеба и уехал». На прощанье сказал, что востанье не удалось, и он расстаётся со мною навсегда, что аресту при задержании не поддастся и в крайнем случае застрелится. В последние несколько дней я замечала, что он психически ненормальный: без причины смеётся, в глазах – нездоровый блеск... Через час после его отъезда пришёл какой-то мужчина и велел мне уничтожить все бумаги мужа. Но я не стала этого делать. Потом их забрали в райком партии...»

В уголовном деле никаких бумаг Добытина нет. Ещё одна загадка!..

Из показаний Андрея Соболева:

«Добытин сам запряг лошадь в свою плетёную, выкрашенную красной краской кошеву, отдал мне наган и 31 патрон к нему, на прощанье сказал: «Передай ребятам, что я поехал в Барчиху, а вы следуйте за мной. Там увидимся. Командование отрядом передаю Егору Попову, а той его частью, что выступит на Бийск, Поздоровкину». Когда мы прибыли в Барчиху, Добытина там не оказалось...»

О наступлении повстанцев на Бийск в деле нет ни слова.

7

Среди оставшихся на свободе руководителей района не нашлось человека, способного организовать отпор повстанцам. Да и организовать было не с чем: повстанцы захватили и увезли с собою всё оружие за исключением шести-семи винтовок. А кое-кто из районного начальства попросту трусил. Они потом сами в этом признавались. Многих сбило с толку участие в восстании райуполномоченного ОГПУ.

Сообразительнее других оказалась дежурная телефонистка Мехова. Воспользовавшись тем, что повстанцы не сразу догадались перерезать провод, она по своей инициативе сообщила в Бийск о начинавшемся восстании и запросила помощь. К двум-четырем часам дня прибыла команда милиции и чекистов из Бийска, а также спешно сформированные отряды коммунистов из Быстро-Истокского и Солонешенского районов. Секретарь райкома Шевяков тоже успел скалотить небольшой отряд и даже послал разведку в сторону Барчихи и Троицкого.

«Всего вооружённых набралось человек 200 – 250, – показал он на доп-

росе. – В пять часов утра выступили на Елбанку. Прибыли туда часа через два-три после ухода бандитов. На подходе нагнулись на их конный разъезд. Решили повести наступление. Банда бежала к горам, захватив в селе лучших лошадей».

Итак, обезглавленная (после бегства Добытина) «банда» двинулась на Барчиху и далее. Куда? Зачем? На что надеялись?..

Из показаний Е. С. Попова:

«... В Барчихе обезоружили учителя и какого-то уполномоченного. К нам присоединилось человек 50. В Елбанку прибыли вечером. Арестовали несколько коммунистов, агронома, инструктора, мастера маслозавода, учителей и жену председателя сельсовета Пахомова. Председателем назначили Бурденкова Ивана. Здесь к нам присоединилось 200 – 250 человек. Часа в два ночи или раньше двинулись на Коробейниково. Находились там не более пяти часов...».

Арестованные, вернее всего, остались живы, иначе об этом в «деле» было бы сказано. И на всём пути дальнейшего следования «банды» (заметим: в отсутствие Добытина) не отмечено ни одного случая бессудной расправы.

Из показаний Мишировой Сехлетиньи с Троицкое:

«Когда банда проходила через наше село, меня арестовал кулак Коновалов, двинул кулаком по щеке. Другие кулаки кричали:

«Это тебе не по ямам лезть, хлеб у нас выгребить! Снять с неё голову, туды её мать!...» Однако не сняли...».

Позже многие арестованные показали, что их вовлекли в «банду» насильно, под угрозой расправы. Наверно, было и такое. Но уж больно много оказалось «насильно вовлечённых»! Похоже, было и немало добровольцев. Доведённые до отчаяния произволом властей, крестьяне шли в «банду», не думая о последствиях. «Хоть день да мой! – заявил один повстанец. – А там пусть хоть виснется на мне. Отобрали, сволочи и дом, и всё, что горбом нажил!...».

Судя по маршруту движения, повстанцы направлялись в Горный Алтай. Видимо, до них дошли слухи, что там, на Чуйском тракте, появился с русско-алтайским отрядом известный ещё с 20-х годов «бандитский главарь» Тужлей Ташкинов, и они двигались на соединение с ним. Если это так, то сведения у них были сильно запоздалые. Тужлей ещё в середине февраля потерпел поражение под Хабаровкой, отряд его рассеялся, а сам он был своими же сообщниками схвачен, доставлен в ОГПУ, в Омгудай, где вскоре расстрелян.

Вернёмся к показаниям Егора Попова:

«... Из Коробейникова пошли на Антошевскую, отказавшись от наступления на Ключи, где, по нашим сведениям, находился большой отряд крас-

ных. Нас уже было около 400 человек... В это время со стороны Михайловки стал наступать отряд красных. Завязалась перестрелка. Убитых и раненых у нас не было. Уходя от преследования, мы почти без остановок прошли Соловиху, Черемшанку, Макарьевку, Большую Речку, не доезжая Большого Башцелака, свернули на Мульчиху, оттуда – на Александровку. 13 марта, не доезжая до Калинихи, заблудились, попали на смолокурные избышки. Здесь группа в десять-одиннадцать человек во главе с Андреем Соболевым и мной осталась воевать, остальные двинулись на Калинихи. Утром наша группа разбежалась. Я приехал в Уржум и сдался красному отряду...».

Рассеялся и остальной отряд: кто сдался, кто скрылся...».

8

Итак, 13 марта всё было вклинено. Назвался отряд участников восстания. Всего было арестовано 168 человек. Постановлением особой тройки при ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 15 апреля 1930 г. были приговорены: к расстрелу – 75 человек, к различным срокам лагерей – 83 (из них 6 – условно); три старика сосланы в Туруханский край, на двух: Пешкова Кузьму Захаровича (с. Троицкое) и Захарова Павла Ивановича (с. Елбанка) дела направлены на доследование. Чем это для них кончилось, установить не удалось. На иных дела были отложены, а затем, насколько известно, прекращены: на отца, двух братьев и жену Добытина, а также на его шурина (брата жены). Родители Добытина жили с ним, а братья и шурины приехали по его приглашению akurat 10 марта и сразу же оказались за решёткой.

25 мая 1992 г. прокуратурой Алтайского края были реабилитированы, «за отсутствием состава преступления», 72 человека, из них посмертно (расстрелянных) – 16. Остальным в реабилитации пока отказано, и причина этого, как я полагаю – бессудная расправа над десятком безвинными в первый день восстания.

9

В «деле» есть любопытные показания крестьянина-бедняка из села Троицкого Проскурина Фёдора Андреевича. 8 апреля 1930 г. он выехал со станции Алейской в Барнаул. Прибыв туда часов в 11 вечера, зашёл в станционный буфет выпить фруктовой воды. И там, за одним из столиков, увидел... Добытина! Узнал его сразу. Как не узнать! Перед началом восстания Проскурин больше двух месяцев отсидел в катажке при усть-пристанской милиции и там не раз видел Добытина. Это, напомню, тот самый Проскурин, который, когда повстанцы его освободили и вручили винтовку,

макнул с односельчанином Дороховым через забор и сообщил о случившемся милиционеру Суворову.

«На Добытине, — показал Проскурин, — была меховая шапка бурого цвета, чёрное суконное зимнее пальто с черным же воротником из мелкой мерлушки. Пальто было полурасстегнуто и под ним виднелась гимнастёрка с красными петлицами, ремень с портупеей. За одним столом с ним сидела молодая женщина с грубым лицом. Проходя мимо, я услышала, как она его спросила: «Ваня, когда будем в Даурии?» — «Через девять суток», — ответил он. Я кинулся искать дежурного уполномоченного ОГПУ по вокзалу, но того на месте не оказалось. Когда вновь заглянул в буфет, Добытина и его спутницы там уже не было...».

Выходит, Добытин отсиделся где-то почти целый месяц, обзавёлся поддельным паспортом (стал «Ваней») и даже подругой жизни, затем спокойно подался в Даурию или ещё куда-то. И он, похоже, не очень-то боялся быть узнанным и арестованным.

Странно всё это...

Не верится мне, что всемогущее ОГПУ не сумело поймать своего провинившегося сотрудника. Не хотело оно его ловить! А не хотело потому, что Добытинское восстание очень похоже на провокацию, затеянную для того, чтобы выявить и одним ударом прикончить «кулацкую контрреволюцию» в районе. Помните признание Добытина жене: «В районе развелось много кулацких банд, но полностью их выявить не удастся. Вот выдам себя за кулацкого главаря...».

Возможно, автором этого кровавого замысла был кто-то другой, помимо, а Добытин — лишь исполнителем. Чем же иным объяснить, что, заварив такую кашу, он через несколько часов бежал, бросив на произвол и истребление доверившихся ему людей? Вдобавок ещё и опорочил их бессмысленными расправами. Струсил? Не похож он был на труса.

Впрочем, всё это — лишь мои догадки, и я только рад буду, если кто меня опровергнет и докажет, что Добытин был не провокатор, а, как говорится, идейный борец за счастье трудового народа.

10

Если и был у чекистов такой замысел — одним махом покончить с «кулацкой контрреволюцией» в районе, то ожидаемых результатов он не дал. Сопротивление крестьян произволу и насилию не было сломлено. Уже через два-три месяца после жестокого подавления Добытинского восстания вновь начались массовые аресты, причём не только в Усть-Пристанском, но и в целом ряде других районов: Ребрихинском, Мамонтовском, Павловском, Алейском, Чистоньском, Шадринском. Чекистам от доно-

счиков стало известно, что в 35 сёлах этих районов возникли подпольные «контрреволюционные ячейки». Они установили между собою связь и готовят вооружённое восстание под лозунгами: «За чистую советскую власть без коммунистов, за свободную торговлю, долой коммуны, долой безбожие, долой расчленение крестьянства».

И это была правда, не выдумка сексотов. Наиболее активно действовала подпольная ячейка в селе Вяткино Усть-Пристанского района. Возглавлял её бывший красный партизан Геримович Тихон Иванович. Между прочим, в беседах с единомышленниками Геримович по секрету рассказывал, что он поддерживает связь с Добытиным, который скрывается на одном из островов Оби, откуда тайно выезжал в Бийск, Усть-Пристань, обещает приехать и к нему в Вяткино.

Возможно, всё это — выдумка Геримовича, пытавшегося таким способом поднять моральный дух у своих единомышленников и задно свой авторитет укрепить. А впрочем кто знает?..

Между тем, заговорщики уже назначили день вооружённого выступления. Но то ли они были инкубированными конспираторами, то ли хорошо работали доносчики. Когда на рассвете 27 июля 1930 г. Геримович с группой из 20 человек выступил на пункт сбора повстанцев, путь им преградил отряд милиции во главе с помощником уполномоченного ОГПУ по Усть-Пристанскому району Левачёвым. В завязавшей перестрелке Геримович, два его сообщника были убиты, остальные разбежались. В этом бою погиб и Левачёв.

А другие ячейки и выступить не успели. Всего в ночь на 27 июля было арестовано 310 человек. По данным самих чекистов, в их числе было 150 кулаков, 83 середняка, 23 бедняка, 2 батрака, 27 служащих, 8 кустарей; среди арестованных — 35 бывших красных партизан, 9 членов ВКП(б), 3 комсомольца. Ну какая ж она «кулацкая», эта группировка?..

В январе 1931 г. особой тройкой при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю из 310 арестованных 94 человека были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам лагерей. Из 66 арестованных крестьян Усть-Пристанского района расстреляли 21.

НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1945-1989 гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ

Развитие населения Алтайского края в XX веке, как и России в целом, до настоящего времени остается одной из наименее изученных страниц истории. Вплоть до конца 1980-х годов рассмотрение проблем народонаселения в литературе, посвященной данному аспекту истории Алтайского края, строилось почти исключительно с позиций изучения трудовых ресурсов региона. При этом вне поля зрения исследователей оставались многие важнейшие вопросы историко-демографического развития края (рождаемость, смертность и другие), для характеристики демографической ситуации приводились лишь наиболее общие данные о численности и составе населения за отдельные годы. Все это не позволяет с необходимой полнотой и достоверностью реконструировать исторический процесс воспроизводства населения края, определить его основные детерминанты. Масштабные исследования по истории населения Западной Сибири, проводимые в Институте истории СО РАН в последнее десятилетие, привели к воссозданию общей картины историко-демографического развития западносибирского региона, однако региональная специфика развития народонаселения Алтайского края в них до настоящего времени не раскрыта. Незнученность данных проблем не позволяет в полной мере выявить исторические предпосылки современного демографического кризиса. В связи с этим, изучение развития населения Алтайского края в XX веке в настоящее время является одним из актуальных направлений региональных исторических исследований.

Одним из центральных событий XX века, на многие годы определивших важнейшие тенденции демографического развития России и большинства ее регионов, стала Вторая мировая война. Наиболее трудновосполнимые потери в эти годы Алтайский край понес именно в демографической сфере. Несмотря на то, что западносибирский регион являлся глубоким тылом, ряд исследователей отмечают, что «население Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны пережило, вне всякого сомнения, демографическую катастрофу», которая наиболее сильно затронула аграрные регионы с преобладанием сельского населения (1). По подсчетам В.А. Исупова население Западной Сибири сократилось почти на 8% (на 724,7 тысяч человек в абсолютном выражении), что было ниже, чем по РСФСР в целом, где численность населения сократилась более чем на 12% (2). При этом сокращение численности населения по отдельным областям

региона носило неравномерный характер. Так, на фоне общего процесса сокращения населения региона, в Кемеровской области происходил его постоянный рост, который к 1.01.1945 г. составил 9,5% (157,5 тыс. человек) (3). В Алтайском крае демографические процессы в годы войны носили обратный характер. За 6 лет, прошедших после переписи 1939 года, численность населения края сократилась с 2388 тыс. человек до 2095 тыс. человек или на 12,2% (Таб.1), что сопоставимо с общероссийскими показателями. Ни в одном другом регионе Западной Сибири сокращение численности населения не носило столь масштабный характер. Как следствие, к 1 января 1946 года доля региона в общей численности населения Западной Сибири составила 27% против 30% по переписи 1939 года.

Таблица 1.

Изменение численности населения 1939-1945 гг.

	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
17.01.1939 г.	2388000	1654000	1862000	1390000	643000
01.05.1945 г.	2095400	1812000	1834300	1293000	613000
Изменение численности	-292600	+158000	-27700	-97000	-30000
% сокращения	-12,2	+9,6	-2,5	-7	-4,5

Составлено по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.44. Д.2583. Л.46-47; *Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С.31.*

При этом сокращение абсолютной численности населения произошло, прежде всего, за счет жителей села. Если в 1939 г. городское и сельское население Алтайского края составляло соответственно 411 тыс. и 1977 тыс. человек, то в 1946 г. – соответственно 594 тыс. и 1517,2 тыс. человек (4). Интересна динамика перераспределения населения: в 1939 году сельское население составляло 82,8% общей численности населения, на 1.01.1945 года – 72,3% (5), а в 1946 году – уже 71,8% (6). Как видно из приведенных данных, на фоне общего сокращения численности населения края численность городского населения в регионе не только не уменьшилась, но и напротив возросла более чем на 30%. При этом наиболее интенсивно происходил рост крупных городских поселений. Так население г. Барнаула увеличилось с 148162 человек в 1939 г. до 232600 человек на 1.01.1947 г. (7). В целом на 7 крупнейших городских поселений края пришлось 79,4% общего роста городского населения края (145,3 тысяч человек) (8).

Процесс восстановления численности населения края (так называемая

«демографическая компенсация») наиболее интенсивно проходил в первые послевоенные годы. Важнейшей предпосылкой для этого послужил процесс массовой демобилизации из рядов Советской Армии в 1945-1948 гг. В июне 1945 г. Верховный Совет СССР принял закон о демобилизации воинов старших возрастов. Демобилизаций первой очереди была завершена к сентябрю 1945 г., благодаря чему в народное хозяйство страны вернулось 3,3 млн. человек. К 1948 г., когда была полностью завершена демобилизация, общее количество демобилизованных составило 8,5 млн. человек (9). Действие данного процесса на динамику численности населения Алтайского края носило общий для Западной Сибири характер, отличавшийся от характера аналогичного процесса восстановления населения в европейской части страны большей инертностью, что объясняется значительной удаленностью от театра военных действий и, соответственно, большими сроками, необходимыми для обратного перемещения населения. В связи с этим интенсивные восстановительные процессы в демографической сфере региона охватывают период до конца 1948 года. При этом следует отметить, что население края восстанавливалось менее полно, нежели западносибирского региона в целом. Если численность населения Западной Сибири с 1.01.1946 г. по 1.01.1947 г. возросла на 604 тыс. чел. и составила 10 092,6 тыс. чел. (103,3% к 1939 г. в сопоставимых границах), то население Алтайского края за тот же период увеличилось на 141 тыс. чел. и составила 2 252,2 тыс. чел. (94,3% от численности 1939 г.) (10). В целом, с 1.05.1945 г. по 1.12.1947 г. численность населения края выросла на 229 408 человек и достигла 2 325 300 человек (97,4% к 1939 г.). Интенсивность прироста населения края (в % к численности на начало года) на протяжении первых 2,5 послевоенных лет непрерывно возрастала: за 8 месяцев 1945 года прирост населения составил 0,73%, за 1946 год — 1,94% и за 11 месяцев 1947 года — 6,06% (11).

Однако уже со следующего года происходит резкое изменение основной тенденции в развитии населения Алтайского края. Рост численности населения края сначала замедляется, а затем прекращается и сменяется сокращением. Уже за 1948 год населения края сократилось на 14,4 тыс. человек (0,62%), а в следующем 1949 году сокращение составило 49,3 тыс. человек (2,14%). Несмотря на небольшой рост населения края в 1950 году (1,17%) перелома основной тенденции не произошло. В 1951 году численность населения вновь сократилась на 54,7 тыс. человек (2,39%) (12). Нарастающая интенсивность процесса сокращения численности населения позволяет, на наш взгляд, говорить о завершении восстановительных процессов в демографической сфере края и о начале нового этапа в развитии его народонаселения, основной тенденции ко-

торого становилось постоянное сокращение численности населения. В целом за период с 1 декабря 1947 г. по 1 января 1953 г. численность населения края сократилась на 101,1 тыс. человек или на 4,3%. При этом наиболее интенсивно этот процесс протекал в 1949 г. и 1951-1952 гг., когда сокращение составило соответственно 49,4 тыс. и 63,7 тыс. человек, а уже со второй половины 1953 года начинается медленное увеличение численности населения (13).

Необходимо отметить, что темпы роста городского населения в несколько раз превышали темпы роста сельского населения края: в 1945 году городское население края выросло на 2,29%, а сельское лишь на 0,13%, в 1946 году соответственно — 8,7% и 1,94%. И лишь в 1947 году данная диспропорция заметно сократилась: прирост городского и сельского населения составил соответственно 7,64% и 5,41% (14). Однако уже с конца 40-х годов прирост сельского населения становится отрицательным, нередко превосходя по абсолютным показателям прирост городского населения. За период с 1949 по 1953 год численность жителей алтайского села сократилась на 134,6 тыс. человек (7,9%) (15). Данная тенденция была общей для всего западносибирского региона, однако, носила менее выраженный характер. Сокращение численности сельского населения по Западной Сибири в целом с 1950 по 1953 г. составило 231,2 тыс. человек (4,1%) (16). Прирост численности сельского населения Алтайского края в данный период, за исключением отдельных лет, был ниже, чем в целом по краю. Именно он в большинстве случаев формировал негативные тенденции в динамике развития населения края. Иными словами, на фоне роста городского населения сельское население росло значительно менее интенсивно, а то и сокращалось, что приводило к замедлению роста населения края в целом и даже к его уменьшению. Более того, в ряде сельских районов Алтайского края сокращение численности населения было еще более интенсивным, нежели в среднем по краю. Так, численность населения Усть-Пристанского района за период с 1.01.1946 г. по 1.01.1953 г. сократилось с 37571 до 28797 человек (23,4%). Для сравнения отметим, что с 1.01.1941 г. по 1.01.1945 г. численность населения данного района сократилась с 42898 до 31746 (около 26%) (17).

Таким образом, в основе динамики народонаселения края в конце 40 — начале 50-х годов лежало постоянно сокращение численности жителей села. Данная тенденция в пределах края была значительно более выражена, чем по западносибирскому региону в целом. На наш взгляд, причиной более рельефного проявления данной тенденции является аграрный характер развития экономики Алтайского края, небольшое количество индустриальных центров и урбанизированных районов, по сравнению с другими регионами Западной Сибири.

Резкая смена в динамике развития народонаселения края приходится на середину 50-х годов. Уже со второй половины 1953 года начинается медленный рост численности населения края, составивший за год 0,55%. На последующие два года приходится наибольшие темпы прироста населения за все время после окончания послевоенных восстановительных процессов в демографической сфере. В 1954 и 1955 годах прирост населения составил соответственно 3,65% и 4,54%. При этом в эти годы темпы роста сельского населения единственный раз за весь послевоенный период превысили темпы роста городского населения, составив соответственно 4,07% и 2,7% в 1954 году и 4,78% и 3,97% в 1955 году (18). В основе данной положительной тенденции развития населения лежал, без сомнения, мощный миграционный поток, связанный с освоением целинных и залежных земель, составивший в целом по краю за 1954-55 гг. 87,3 тыс. человек (19). Кроме того, массовое движение целинников остановило в эти годы отток из села, что также положительно сказалось на динамике численности населения. На протяжении последующих лет (до конца 1950-х гг.) происходит постоянный рост численности населения края. За период с 1953 по 1959 год оно выросло более чем на 458 тыс. чел. и достигло численности 2683 тыс. человек (20). Среднегодовой прирост в эти годы составил более 76,4 тыс. человек в год, а наиболее интенсивно он протекал в 1954-м и 1955-м годах, когда прирост населения края составил 81,7 тыс. чел и 105,2 тыс. человек соответственно (21). В последующие годы происходит постепенный спад интенсивности прироста населения края, прерванный двумя всплесками в 1960-м и 1962-м годах. Тем не менее, положительный уровень прироста населения региона сохранился до 1963 г., когда численность жителей Алтайского края достигла максимального значения за рассматриваемый период и составила 2606,4 тыс. человек (22).

Следует отметить, что, несмотря на крайне благоприятную демографическую ситуацию в середине 1950 – начале 1960-х гг., максимальная численность населения края превысила довоенную только на 393,5 тыс. человек. При этом утверждение о том, что довоенная численность населения была полностью восстановлена (23), можно считать справедливым лишь отчасти, т.к. этот процесс носил в основном экстенсивный характер (за счет внешнего притока) и касался только городского населения. Довоенная численность сельского населения Западной Сибири так и не была восстановлена, и, достигнув в 1959 г. 5527,4 тыс. чел. составила 86,7% по отношению к 1940 году (24). В Алтайском крае за период с 1.01.1946 по 15.01.1959 гг. по данным ЦСУ СССР сельское население выросло с 1517,2 тыс. чел до 1800 тыс. человек и составило 91% довоенной численности (25). Данные же комитета госстатистики по Алтайскому краю показыва-

ют, что максимальная послевоенная численность сельского населения края была достигнута в 1958 г. (1733,5 тыс. чел.), что составило 94% довоенной численности (26).

Таким образом, рост численности населения Алтайского края (особенно сельского) в 1950-е гг. происходил невысокими темпами. В результате действия данной тенденции, доля Алтайского края в общей численности населения западносибирского региона не только не выросла, но и сократилась с 1947 г. на 2% и составила в 1959 году 23%. Сокращение доли населения в общей численности населения региона произошло также в Новосибирской области – с 22% в 1947 г. до 21% в 1959 г., и Тюменской области – с 10% в 1947 г. до 9% в 1959 г. Одновременно произошел значительный рост доли населения Кемеровской области – с 21% в 1947 г. до 25% в 1959 г. При этом важно отметить, что данный прирост происходил исключительно за счет городского населения – за период 1947-1959 гг. его численность в Кемеровской области выросла с 1248000 до 2149000 человек (на 72,2%), а сельского даже сократилось – на 27 тыс. человек (27). Как видно, в общей численности населения Западной Сибири в период 1947-1959 гг. сокращалась доля тех областей, где первоначально преобладало сельское население.

В последующие десять лет (1964-1973 гг.) в Алтайском крае численность населения сокращалась. Средняя ежегодная убыль населения составила в этот период 18780 человек (-1%), а максимум убыли населения пришелся на 1964 год, составив 38900 человек (-1,46%) (28). Однако после стремительного падения уровня прироста населения в начале 1960-х гг. уже с середины десятилетия в динамике данного процесса складываются положительные тенденции. Со второй половины 60-х годов в демографическом развитии края отчетливо прослеживается тенденция постепенного сокращения убыли населения, и с 1974 года прирост населения становится положительным и постепенно возрастает. При этом темпы изменения динамики прироста численности населения на протяжении большей части рассматриваемого периода (1968 – 1989 гг.) оставались примерно одинаковыми – в среднем 0,08% в год. Стабильность данного процесса позволяет, на наш взгляд, говорить о складывании достаточно благоприятных условий для развития народонаселения региона и указывает на отсутствие серьезных социально-экономических и демографических потрясений в эти годы.

Вместе с тем, несмотря на стабилизацию в демографической сфере, доля населения Алтайского края в общей численности населения Западной Сибири на протяжении периода с начала 1960-х по конец 1980-х гг. продолжала неуклонно сокращаться. При этом наиболее быстрыми тем-

пами этот процесс протекал в 1980-х гг. Если за период с 1959 по 1979 г. удельный вес населения Алтайского края в регионе сократился с 23% до 21%, т.е. среднегодовое сокращение составляло около 0,1% в год, то в последующие 10 лет доля населения края в общей численности населения западносибирского региона сокращалась в среднем на 0,2% в год и составила в 1989 году 19%. Аналогичные процессы в данный период проходили также в Новосибирской, Кемеровской и, в меньшей степени, Омской области (29). Следует оговориться, что сокращение удельного веса данных областей в общей численности населения западносибирского региона не было связано с уменьшением абсолютной численности их населения, а определялось, прежде всего, значительно более высокими темпами прироста населения в других областях региона. В период 1959-1989 гг. наиболее стремительно в Западной Сибири росло население Тюменской области, выросшее за эти годы более чем в 2,8 раза (на 1990 тыс. чел.), и составившее в 1989 г. 21% населения всего региона (30). Главной причиной такого роста стало интенсивное промышленное освоение этой области (прежде всего газо-нефтедобывающей отрасли) и связанные с ним высокие темпы урбанизации ее населения. Данный процесс был частью более общего процесса перераспределения населения западносибирского региона, в котором преобладали урбанистические тенденции (31).

Важно отметить, что действие урбанистических тенденций проявилось в Алтайском крае в значительно более высокой степени, чем в большинстве других областей Западной Сибири. Темпы урбанизации населения в крае были заметно выше, чем в среднем по западносибирскому региону, вследствие чего воспроизводство городского и сельского населения происходило здесь крайне не равномерно. На протяжении большей части всего рассматриваемого периода (середина 1940-х – конец 1980-х гг.) ведущей тенденцией в воспроизводстве сельского населения было неуклонное сокращение его численности. После окончания послевоенных восстановительных процессов численность сельского населения начала снижаться при ежегодном увеличении интенсивности этого процесса, достигшего пика в 1952 г. (-4,12%) (32). В последующие 5 лет происходит резкий перелом сложившей тенденции, и в период 1955-1958 гг. сельское население непрерывно увеличивается (средний ежегодный прирост составил 43050 человек – 2,67%). При этом, однако, интенсивность прироста сельского населения, начиная с 1957 г. вновь стремительно снижается. Действие данной тенденции достигло максимума в 1967 г., когда интенсивность сокращения численности жителей алтайского села составила -4,37%. В последующие годы, вплоть до конца 1980-х гг., влияние этой тенденции постепенно ослабевало, но прирост сельского населения оставался, тем не ме-

нее, отрицательным. Таким образом, на протяжении большей части рассматриваемого периода, динамика воспроизводства сельского населения характеризовалась отрицательным приростом. При этом в данном процессе можно выделить два крупных периода: 1) середина 40-х – середина 60-х гг., для которого характерно неравномерное развитие процесса с резкими скачками интенсивности воспроизводства населения, и 2) вторая половина 60-х – конец 80-х гг., характеризующийся более устойчивыми тенденциями и отсутствием резких перепадов в динамике развития процесса.

Воспроизводство городского населения Алтайского края на протяжении практически всего рассматриваемого периода характеризовалось положительным приростом, достигавшего пика в 1947 г. (8,7%) и в 1959 г. (8,81%), при среднегодовом приросте 0,53% (33). Однако в динамике данного процесса также достаточно четко выделяются два больших этапа. Первый из них приходится на период с середины 40-х до второй половины 60-х гг. и характеризуется наличием резких перепадов в динамике прироста населения менее выраженных, чем в сельском населении, но, тем не менее, достаточно отчетливых. Для динамики прироста городского населения края на протяжении второго этапа (конец 60-х – конец 80-х гг.) характерно отсутствие резких скачков, плавное снижение ежегодного уровня прироста и постепенная стабилизация на уровне 1,2-1,4% в год.

Важнейшим фактором формирования характера воспроизводства населения Алтайского края на протяжении первого из выделенных этапов являлись миграционные процессы, носившие для края в основном неблагоприятный характер. За исключением 1946-1947 гг. и 1954-1955 гг., когда масштабный миграционный приток, вызванный в первом случае демобилизацией Советской Армии, а во втором – движением переселенцев в районы освоения целинных и залежных земель, обусловили положительный результат миграционных связей края, число выбывавших за пределы края лиц значительно превосходило число прибывавших. В основе данного явления лежало массовое выбытие сельского населения в городскую местность.

В свою очередь, характер сельско-городской миграции определялся двумя группами факторов: 1) факторы, «притягивавшие» населения в городскую местность, и 2) факторы, «выталкивавшие» населения из села. К первой группе, на наш взгляд, следует отнести с одной стороны высокую потребность бурно развивавшегося в 1940-1950-е гг. индустриального сектора экономики в рабочих руках, а с другой – более высокий уровень жизни и культурно-бытовых условий. Ко второй группе факторов мы относим более низкий уровень доходов сельского, прежде всего колхозного населения, жесткую государственную политику по отношению к крестьянству (налоговый прессинг, низкие возможности в изменении социального положения, уровня

образования и т.д.), значительно более тяжелые условия труда и быта. В сочетании друг с другом данные группы факторов определяли повышенную миграционную активность сельского населения и, как следствие, интенсивное перераспределение населения в пользу городской местности.

Корреляционный анализ уровня прироста городского и сельского населения края с общими показателями прироста народонаселения региона показывает, что в формировании динамики общего процесса воспроизводства населения Алтайского края ведущим фактором являлось воспроизводство сельского населения, а городского – корректирующим фактором. При этом степень влияния динамики прироста сельского населения на характер воспроизводства населения региона в целом к концу периода снизилась, а в последнее десятилетие рассматриваемого периода была ниже, чем влияние прироста городского населения. Данная ситуация, на наш взгляд, во многом связана с процессами перераспределения населения между городом и селом, т.к. неуклонное сокращение доли сельского населения неизбежно влекло за собой сокращение его влияния на характер единого процесса воспроизводства населения края.

Следует отметить, что относительное сокращение сельского населения в крае происходило в более поздние сроки, чем по Западной Сибири и РСФСР. Так, перевес городского населения над сельским по западносибирскому региону был отмечен уже в 1959 г., а в Алтайском крае он был зафиксирован лишь в 1973 г. (34) Отметим, что именно в эти годы влияние динамики воспроизводства сельского населения на единый процесс воспроизводства народонаселения края начинает существенно снижаться. Максимальный перевес городского населения над сельским был достигнут в крае к концу 80-х гг. и составил в 1989 г. 16,2 процентных пункта (35).

Наряду с ростом доли жителей городской местности в крае происходило интенсивное перераспределение населения в сельской местности. В развитии сельской поселенческой инфраструктуры Алтайского края на протяжении рассматриваемого периода отчетливо прослеживается тенденция к росту доли крупных (501-1000 человек) и очень крупных (более 1001 человека) поселений. Следует обратить внимание на то, что рост доли данной категории населенных пунктов происходил, прежде всего, за счет сокращения удельного веса мелких поселений (до 50 человек). При этом качественный скачок в этом процессе происходит в период 1959-1979 гг., когда доля мелких (до 50 жителей) поселений сократилась с 22% до 14%, а доля крупных (501-1000 чел.) и очень крупных (более 1001 человек) населенных пунктов выросла соответственно с 12% до 16% и с 11% до 14%. Схожие тенденции имели место и в динамике перераспределения населения по выделенным группам населенных пунктов. С конца 1950-х гг. происходит неуклонный

рост удельного веса сельского населения, проживающего в наиболее крупных (более 1001 жителей) поселениях: в период с 1959 по 1979 гг. он вырос с 71,5% до 74,1%, а к 1989 г. он достиг 83,1% (36).

Таким образом, если процессы урбанизации, связанные с ростом численности и удельного веса жителей городских поселений в Алтайском крае активно протекали уже с начала 1950-х гг., то урбанистические процессы внутри сельской местности края становятся заметными лишь с 1960-х гг. На наш взгляд, важнейшими факторами, определившими характер данных процессов на селе, стали наиболее крупные экономические преобразования аграрного сектора экономики и государственная социально-экономическая политика в отношении сельского населения.

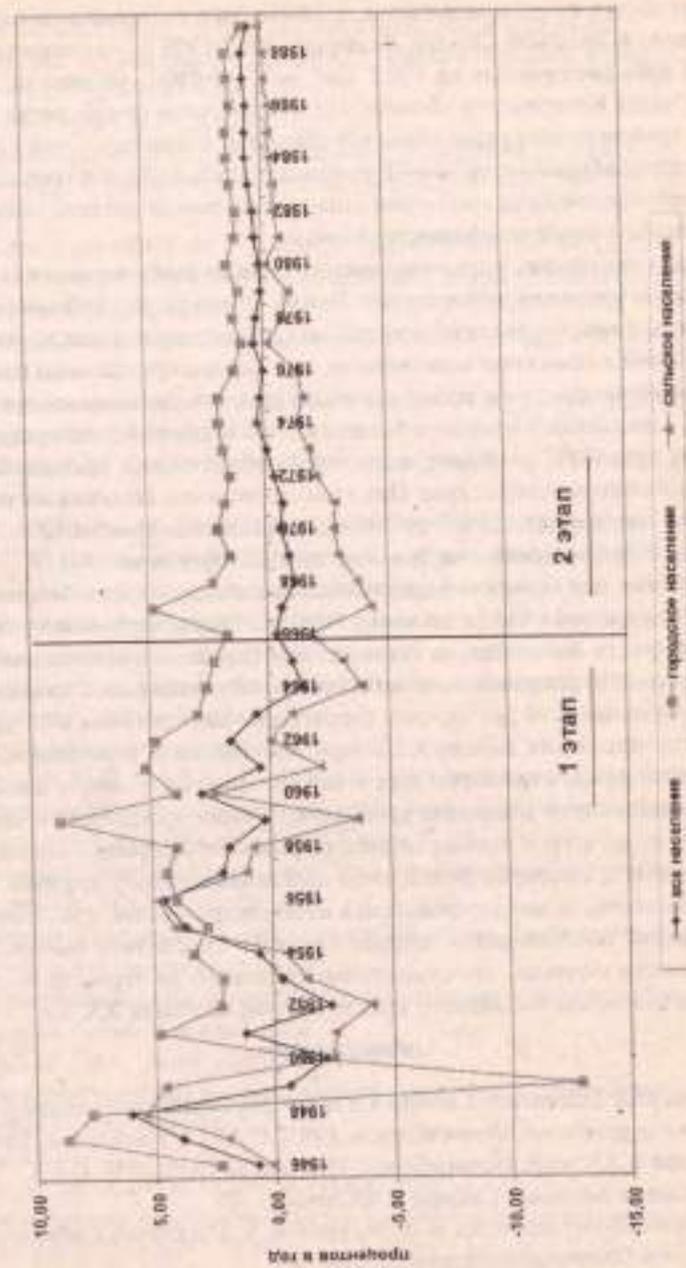
Ограничение свободного перемещения колхозного населения путем прикрепления его к конкретным хозяйствам и ограничений в приеме его на работу в городах, кампания по освоению целинных и залежных земель и связанные с ней процессы переселения на территорию края значительно задержали переход сельского населения в город. С другой стороны, процесс перераспределения населения внутри сельской местности также, в основном, регулировался государством в рамках проведения экономических и административных преобразований. Крупнейшей административно-экономической реформой сельскохозяйственного производства в период с середины 1940-х до конца 1950-х гг. стала укрупнение колхозов, проведенное в 1950-1951 гг. В рамках проведения данной реформы на территории Алтайского края подлежали сселению и ликвидации 1307 населенных пунктов по 64 районам, составлявших чуть менее 35% всех сельских поселений на 1950 г. (37). Ряд административных и экономических причин, главной из которых было резкое затруднение управления укрупненными хозяйствами, не позволили столь кардинально изменить схему сельского расселения края. Последовавшая в 1954-1975 гг. широкомасштабная кампания по освоению целинных и залежных земель способствовала сохранению и даже некоторому расширению сети сельских населенных пунктов в районах ее проведения. Переориентация государственной политики с конца 1950-х гг. на укрупнение сельских поселений и создание в перспективе «агророгородов», реализовавшаяся через создание так называемых «схем районных планировок» (38), вновь резко усилила процессы перераспределения населения в сельской местности. Апогеем данной реформы в Алтайском крае стало укрупнение сельских районов, проведенное в 1963-1966 гг. По указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 года «Об укрупнении и изменении подчиненности районов и городов Алтайского края» вместо существовавших районов были образованы 24 укрупненных сельских района (39). В течение весны-лета 1963 года в крае проводилась интенсивная работа по

созданию схем районных планировок и составлению перечня перспективных населенных пунктов. Решением исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Алтайского края № 588 от 13 сентября 1963 года было запрещено всякое строительство в населенных пунктах, подлежащих сселению и не вошедших в утвержденный перечень перспективных населенных пунктов края (40). Такой список, содержащийся в Приложении №1 к данному постановлению, почти в 3 раза сокращал количество сельских населенных пунктов, уменьшая их количество с 3788 (по переписи 1959 года) до 1293 поселений (41). Однако деление на столь крупные территориально-административные единицы оказалось малопривлекательным в практической хозяйственной деятельности, прежде всего вследствие значительной удаленности производственных объектов и населенных пунктов от центральных усадеб хозяйств, и уже с середины 1963 года был начат обратный процесс разукрупнения и восстановления ранее существовавших районов, продолжавшийся до конца 1966 года (42). Вместе с тем, работы по реализации составленных схем районных планировок, не смотря на ряд корректив, продолжалась. В результате за период между переписями 1959 и 1970 гг. количество сельских населенных пунктов сократилось на 1261 поселений (33,3%), а в последующие 10 лет – еще на 678. В целом с 1959 по 1979 год количество сельских населенных пунктов сократилось на 51,2% (43). Приведенные цифры позволяют, на наш взгляд, утверждать, что одним из ключевых факторов формирования поселенческой инфраструктуры Алтайского края в рассматриваемый нами период являлась государственная политика административных преобразований села.

Таким образом, в общей динамике воспроизводства населения Алтайского края в период с конца 1940-х по конец 1980-х гг. можно выделить два этапа: 1) середина 40-х – середина 1960-х гг., для которого характерна неустойчивая динамика воспроизводства населения с резкими перепадами от высокого прироста до значительной убыли, и 2) вторая половина 60-х – конец 1980-х гг., на протяжении которого динамика воспроизводства народонаселения края характеризуется равномерным сокращением убыли (до середины 70-х гг.) и последующей стабилизацией прироста населения на уровне 0,3-0,4% в год. (Рис. 1) Высокая степень корреляции динамики воспроизводства населения края в целом с аналогичными показателями развития городского и сельского населения края, позволяет, на наш взгляд, считать выделенные этапы основными периодами в послевоенном развитии народонаселения Алтайского края. При этом «демографический провал» конца 1950-х – начала 1960-х гг. следует, на наш взгляд, отнести к первому периоду, более соответствующему по характеру развития народонаселения региона.

Для первого выделенного этапа характерны более высокие темпы вос-

Рис.1 Динамика прироста численности городского и сельского населения Алтайского края 1945-1989 гг. (%)

производства населения региона, занимавшего по данным показателям 2-е место в Западной Сибири. За период 1947-1959 гг. численность населения края увеличилась на 429,8 тыс. чел. (19,08%), уступая по темпам роста лишь Кемеровской области. На втором этапе темпы роста населения Алтайского края резко упали и были значительно ниже, чем в среднем по западносибирскому региону. В результате удельный вес Алтайского края в общей численности населения западносибирского региона также стал сокращаться более высокими темпами.

При этом, однако, в крае сохранялись одни из наиболее высоких в регионе темпы урбанизации населения. Важно отметить, что урбанистические процессы в крае были связаны не только с перемещением населения между городскими и сельскими поселениями, но с перераспределением населения в сельской местности в пользу наиболее крупных населенных пунктов. В 1989 г. в населенных пунктах с числом жителей более 1001 человек, составлявших лишь 22% от общего числа сельских поселений, проживало более 83% сельского населения края. При этом общее число сельских населенных пунктов сократилось с 1939 по 1989 г. в Алтайском крае на 62%, прежде всего за счет поселений с числом жителей до 100 человек (44).

В целом, для процесса воспроизводства населения Алтайского края в период с середины 1940-х по конец 1980-х гг. характерен невысокий уровень прироста населения, за исключением периодов послевоенного компенсационного роста и кампании по освоению целинных и залежных земель, обусловивший неуклонное сокращение доли региона в общей численности населения Западной Сибири. Интенсивное перераспределение населения между сельской и городской местностью в пользу последней, сопровождавшееся мощными урбанистическими процессами в сельской местности во второй половине рассматриваемого периода, связанными, прежде всего, с перераспределением населения в пользу крупных сельских поселений, стимулировавшимся административным преобразованием сельской поселенческой инфраструктуры, обусловило быстрый рост численности горожан, что существенно повлияло на характер воспроизводства населения Алтайского края во второй половине XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гущин Н.Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катализаторы в развитии. Новосибирск, 1995. С.14-15; Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С.30.
2. Население Западной Сибири в XX веке. С. 30.
3. Рассчитано по: Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С.69, 83.

4. РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.626. Л.1об.; Оп.44. Д.2583. Л.46-47.
5. Рассчитано по: Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С.31.
6. РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.626. Л.1об.
7. Административно-территориальные изменения Алтайского края 1939-1992 гг. Ч.1. Барнаул, 1992. С.18; РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.2640. Л.33.
8. Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.626. Л.1об.; Оп.44. Д.2583. Л.46-47; Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С.75.
9. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С.83.
10. Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.626. Л.1об. Оп.44. Д.2583. Л.46-47; Оп.329. Д.2640. Л.44.
11. РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.684. Л.103; Население Западной Сибири в XX веке. С.31.
12. Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.20. Д.684. Л.103; Оп.329. Д.4464. Л.19; Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13/Текущий архив Отдела демографической статистики и переписи населения Алтайского краевого комитета государственной статистики.
13. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
14. Рассчитано по тем же данным.
15. РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.4464. Л.19; Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
16. Население Западной Сибири в XX веке. С.33.
17. Архивный отдел администрации Усть-Пристанского района Алтайского края. Ф.20. Оп.1. Д.1а. Л.1.
18. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
19. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.18.
20. РГАЭ. Ф.1562. Оп.44. Д.2583. Л.46-47.
21. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
22. Там же.
23. Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. С.20-21.
24. Рассчитано по: Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С.32.
25. Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.44. Д.2583. Л.46-47.

26. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
27. Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 44. Д. 2583. С. 13; Оп.329. Д. 2640. Л. 43-44; Население СССР. 1988: Статистический ежегодник/Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. С.18.
28. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
29. Рассчитано по: Население СССР. 1988: Статистический ежегодник/Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 17-18.
30. Рассчитано по тем же данным.
31. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С.34.
32. Там же.
33. РГАЭ. Ф. 1562. Оп.20. Д. 626. Л. 90; Д. 684. Л. 2; Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
34. Население Западной Сибири в XX веке... С. 34; Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
35. Динамические ряды по численности населения и естественному движению в Алтайском крае. Л.13.
36. Рассчитано по: Территориально-административные изменения Алтайского края. 1939-1992 гг. Ч.1. Барнаул, 1992. С. 24-25.
37. ЦХАФ АК. Ф. Р-569. Оп. 5. Д. 24. Л. 18-19; Ф. Р-718. Оп. 1. Д. 364.
38. Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенографический отчет. М., 1960. С. 363-369; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. М.: Политиздат, 1972. Т. 8. С. 33. История формирования государственной политики создания «агротерриторий» и «ликвидации неперспективных деревень» довольно подробно рассмотрена И.В. Русиновым: «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине//Вопросы истории КПСС. 1990. №8 С. 50-62.
39. ЦХАФ АК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 301. Л. 145-146.
40. ЦХАФ АК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 308. Л. 249-249об.
41. Административно-территориальные изменения Алтайского края. 1939-1992 гг. Ч.1... С. 24; ЦХАФ АК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 308. Л. 251-259.
42. ЦХАФ АК. Ф. Р-834. Оп. 6. Д. 285. Л. 51; Д. 718. Л. 341-342; Справочник административно-территориальных изменений на Алтае. 1917-1980. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. С. 23-24.
43. Территориально-административные изменения Алтайского края за 1939-1992 гг. С.24.
44. Щеглова Т.К. Об изменении числа и состава сельских населенных пунктов Алтайского края за 1939-1991 годы.//Территориально-административные изменения Алтайского края за 1939-1992 гг. Ч. I. С. 9.

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ДИНАМИКА УРБОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ БАРНАУЛА

В последние десятилетия внимание лингвистов, занимающихся топонимией, привлекает проблема языка города, его лексики. Под термином «лексика города» следует понимать «существующий в употреблении жителей одного города круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» (1). В области официальной номинации особое место принадлежит урбонимии. Являясь фактором общественным, она интересна в плане непосредственной ее связи с культурой и жизнью социума. Изучение и разработка понятия об урбонимической системе, а также возросший интерес к проблемам соотношения имени и культуры позволяют говорить об актуальности темы данного исследования. Изучение урбонимов в лингвистике идет в различных направлениях. Данная работа предполагает исследование урбонимов Барнаула в историко-культурном и типологическом аспектах, подразумевающих изучение сходств и различий структурных и семантических моделей урбонимов разных периодов развития топонимической системы, мотивов номинации и на основе этого, а также на основе национально-культурного фона выявление основных тенденций становления и развития топонимической системы Барнаула.

Географическим наименованиям в ономастике посвящен целый ряд работ. М.В. Горбаневский исследовал тенденции развития урбонимов Москвы в советский период, М.Я. Гуревич подходил к наименованиям урбонимов с точки зрения исторического аспекта, О.В. Сироткина исследовала функциональный параметр урбонимов и т.д. Однако комплексного изучения урбонимии до сих пор не существует. Что касается урбонимии Барнаула, то она до настоящего времени не была исследована ни в одном из аспектов.

Топонимы, являясь лексическими единицами языка, «входят в его общую систему..., используя его возможности – фонетические, морфологические, синтаксические – в своих целях» (2). Несомненно, что и сами топонимы представляют собой определенную топонимическую систему, под которой традиционно понимают «совокупность топонимов определенной территории, ограниченных исторически и географически, в которых проявляется их взаимная связь и обусловленность и общие процессы их возникновения и словообразования» (3).

Рассмотрение системы урбонимов Барнаула в данной работе не противоречит такой точке зрения, однако следует сказать, что система урбонимов Барнаула рассматривается нами как «локальная топонимическая система,

границы которой определяются топонимическим расстоянием, в пределах которого сохраняется однозначность топонима внутри системы» (4).

Названия улиц города представляют собой замкнутую систему, которая в своем динамическом развитии имела два этапа, как многие становящиеся, молодые системы: «дотопонимический и топонимический». Дотопонимический этап развития урбонимов характеризуется наличием на первоначальной стадии названий в форме описательных конструкций, которые являются топонимическими заместителями собственно топонима. Этот процесс по своей сути является закономерным на первоначальном этапе развития урбанизации, где количество называемых объектов невелико и выделение определенного объекта из числа других, т.е. его дифференциация, не является обязательной.

В книге «История Алтая в документах и материалах (конец XVII – начало XX в.)» представлен список улиц поселка Барнаульского завода на 26 апреля 1757 г. (ЦХАФ АК. Ф.1. Оп. 1. Л. 186-188, 231), дано 7 названий в форме описательных конструкций: улица вверх пруда, улица по левую сторону от казарм, улица позади Тобольской улицы к озеру, улица на правой стороне от казарм, улица за базаром, улица по течению реки Барнаула по левую сторону, улица на лугу прямо устья Барнаула реки, а также 5 названий улиц, возможно, уже прошедших путь «лексикализации словосочетаний», т.е. структурного упрощения при сохранении основного семантического признака: улица Тобольская, улица Иркутская, улица Береговая (улица на берегу), улица Подгорная, (улица под горой), улица Нагорная (улица на горе). На плане Барнаула 1830 г. были указаны: пл. Сенная (место для торговли сеном), пл. Соляная (место для торговли солью), пл. Торговая (место для торговли). На плане Барнаула 1907 г. были указаны: пл. Базарная (место расположения базара), пл. Хлебная (место для торговли хлебом). Данные названия улиц (площадей) показывают, что существовала не только смысловая дифференциация мест, выполнявших свою торговую функцию, но и то, что не существовало смешения этих функций в одном объекте, хотя пл. Торговая могла бы совмещать их.

Весомая значимость для жизни города называемых объектов выражается в «конкретности номинативной разработки представления об окружающих географических объектах (у каждого значимого объекта есть название)» (5). Любое новое значимое событие или явление, а также значимый объект, находящийся около номинируемого линейного объекта, получает свое отражение в названии улицы: пер. Плотинный (рядом находилась плотина Барнаульского завода), пер. Лазаревский (рядом находилась заимка Лазарева), ул. Петропавловская (рядом находился Петропавловский собор).

В топонимической системе дореволюционного Барнаула действовала тенденция к связи наименований между собой. Выделяются следующие типы такой связи:

а) семантическая связь, которая наблюдается в наличии антонимических пар (ул. Нагорная – ул. Подгорная), антонимических рядов (ул. Тобольская – ул. Иркутская – ул. Олонская, с одной стороны, и ул. Бердская – ул. Бийская – ул. Томская – ул. Алтайская, с другой стороны, где названия противопоставлены друг другу в пространственном отношении или в отношении деления жителей на группы: из Тобольска, из Иркутска и т.д.), градационного ряда «большой – малый» или «первый – второй – третий» (ул. Большая Алтайская – ул. Малая Алтайская, пер. 1-й Прудской – пер. 2-й Прудской – пер. 7-й Прудской), тематической группы (по культовым сооружениям, церквям или соборам: пер. Троицкий, ул. Петропавловская, пер. Соборный, пл. Покровская), синонимического ряда (пл. Базарная, пл. Торговая).

б) словообразовательная связь, которая наблюдается в стремлении привести названия к определенной форме: имени прилагательному. Это объясняется тем, что названия-прилагательные гибче в употреблении. В них легче опустить нарицательное, они изменяются по падежам. 93,4% названий улиц дореволюционного Барнаула имели форму имени прилагательного, из них 31,1% – прилагательные, осложненные порядковым числительным или прилагательным-дифференциатором и 62,3% названий – прилагательные в форме им. пад., которая ориентировала на себя вновь создаваемые названия, так как обладала высокой стабильностью.

Урбонимы Барнаула, возникшие до начала XX в., были созданы естественным путем. Дифференциальный признак, положенный в основу наименования, был четко осознаваем носителями языка. Все урбонимы выполняли свою адресную функцию, не только указывая на нахождение того или иного географического линейного объекта (улицу), но и на нахождение планарного объекта-реалии одновременно.

Семантические признаки, положенные в основу названия, отличаются разнообразием. Их можно разделить на 7 групп:

1) улицы, получившие свое наименование по искусственно созданным объектам, около которых они были расположены:

а) по церквям и соборам: ул. Ивановский Лог (кладбищенская церковь Иоанна-крестителя), ул. Петропавловская (Петропавловский собор), пл. Покровская (Покровская церковь), ул. Приходская (церковный приход), пер. Троицкий (Троицкая церковь).

Культовые названия были широко распространены не только в Барнауле, но и, как отмечают многие исследователи, во многих других городах

России: «Соборная ул., Соборная пл., ул. Петропавловская в Нижнем Новгороде» (6); «Соборная ул., Троицкая ул. в Балашихе» (7); «Покровская ул., Петропавловская ул., Троицкий пер. в Симбирске» (8); «Покровская ул., Троицкая ул. в Пензе, Троицкий пер. в Москве» (9). Широкое распространение подобных наименований можно объяснить тем, что «церкви и монастыри служили удобным ориентиром, видимым издалека, поэтому близлежащие объекты и получили церковные названия».

Этот тип названий оставался популярным и продуктивным до начала XX в., так как адресную функцию выполняла часто даже не улица, а церковь или собор, роль которых в жизни общества была огромной. В начале XX в. такие названия чаще всего были переименованы, так как разрушались и уничтожались сами церкви или соборы. Факт совпадения культурных названий в разных городах связан с популярностью одних и тех же святых, икон или праздников.

б) по складам, учреждениям, заводам: ул. Пороховая (пороховой подвал), пер. Конюшенный (конюшни Барнаульского завода), пер. Обсерваторный (первая магнитная обсерватория);

в) по сооружениям: пер. Мостовой (мост через реку), пер. Плотинный (плотина Барнаульского завода);

г) по местам захоронения: пер. Кладбищенский (кладбище), ул. Немецкая (немецкое кладбище);

2) Улицы, получившие свое наименование по выполняемой ими функции, связанной с торговлей: пл. Базарная (базар – место для торговли), пл. Соляная (место для торговли солью), пл. Торговая (место для торговли), пл. Хлебная (место для торговли хлебом).

Подобные названия также характерны для других городов России, что объясняется общностью хозяйственных, бытовых условий жизни, общественно-политическим строем.

3) Улицы, получившие свое наименование по направлению к промышленным пунктам, связанным с Барнаулом хозяйственными отношениями и находящимися за пределами города: ул. Змеинская (гора Змея или Змеиногорский рудник), ул. Павловская (Павловский сереброплавильный завод), ул. Сузунская (Сузунский медеплавильный завод).

4) Улицы, получившие свое наименование по направлению, отношению к другим населенным пунктам: ул. Бердская (Бердский острог), ул. Бийская (Бийская крепость), ул. Томская (Томская губерния), ул. Кузнецкая (Кузнецкий острог), пер. Московский (тракт на Москву и Петербург).

5) Улицы, получившие свое наименование по фамилии отдельных лиц, а также по названию групп и подразделений:

а) по первым жителям Барнаула, переселенцам: ул. Иркутская (из Ир-

кутска), ул. Олонская (из Олонского края, с реки Олонка), ул. Тобольская (из Тобольска);

б) по фамилиям начальников, руководителей: ул. Вагановская (Ваганов Ф.С. – управляющий Барнаульским заводом с 1803 г.), пер. Болдыревский (Болдырев В.К. – начальник Алтайского округа), пл. Демидовская (А.Н. Демидов – основатель горнозаводской промышленности на Алтае);

в) по фамилиям владельцев дач, заимок: пер. Алексеевский (заимки Алексеева), пер. Лазаревский (заимки Лазарева), пер. Суховский (дачи Сухова);

г) по фамилиям русских писателей-классиков: ул. Гоголевская, ул. Пушкинская.

Названия этого типа возникают в конце XIX – начале XX вв. в связи со стремлением общества увековечить память о выдающихся писателях. Данные урбонимы были созданы при переименовании: ул. Иркутская переименована в 1899 г. в ул. Пушкинскую (ЦХАФ АК. Ф.51. Оп.1. Д.2. Л.40); ул. Кузнецкая переименована в 1902 г. в ул. Гоголевскую (ЦХАФ АК. Ф.51. Оп.1. Д.2. Л.78);

д) по военному подразделению: ул. Полковая (в честь 100-летия Барнаульского полка).

б) Улицы, получившие свое наименование по имеющимся у них свойствам:

а) по месторасположению: ул. Набережная, ул. Нагорная, ул. Подгорная;

б) по размерам, характерной черте: ул. Косой взвоз.

Для этого типа названий характерна бинарная оппозиция «большой – малый»: ул. Большая Алтайская – ул. Малая Алтайская, ул. Большая Змеинская – ул. Малая Змеинская, ул. Большая Олонская – ул. Малая Олонская, ул. Большая Тобольская – ул. Малая Тобольская;

в) по порядку следования, расположения: ул. 1-я Алтайская, ул. 2-я Алтайская, пер. 1-й Прудской, пер. 2-й Прудской;

г) улицы, получившие свое наименование по водным объектам. Следует отметить, что названия рек, положенные в основу наименования улиц, являются либо притоками Оби, либо реками Сибири: ул. Алейская (р. Алей), ул. Енисейская (р. Енисей), ул. Иртышская (р. Иртыш), ул. Кагунская (р. Катунь), ул. Чумышская (р. Чумыш).

С начала XX в. урбонимия городов России, в том числе и Барнаула, подверглась новым процессам, которые явились следствием переориентации общественно-политического строя и культурной традиции. Необходимо отметить факт перехода от естественного пути возникновения урбонимов к искусственному, наиболее ярко проявившемуся после событий 1917 г. в Рос-

сни, когда номинатором становятся группы лиц, обладающие политической властью (городские советы и др.) и рассматривающие вопросы номинации улиц. Этот процесс приобретает общегосударственный масштаб и отличается следующими чертами: наименования, а чаще переименования проводятся путем одновременных актов, охватывая сразу большой материал.

Переименования улиц Барнаула официально ведут свой отсчет с конца XIX в. (что отмечено в материалах Центра хранения архивного фонда Алтайского края): в 1899 г. ул. Иркутская переименована в ул. Пушкинскую; в 1902 г. ул. Кузнецкая – в ул. Гоголевскую, в 1910 г. ул. Большая Тобольская – в ул. им. Толстого. Такие незначительные сдвиги в топонимической системе не нарушали ее гармонии и, думается, были стремлением образованного общества увековечить память о русских писателях.

После Октябрьской революции характер переименований приобретает огромный масштаб: в этом плане показателем Список вновь названных и переименованных улиц по г. Барнаулу 1927 г. (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Л. 188, 290). В данном списке зафиксировано 165 вновь созданных наименований улиц, из них 36 возникло в процессе переименования.

За период 1927–1954 гг. значительный культурный слой названий был разрушен. Замена исторических названий условно-символическими привела к изъятию из обращения культурно-исторической информации, которую несли названия улиц дореволюционного Барнаула: пл. Демидовская переименована в 1927 г. в пл. 1 Мая (данная площадь является историко-архитектурным ансамблем, памятником градостроительства 1-й половины XIX в., получила свое название по фамилии А.Н. Демидова – основателя горнозаводской промышленности Алтая; пл. Хлебная переименована в 1927 г. в пл. Красную (данная площадь являлась местом городской торговли, получила свое название по выполняемой ею функции – торговле хлебом); ул. Петропавловская переименована в 1927 г. в ул. Республики (данная улица получила свое название по находящемуся рядом Собору св. Петра и Павла, здание которого представляло собой первое каменное культовое сооружение на Алтае в стиле барокко); пер. Суховский переименован в 1927 г. в пер. Корева (данный переулок получил свое название по находящемуся рядом двору Сухова; Суховы – известная династия барнаульских купцов 2-й половины XIX – начала XX вв.).

Но несмотря на все отрицательные стороны искусственного пути возникновения топонимов, этот процесс стал закономерным. Были стерты не только исторически сложившиеся наименования улиц, но и их дифференциальные признаки: разрушение церквей и соборов в начале 20-х гг., хозяйственных и торговых точек, а советское строительство сделало улицы однотипными, устраняя их индивидуальные черты. Наименования стали

представлять «лингвистические новшества, в которых стихийно отражаются вкусы и моды, нередко вопреки системности» (10). Таким новшеством послужила гнетивная форма урбонимов, образованных от антропонимов, а позже и от апеллятивов (просп. Ленина, ул. Мира и др.).

Мода на имя влияла на отбор семантических признаков, положенных в основу названия: использовались только те, которые соответствовали веянию времени, хотя позже и они могли быть переименованы из-за изменения вкусов и моды.

Выделяются следующие основные направления моды на урбонимы:

а) революционно-классовая, а также трудовая направленность, наиболее ярко проявившаяся в 20–30-е гг. XX в.: ул. Большая Рабочая, ул. Вперед, ул. КИМ, пл. Красная (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290), ул. Водопроводная, пер. Комсомольский (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 23. Л. 11), ул. Коминтерна (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 1а. Д. 16. Л. 324);

б) героическая направленность, проявившаяся в 50–70-е гг. XX в.: ул. Борцов за мир (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 5. Д. 26. Л. 219, 234), ул. Гвардейская (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 7. Д. 127. Л. 428), ул. Космонавтов (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 7. Д. 11. Л. 227), ул. Панфиловцев (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 7. Д. 276. Л. 93);

в) эстетическая направленность, проявившаяся в 70–80-е гг. XX в. и выразившаяся в возрастании числа красиво звучащих названий: ул. Красная, ул. Пионерская, ул. Радужная, ул. Уютная (список улиц Барнаула 1996 г.). К тому же в разных районах города оказываются омонимичные названия такого рода: по 2 названия – ул. Алмазная, ул. Бирюзовая, ул. Жемчужная, ул. Радужная, ул. Рубиновая, ул. Снежная; по 3 названия – ул. Весенняя.

Одной из черт номинации в XX в. становится сознательная «стандартизация» названий. Поэтому актуальным остается вопрос о соотношении стандарта и антистандарта. Если в дореволюционный период стандартизация шла стихийно, согласно традиции, то в советский период она приобретает насильственно-сознательный характер, что прежде всего проявляется на более подвижном лексическом уровне: при переименовании объектов редкие и самобытные названия заменяются типовыми штампами. Так, улица или проспект Ленина есть в каждом населенном пункте России, как и многие другие наименования (ул. Дзержинского, ул. Карла Маркса, ул. Советская и др.).

Анализируя процесс номинации улиц Барнаула, мы отмечаем 6 основных мотивов переименования периода 20–90-х гг. XX в.:

1) несоответствие названия идеологии общества. В первую очередь были переименованы культовые названия как явления прямо противоположные веяниям нового советского времени, ибо церковь была отделена

от государства: просп. Соборный в 1927 г. переименован в просп. Социалистический, ул. Петропавловская в 1927 г. переименована в ул. Респуб-
лики, пер. Троицкий в 1927 г. переименован в пр. Аванесова (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290; Н.Г. Аванесов – в 1922 г. секретарь горрайко-
ма партии, погиб в 1923 г.), ул. Ивановский Лог переименована в 1963 г. в
ул. Гуляева (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 7. Д. 11, л. 227; Гуляев С.И. – краевед,
видный исследователь Алтая, историк, этнограф).

В силу изменения общественных отношений названия улиц, образо-
ванные от фамилий владельцев заводов и дач, бывших начальников и уп-
равляющих заводами или округом также были переименованы: пер. Бол-
дыревский переименован в 1927 г. в пер. Присягина (ЦХАФ АК. Ф. 312.
Оп. 3. Д. 188. Л. 290); И.В. Присягин – большевик, советский деятель), ул.
Вагановская переименована в 1927 г. в ул. Тяткина (ЦХАФ АК. Ф. 312.
Оп. 3. Д. 188. Л. 290); Т.А. Тяткин – большевик, комиссар Управления Ал-
тайской железной дороги), пер. Лазаревский переименован в 1927 г. в пер.
Дрокина (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290); Е.П. Дрокин – один из
организаторов отряда Красной гвардии и рабочих-водников в п. Затон).

2) Увеличение числа мемориальных названий, стремление увековечить
память о выдающихся деятелях путем посвящения. Первым, чье имя стре-
мился увековечить в названиях народ, свершивший революцию, был
В.И. Ленин: просп. Московский переименован в 1927 г. в просп. Ленина
(ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290), а также на пос. Ильича Барна-
ула была вновь образована ул. Ленинская (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188.
Л. 290).

В большинстве случаев переименований новое название улицы полу-
чали в честь деятелей, мыслителей, участников революции и гражданской
войны: ул. Подгорная переименована в 1927 г. в ул. Мамонтова (ЦХАФ
АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л. 290); Е.М. Мамонтов – крупнейший организа-
тор и руководитель партизанского движения на Алтае), ул. Павловская
переименована в 1927 г. в ул. Анатолия (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 188. Л.
290); Анатолий – подпольная кличка М.И. Ворожцова, революционера, од-
ного из руководителей партизанского движения на Алтае), ул. Пороховая
переименована в 1927 г. в ул. Веховского (ЦХАФ АК. Ф. 212. Оп. 3. Д. 188.
Л. 290); Веховский – революционер, большевик), а также вновь образован-
ные ул. Карла Маркса, пл. Дзержинского, ул. Цалкина (М.К. Цалкин – боль-
шевик, советский деятель) и др.

Кроме этого, улицы получали новое название в честь «народных» пи-
сателей и поэтов, в том числе и алтайских (пер. Демьяна Бедного, ул.
Максима Горького, ул. Тачалова и др.), Героев Советского Союза (ул.
Глушкова, ул. Малахова, ул. Матросова и др.), врачей (ул. Ваксмана, ул.

Чеглецова), руководителей предприятий, комитетов (ул. Панкратова, ул.
Солицева, ул. Чудненко). Отмечен и обратный процесс – переименова-
ние мемориальных названий: ул. Малая Тобольская переименована в 1945
г. в ул. Ваксмана, которая, в свою очередь, была переименована в 1952 г.
вновь в ул. Малую Тобольскую (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 1а. Д. 102. Л. 24;
Ф. 312. Оп. 5. Д. 23. Л. 62). Этот факт, возможно, объясняется тем, что
новое название не функционировало, чаще употреблялось старое, тра-
диционное.

Улицы, получившие названия в честь партийных деятелей при их жи-
зни, в конце 60-х гг. XX в. были переименованы согласно Указу Президиума
Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г., который «предусматривал
прекращение присвоения... имен государственных, общественно-политичес-
ких деятелей, деятелей науки и культуры при их жизни». Поэтому были ус-
транены прижизненные названия улиц по именам Сталина и его окружения:
ул. Ворожцова переименована в 1954 г. в ул. Пугачева (ЦХАФ АК. Ф. 312.
Оп. 5. Д. 33. Л. 360), ул. Молотова переименована в 1957 г. в ул. Маяковско-
го (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 5. Д. 33. Л. 133), ул. Кирова переименована в
1957 г. в ул. Лазо (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 5. Д. 33. Л. 360, 371), ул. Сталин-
ская переименована в 1962 г. в ул. 3-ю Степную (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 6.
Д. 11. Л. 2). В целом можно сказать, что персональные мемориальные на-
звания при создании имен новых улиц характерны вплоть до конца XX в.: в
1998 г. вновь образованная улица получила название ул. Гридасова (Г. Гри-
дасов – Герой Советского Союза, фронтовой разведчик, с сентября 1959 г.
работал в органах госбезопасности Алтайского края).

Кроме мемориальных персональных названий отмечены и юбилейные,
посвященные различным годовщинам и праздникам: ул. 40-летия Октяб-
ря, ул. 50-летия Алтай, ул. 21 Января (день смерти В.И. Ленина), ул. 8 Марта,
ул. 1 Мая.

3) Стремление общества отразить в названиях улиц новые обществен-
но значимые события. После Октябрьской революции в активное упот-
ребление «входят слова, характерные для практики и теории революцион-
ной борьбы, партийной жизни, экономических и культурных преобразова-
ний. Таковы слова: профсоюз, ударник, комсомол, совхоз и другие» (П).
Эта особенность изменения лексического состава языка находит свое от-
ражение и в урбонимии: пер. Острожный переименован в 1927 г. в пер.
Комсомольский, ул. Сузунская переименована в 1927 г. в ул. Интернацио-
нальную, ул. Пограничная переименована в 1927 г. в ул. Производствен-
ную, просп. Соборный переименован в 1927 г. в просп. Социалистичес-
кий, ул. Офицерская переименована в 1927 г. в ул. Пролетарскую.

Урбонимы служили рупором общественных идей, так как язык «пред-

ставляет собою важнейшее средство управления индивидуальным и групповым сознанием, общественным мнением в целом» (12).

4) Существование созвучных и одинаковых наименований, что создает препятствия для использования внутригородской топонимической номенклатуры. Однако переименования такого типа носят единичный характер: ул. Кирова (п. Восточный) – ул. Лаза, так как ул. Кирова существовала в Центральном районе города; ул. Первомайская (Центральный район) – ул. Южная, так как ул. 1 Мая существовала в Октябрьском районе города; пр. Смирнова – пр. Березовый, так как была вновь названа ул. Смирнова. В настоящее время одинаковые названия улиц существуют в большом количестве: по 2 названия – ул. Алмазная, пер. Короткий, ул. Свердлова, ул. Юбилейная и др. по 3 названия – ул. Новая, ул. Озерная, ул. Полевая; по 4 названия – ул. Луговая; по 5 названий – ул. Молодежная; по 6 названий – ул. Садовая и пер. Садовый.

5) Стремление преодолеть омонимию названий, присутствующую в ономаслических ансамблях:

а) из 14-ти Западных ул. были переименованы: ул. 2-я Западная в ул. 80-й Гвардейской дивизии, ул. 3-я Западная в ул. Смирнова, ул. 6-я Западная в ул. Тимуровскую, ул. 7-я Западная в ул. 40-летия Октября, ул. 8-я Западная в ул. Глушкова, ул. 9-я Западная в ул. Малахова. Порядок переименований носит бессистемный характер, оставляя незаполненные лакуны;

б) из 3-х Северо-Западных улиц была переименована ул. 3-я Северо-Западная в ул. 42-й Краснознаменной бригады. Логичнее было бы переименовывать названия улиц, стоящие в списке ансамбля последними, чтобы не создавать неудобства в использовании урбанемов.

6) Переименования при перепланировке кварталов и улиц, перенумерации домов: пер. Косой был включен как продолжение ул. Краевой в 1963 г. (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 7. Д. 11. Л. 227), часть ул. 25 Октября и Соцгородка включены в ул. Сизова в 1949 г. (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 5. Д. 14. Л. 69), пл. Куйбышева превращена в деревянный склад завода №77 и спичечной фабрики в 1945 г. (ЦХАФ АК. Ф. 312. Оп. 1а. Д. 114. Л. 4).

На современном этапе в силу экономического фактора процесс переименования практически приостановился, хотя мог бы носить характер возвращения исторических названий, о чем свидетельствует недавнее переименование пл. Пионерской в пл. Демидовскую.

В целом процессе переименования носит негативный характер, так как «при массовом переименовании нет никакой возможности найти новые оригинальные или уникальные названия. Появились бесконечные повторы, что затрудняло работу связи и транспорта, внесло путаницу в представление людей о местонахождении...» (13). Да и названия, переименованные в пер-

вые годы советской власти и позднее, исчезли не сразу: из сферы официального употребления перешли в сферу обычного их использования.

На основании изложенного можно сделать следующие обобщения: в XX в. огромный масштаб приобретает процесс переименования улиц, который характеризуется тем, что путем единовременных актов охватывается сразу большой объем названий, наименование, а чаще переименование которых представляет собой сознательную стандартизацию, стихийное отражение вкусов и мод часто вопреки системе.

Представленный ниже список составлен с использованием материалов Центра хранения архивного фонда Алтайского края. В первой колонке дано прежнее название улицы (а в скобках параллельное название), во второй указаны промежуточные переименования, а третьей – современные названия (в алфавитном порядке). Указан год переименования (если точная дата не установлена, в скобках поставлен знак вопроса) (14).

Динамика названий улиц города Барнаула

Старинное название	Переименована	Современное название
ул. Большая Зыбская	1912 – пр-д Троицкий	1927 – ул. Аванесова
пер. Школьный		1954 – пер. Агрономический
ул. Павловская	1921 – ул. Комиссарская	1927 – ул. Анитолья
пер. Красной		1963 – пер. Ангарский
пер. 2-й Технический		1963 – ул. Аносова
ул. Газовая		1965 – ул. Антона Петрова
ул. Буровая		1987 – ул. Бабуркина
ул. Заренная		1967 – ул. Байкальская
пр-д 1-й Власовский		1963 – пр-д Байкальский
ул. Шапшаня		1967 – ул. Вальдинова
ул. 2-я Володаровна		1987 – ул. Белова
ул. Тракторная		1963 – ул. Беловская
ул. Высокая		1963 – ул. Бельмошеская
ул. Юбилейная		1987 – ул. Бельяна
ул. 1-я Северо-Западная		1987 – ул. Бородинна
пр-д Станостроительный		1963 – пр-д Буралинский
пр-д Короткий		1963 – пр-д Вершинин
ул. Пороховая		1987 – ул. Веховского
ул. Гоньбинская		1963 – ул. Волгоградская
ул. Пионерская		1967 – ул. Волжская
ул. Воронцовградская		1957 – ул. Воронежская
ул. 2-я Западная		1975 – ул. 80-й Гвард. дивизии
кварт. Парковой		1963 – квартал Выставочный
ул. Милая Зыбская		1962 – ул. Гвардейская
ул. Первомайская (часть улицы)		1967 – ул. Геологов
ул. Строительная		1965 – ул. Георгия Исакана
пр-д 7-й Заводской		1963 – ул. Германа Титова
пр-д Образцовый		1963 – пр-д Гетмановский

ул. 8-я Западная	1965 – ул. Гуцунова
ул. Кузнецкая	1902 – ул. Гоголевская
пр-д Власихинский	1963 – пр-д Гичарова
пр-д 2-й Заводской	1963 – ул. Горно-Алтайская
пр-д Коммунальный	1963 – ул. Грибосидина
ул. Ивановский Лог	1963 – ул. Гуляева
ул. Цветочная	1963 – ул. Гузина
пр-д Восточный	1963 – пр-д Декабристов
пл. Демидовская	1927 – пл. 1 Мая (?) – пл. Пионерская
ул. Сестрова	1963 – ул. Демидовская
ул. Немецкая	1915 – ул. Белягинская
ул. Пригородная	1927 – ул. Денисова
ул. 6-я Алтайская	1954 – ул. Дзигельная
пр-д Кузнецкий	(?) – ул. Демитрова
пер. Лазаревский	1963 – ул. Достоевского
ул. 3-я Алейская	1927 – пер. Дровина
ул. Гаржная	1987 – ул. Енисейская
ул. Клубная	1987 – ул. Зарницкая
ул. Клубная	1949 – ул. 2-я Затонская
пр-д 1-й Боровой	1963 – пр-д Смирнова 1965 – пр-д Березовый
пер. Крестынский	1987 – пр-д Земляничный
ул. Садовая	1927 – пер. Зиминский
ул. Сузунская	1987 – ул. Зудилова
ул. Целинная	1927 – ул. Интернациональная
пр-д Уральский	1963 – ул. Иркутская
пр-д 4-й Технический	1963 – пр-д Кавказский
пер. Кабинетский	1963 – ул. Карагандинская
пр-д Солнечный	1927 – пер. Кауфмана
пер. Карлавицкой	1963 – пр-д Кемеровский
ул. 3-я Алтайская	1958 – пр-д Рыссала
пер. Красной Текстильщиц	(?) – ул. Кирова
пер. Князьбиндской	1963 – ул. Киря Баева
пер. Христовского (Морозовского)	1927 – пер. Кизилка
пр-д Звенигорский	1927 – пер. Колосальный
пер. Косой извои	1963 – пр-д Колыванский
ул. Сынцкая	1963 – пер. Колпа
пер. Острожский	1954 – пр-кт Коммунаров
пер. Троицкий	1927 – пр-кт Комсомольский
пер. Сухожского	1927 – пер. Коняка
ул. Томская	1927 – пер. Карова
пер. 2-й Истрокской	1927 – ул. Короленко
пр-д Приходной	1927 – пер. Короткий
пр-д 8-й Заводской	1963 – пер. Корчагина
пл. Хлебная	1963 – ул. (проспект) Космонавтов
Госпитальная аллея	1927 – пл. Красная
	(?) – пр-д Горнозаводской 1916 – пер. Ковышанный 1927 – пр-кт Красноармейский 1927 – ул. Красноармейская

ул. 3-я Северо-Западная	1975 – ул. 42 Краснознаменной бригады
ул. Ленинская	1963 – ул. Красноярская
ул. 7-я Алтайская	1963 – ул. Крупской
ул. Дальняя	1963 – ул. Кузнецкой (Кузнецкая)
ул. Новая Береговая	1963 – ул. Кузнецовская
пр-д Кузнецкий	1963 – пр-д Курганский
ул. Киевская	1954 – ул. Курская
ул. Болотная (вкл. ул. Шоссейной, пр. 1-й Борового)	1963 – ул. Кутузова
ул. Кирова	1957 – ул. Лаго
пер. Богородицкий	(?) – пер. Московский (или Бульварный) 1900 – пр-кт Московской (Бульварный)
ул. Песчаная	1924, офш. 1927 – пр-кт Ленина
ул. Большая Тобольская	1937 – ул. Лесная
ул. 1-я Нагорная	1910 – ул. Льва Толстого
пер. Коммунальный	1978 – ул. Динаевского
ул. Нагорная	1963 – пер. Миссланский
пер. Мостовой	1967 – ул. Майская
ул. 9-я Западная	(?) + Максима Горького
ул. Малая Тобольская	1965 – ул. Малахова
	1945 – ул. Ваксман
	1952 – ул. Малая Тобольская (Мало-Тобольская)
ул. Профинтерна (часть улицы – квартал 400)	1949 – ул. Мало-Целинная
ул. Подгорная	1922 – ул. Мамонтовская (Мамонтова)
ул. Советская	1987 – ул. Маркслова
ул. Объедная	1973 – ул. Матросова
ул. Молодова	1957 – ул. Маяковского
ул. 9-я Алтайская (часть)	1959 – ул. Молодежная
ул. Вознесенского	1927 – пер. Некрасовский
пер. Предтечинский	1927 – пер. Маликова
ул. Бийская	1954 – ул. Никитинский Яр
ул. Селекционная	1928 – ул. Никитинская
ул. 5-я Алтайская	1987 – ул. Палкратова
ул. Коркинская	(?) – ул. Паппинцев
ул. 9-я Амурская	1911 – ул. Ползунов
ул. 4-я Алтайская	1927 – ул. Партизанская
пр-д 5-й Заводской	1987 – ул. Перфинова
ул. Новая (часть)	(?) – ул. Песчаная
пл. Привокладная	1957 – ул. Петра Сухова
пер. Князьбиндский	1938 – ул. Плясарная
	1981 – пл. Победы
	1927 – пер. Каткова
	1963 – (включение ул. Пожарный извои) пер. Пожарный
ул. Набережная	1947 – ул. Ползунова
ул. Петропавловская	1927 – ул. Республики
	1963 – включена в состав ул. Ползунова
ул. 10-я Алтайская	(?) – пер. Подосный
пер. Бодыренский	1927 – пер. Пригодина
ул. Пограничная	1927 – ул. Производственная

ул. Бераская - ул. Берская	1916 - ул. Офицерская	1927 - ул. Пролетарская
пер. Набережный		1927 - пер. Промышленный (ул. Промышленная)
пер. 6-й Прудской		(?) - пер. Прудской
пер. 7-й Прудской		(?) - пер. Малой Прудской
ул. Ленская (часть)		1954 - пер. Правой
ул. Ворошилова		1954 - ул. Пуганова
ул. Иркутская		1899 - ул. Пушкинская
пер. 1-й Прудской	(?) - пер. Обсерваторский (пер. Ефремовский)	1957 - ул. Радикова
ул. Спортивная, ул. Школьная (часть), ул. Борная (часть)		1967 - ул. Радужная
ул. Клубная		1963 - ул. Разина
пер. 4-й Прудской		(?) - пер. Революционный
ул. Клубная		1967 - ул. Ржевская
ул. Аэродромная (часть)		1954 - ул. Родинская
ул. Вологодская		1987 - ул. Рубцова
ул. Первомайская		1963 - ул. Рубцовская
ул. Набережная		1967 - ул. Рудная
пр-д Кооперативный		(?) - пр-д Саларский
пл. Новобазарная	1917 - пл. Свободы	(?) - застройка
пер. Новобазарный		(?) - пер. Сейфуллинский
ул. Квартальная		1963 - ул. Семипалатинская
ул. Симфония	1927 - ул. 25 Октября (часть)	
	1949 - ул. Угольная	1954 - ул. Сигизмунда
ул. 3-я Западная		1965 - ул. Сырцова
ул. Гонимовская		1973 - ул. Советской Армии
ул. 1-я Строительная		(?) - ул. Солдана
ул. 7-я Западная		1957 - ул. 40 лет Октября
пер. Соборный (пр-кт Соборный)		1927 - пр-кт Социалистический
пр-кт Коминтерна		1959 - присоединение северной части к пр-ту Социалистическому
ул. 11-я Алтайская		(?) - ул. Стахановская
ул. Стахановская		1962 - ул. 3-я Степная
ул. 12-я Алтайская	1927 - ул. 21 Января	
	1963 - ул. Новая	1983 - пр-кт Строителей
пер. Алексеевский		1927 - пер. Сычева
пер. Байкальский		1987 - пер. Тазовый
пр-д Паленой		1963 - пр-д Тальменский
ул. Старая Береговая		1939 - ул. Татцова
пер. Зеленый		1963 - пер. Ташкентский
ул. 6-я Западная		1964 - ул. Тигуровская
пр-д Матросова		1973 - пер. Томский
ул. Воскресенская	1927 - ул. Третьякова (?) - пер. 1-й Непроходной (или Добротинский)	1927 - пер. Трудовой
пр-д Котельный		1963 - пр-д Турганова
ул. Вагановская		1927 - ул. Тютчева
ул. Михайловская		1925 - ул. Фомина

пр-д Карса		1963 - пр-д Фроловых (Фролова)
ул. Карлаппа		1958 - ул. Фурманова
ул. Крейцгофская		1957 - ул. Хлебозаводская
пер. Поаровский	(?) - пер. 2-й Прудской	(?) - пер. Цюльковского
пр-д Телефонный		1963 - ул. Цукановой
ул. Ленская		1954 - ул. Чарышская
пер. Косой		1963 - пр-д Чарышский
пр-д 3-й Заводской		1963 - ул. Чагалева
пер. 5-й Прудской		(?) - пер. Челюскинцев
ул. Большая Алтайская		1957 - ул. Чернышевского
ул. Малая Алтайская (2-я Алтайская, ул. Красноалтайская)		(?) - ул. Чкалова
пр-д 4-й Заводской		1961 - ул. Чудинско
пер. Ломоносовский Дог		1963 - пер. Чумылский
пр-д Запальный		1963 - пер. Шагина
ул. 8-я Алтайская		(?) - ул. Шевченко
ул. Революционная		1963 - ул. Шиниловская
пер. Заводской		1963 - ул. Штислык
пр-д 6-й Заводской		1957 - ул. Эмили Алексеевой
пр-д Совхозный		1964 - ул. Юбилейная
ул. Первомайская		1938 - ул. Южная
ул. Островная		1965 - ул. Юрина
пер. 3-й Прудской		(?) - пер. Ядронцева
пр-д 1-й Технический (ул. Техническая)		1965 - ул. Ярных
пр-д Школьный	1954 - пр-д Школовский	1965 - пр-д Ярославский

ПРИМЕЧАНИЯ

- Капанадзе Л.А., Красильникова Е.Р. Лексика города (к постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 282.
- Морозова М.Н. Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы (по данным справочника 1964 г. «Улицы Москвы») // Микротопонимия. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. С. 40.
- Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. С. 7.
- Березович Е.Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщен. VI российской научно-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Нижний Новгород, ноябрь 1997. Ч. 2: Язык российской деревни: Говора. Лингвофольклористика. Ономастика. М.: Энциклопедия российских деревень, 1997. С. 70.
- Там же. С. 72.

6. Исеева Т.А. Топонимы Нижнего Новгорода – г.Горького // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1973. С. 324.
7. Архангельский В.А., Клейменов А.А. Эволюция названий улиц города Балашова за 50 лет // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1969. С. 235.
8. Никонов В.А. Названия улиц в Симбирске-Ульяновске // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1969. С. 228.
9. Подольская Н.В. Урбанонимия Центральных областей РСФСР // Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С.127.
10. Суперанская А.В. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточно-славянская ономастика: материалы и исследования. М.: Наука, 1979. С. 87.
11. Горбачевич К.С. Русские географические названия. М.: Наука, 1965. С.30.
12. Тарлинов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск, 1993. С. 7.
13. Мурзаев Э.М. Очерки топонимии. М., 1995. С. 221.
14. Автор статьи выражает благодарность Я.Е. Кривоносову и О.В. Падалькиной за ценные замечания и помощь, оказанную при составлении таблицы переименований, и готова принять содержательные дополнения к данному списку.

К.В. Лен

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ УПРАВЛЕНИЙ ГОРОДОВ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА ПО РАЗВИТИЮ БЛАГОУСТРОЙСТВА И САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОМУ КОНТРОЛЮ В 70-90-е гг. XIX в.

После проведения городской реформы 1870 г. общественные управления городов империи получили многочисленные права и обязанности, вместе с которыми стали полноценными «охранителями» городской жизни. Помимо обеспечения пожаробезопасности, правопорядка, развития социальной сферы городские представительства стали главными действующими лицами в развитии благоустройства и санитарно-эпидемиологического контроля. Расходы городских самоуправлений на благоустройство были причислены текстом Городового положения 1870 г. к «обязательным», т.е. первоочередным.

Причисление расходов на благоустройство к обязательным с одной стороны гарантировало государству контроль за наружным состоянием городов, развитием в них всех элементов, какие уже были в странах Европы (водопроводы, освещение, канализация, озеленение, телефонная сеть), с другой же заставляло городские самоуправления реализовывать потребности быстро растущего города.

Расширение бюджетных возможностей, вызванных городской реформой 1870 г., увеличили шансы городов России улучшать собственное благоустройство. Городская реформа 1870г: плодотворно повлияла на развитие коммунального хозяйства, освещение и своевременную очистку улиц. Если до начала 70-х гг. при освещении улиц использовалось конопляное или льняное масло, то в конце 70-х – начала 80-х гг. на улицах Москвы и Петербурга горели электрические фонари.

До реформы водопроводы существовали в 10 городах, в 70-е гг. – в 13, в 80-е гг. – в 22, причем они функционировали не только в крупных городах (Вильно, Саратов, Москва, Одесса), но и в небольших (Торжок, Алексин). В ряде городов – Петербург, Москва, Одесса, Рига к началу 90-х гг. существовала телефонная сеть (1).

Вместе с тем, к 1892 г. удельный вес расходов городов России на благоустройство не превышал 6,7%. Они были слабо сопоставимы с расходами на благоустройство в городах Западной Европы. В 1890 г. на одного горожанина во франках приходилось расходов по благоустройству: в Париже – 125, Вене – 62, Берлине – 43, Риге – 38, Одессе – 24, Петербурге – 22, Москве – 22. В отличие от России в странах Западной Европы крупнейшей статьёй расходов на городское благоустройство были расходы по эксплуатации и содержанию промышленных заведений (водоснабжение, освещение, трамвай, бойни). Так, в Пруссии в 1890 г. они доходили до 30% всех расходов (2).

К началу 90-х гг. XIX в. суммы, отпускаемые городскими самоуправлениями Алтая, выросли в Барнауле в 1,5, Бийске – 9,1, Кольвани – 8,9, Кузнецке – 1,7. В ряде городов (Кольвани, Бийск, Барнаул) доля расходов по этой группе равнялась или не превышала средний общероссийский показатель, т.е. 6,7%.

Перед городскими самоуправлениями Алтая стояли как общероссийские трудности, так и проблемы, характерные для Западно-Сибирского региона, значительно замедляющие развитие благоустройства. С момента введения Городового положения городское представительство России обязано было самостоятельно, не имея хозяйственного опыта, решить сложные проблемы благоустройства.

Плохое «наследство» и отсутствие опыта препятствовали реализации

типичных для всех городов первых шагов по благоустройству. Все города с самого начала своей деятельности принимают обязательные постановления для горожан по благоустройству. Прежде всего, жители городов обязывались устраивать канавы и тротуары по улицам, заниматься их ремонтом, очищать улицы напротив собственного дома до половины, засыпать их битым камнем, мостить наиболее тонкие места хворостом или сухой землей, щебнем и шлаком, не выпускать на улицы крупный рогатый скот (за исключением прогона на пастбище и водопой и т.п.). Добиться от домовладельца исполнения этих правил было трудно, во-первых, из-за того, что у городских управлений отсутствовала «принудительная власть» (полиция подчинена губернатору), во-вторых, в силу традиционного образа жизни горожан, далекого от понимания необходимости чистоты на городских улицах.

С первых шагов городские самоуправления создают рабочие артели для улучшения благоустройства. Артель формировалась городской управой и содержалась за счет бюджета города. Иногда общественные управления привлекали заключенных (в Томске), нарушителей общественного порядка (в Бийске), а то и «праздношатающихся лиц» (в Кавинске) (3).

Отсутствие опыта сказывалось и на профессионализме работы артелей. Нередко городские артели при мощении улиц снимали часть грунта, клали деревянные сучья, а затем засыпали навоз, посыпая его сверху речной галькой. Далеко не во всех городах проводились стоки для воды.

В этом смысле, выгодно отличались города центра страны, где обычно устраивались подземные трубы для стока воды (в Рыбинске) (4). Отсутствие стоков для воды приводило к тому, что вода быстро просачивалась через гальку и приводила к гниению навоза, а вместе с ним сучьев (5).

Развитию муниципального благоустройства препятствовала низкая обеспеченность городов страны финансами. Казначейство выделяло ссуды в основном на воинские потребности (около 64,2 % от всей суммы кредитования), ссуды на благоустройство составляли всего лишь 24,6 %, с 1871 по 1888 г. городам было выдано займов всего лишь 7320 тыс. руб., с 1881 по 1890 г. – 9975 тыс. руб.) (6).

Специфической особенностью Сибирского региона, осложнявшей улучшение городского благоустройства, являлось отсутствие земских учреждений. В центре страны нередко городские и земские самоуправления участвовали совместно в расходах на строительство мостов, дорог, устройства перевозов и паромов, водопроводов. Так, земские учреждения потратили 10 тыс. руб. на организацию водопровода в Перми (7).

В ряде городов региона улучшение благоустройства затруднялось из-за географического положения, которое требовало дополнительных зат-

рат на устройство ледорезов, осушение болот, проведение обводных каналов. Так, Нарым располагался в низменной местности и ежегодно затоплялся во время разлива рек Кети и Оби. Мариинск имел под собой ненадежный грунт, который раскисал после дождя. Источники свидетельствуют о периодическом выходе из берегов Томи и Ушайки, о наличии болот в таких городах, как Бийск, Барнаул.

К специфическим западносибирским трудностям развития городского благоустройства следует отнести также огромные затраты городов на немунципальные обязательные расходы (в отчетах губернаторов общественное благоустройство понималось как строительство и ремонт казарм, тюрем, лазаретов), так и ограниченное бюджетное право, и законодательное поле городов Алтайского горного округа.

Два последних обстоятельства более других мешали успешной деятельности самоуправлений. У городов Алтайского горного округа не было собственного вагона для скота, свободного земельного фонда, отсутствие которых не позволяло проводить полноценную бюджетную политику. Помимо этого, в городах округа (особенно в Барнауле) располагалось очень много зданий, корпусов, участков земли, принадлежащих горному ведомству, т.е. всего того, на что городские власти не имели право налогообложения.

Кроме того, Барнаул был разделен на две части. Одна находилась под юрисдикцией городского управления, другая же составляла арендную землю Кабинета и жила вне зависимости от муниципального воздействия. Для жителей арендной части Барнаула обязательные постановления городской думы обязательными не являлись.

На городском благоустройстве плохо сказывалось противостояние магистратур и полиции (особенно в первое время после введения реформы). До проведения реформы 1870 г. за всей жизнью алтайских городов следила полиция. С введением Городового положения многие функции полиции перешли в компетенцию городских дум и управ, которые находились в стадии формирования, обретения первоначального опыта, не были способны осуществлять все то, что когда-то делала полиция: «Между управой и полицией вечный разлад. Нет признаков пользы» (8).

В Бийске наиболее последовательно проблемы благоустройства решались в период, когда пост городского головы занимали купцы А.Ф. Морозов и Фирсов. Оба они добились поддержки от полиции в борьбе с нерадивыми домовладельцами. А.Ф. Морозов осушает несколько болот, проводит две водосточные каналы к реке Бии, заваливает ров на площади рядом с городским училищем, поднимает вопрос о строительстве сплавного моста. Фирсов в июне 1888 г. предложил думе проект об осушении бийских улиц и добился его реализации. Тем не менее, к концу периода Бийск по-

прежнему оставался городом «грязи», с непроходимыми улицами, унавуженными базарными площадями. Городское управление даже не пыталось решить проблему освещения, водоснабжения горожан (9).

Огромной была роль купцов в развитии благоустройства Кольяван (Е.А. Жернаков, Храмов, ГИ. Пастухов). »

Деятельность Барнаульского и Кузнецкого городских управлений по улучшению благоустройства затруднялась незначительным числом в составе купцов. Так, в Барнауле на должность головы избирали в основном чиновников (Давидович-Напшинский, Черкасов). Тем не менее, расходы на благоустройство увеличались в Барнауле в 1,5 раза. В 1879 г. для исправления водосточных канав, очистки площадей и улиц была создана рабочая артель. В 1885 г. городская власть отстроила второй мост через Барнаулку. В 1891 г. обустроила дорогу к паромной пристани. В 1892 г. осушили болотистый Мостовой переулочек и Оловскую улицу (10).

Тем не менее, наряду с определенными успехами в улучшении городского благоустройства практически все города региона по-прежнему оставались грязными, «унавуженными», не шоссированными, пыльными, неосвещенными. Это было характерно как для городов Томской губернии, так и для городов Западной и Восточной Сибири. Так, к 1892 г. некоторые части Омска были хорошо обустроены, но улицы города «летом пыльные, весной и осенью грязные», или в Иркутске к концу периода имелось 94 улицы, значительная часть которых была немощеной (11).

С проблемами благоустройства были связаны мероприятия городских управлений по обеспечению санитарно-эпидемиологического контроля. Грязные улицы, отсутствие чистой воды делали неизбежными вспышки эпидемий.

Только в Томске расходы на санитарно-эпидемиологическую часть выделялись отдельной строкой. В городах Алтайского округа деньги для этой цели отпускались эпизодически, нередко без системы, да и то на борьбу с эпизодами. Здесь справедлива оценка периодической печати: «Городские управления, стесненные в средствах, не будучи знакомы даже элементарно с важностью для общественного здоровья всех этих санитарных погрешностей, не решаются затрачивать на санитарные нужды значительные суммы» (12).

По санитарным соображениям обязательные постановления вменяли в обязанности заливать помойные ямы и ретирадные места известью или железным купоросом, запрещалось сваливать навоз в водоемы, на рынках не торговать продуктами с возов. Известно, что эти требования санитарии редко соблюдались на практике: «Там где мясные и рыбные ряды сплошная навозная яма». Торговцы похожи на трубочистов (из Барнаула).

До конца 80-х гг. санитарные комиссии создавались на временной основе. Как правило, они прекращали свою работу сразу же по окончании эпидемий. Инициатива по созданию постоянных подразделений, занимающихся контролем за санитарной частью в городе, принадлежала начальнику губернии. Накануне эпидемии холеры 1892 г. все города губернии были поделены на участки, каждый из которых контролировали особые санитары и полиция. Все домовладельцы обязывались давать управе подписку о том, что быстро очистят свои дворы.

Так, в марте 1890 г. в Томске при городской думе образовалась санитарная исполнительная комиссия из 38 чел. Председателем был избран М.Ф. Валгусов, членами ее являлись И.М. Некрасов, Ф.И. Ахулов, О.Л. Фуксман, С.С. Жемчужников и др., т.е. очень известные люди города. Каждый из членов комиссии совместно с городским врачом, архитектором и полицейским чиновником контролировал конкретный участок города. В августе 1890 г. городская дума отмечала причины невысокой результативности работы комиссии, среди них: отсутствие сильного содействия полиции и многих членов комиссии в городе, перегруженность судебных инстанций, не позволяющая сразу же наказывать виновных (пять протоколов лежали без движения).

Барнаульская дума в холерном 1892 г. создает санитарную комиссию, делит город на участки, разрабатывает механизм принуждения для неридных горожан. Так, на очистку ретирадных мест и помойных ям для состоятельных жителей давался один месяц, для бедных не исключались бесплатная помощь города. В том случае, если богатые горожане не очищали в срок, то комиссия сама наводила порядок за счет бюджета, а затем вычитывала расходы с нарушителей. Помимо этого, городская власть устроила временную бесплатную больницу на 50 мест, решила осматривать всех пассажиров приехавших в Барнаул (13).

В июле 1892 г. Кольяванская городская дума распорядилась создать из жителей институт санитарных надзирателей (по 2 в каждом квартале), выполняющих указания санитарной комиссии и полиции. Каждый домовладелец должен был иметь у себя дома известия. Городской голова Жернаков пожертвовал 1000 рублей на борьбу с эпидемией и убедил думу в необходимости постройки общественного колодца.

Только в Томске санитарно-эпидемиологический контроль осуществлялся при помощи санитарного врача (с 1883 г.), который ежегодно получал от города 1500 руб. 1888 г. начинает работать врач для бедных жителей Томска. В круг его обязанностей входил осмотр помещений рабочих на фабриках, заводах и мастерских, надзор за санитарным состоянием приходских училищ. Врач был подотчетен городской думе (отчитывался

раз в год), участвовал с правом совещательного голоса на заседаниях думы.

Барнаульское городское управление ограничивалось услугами врача Красного креста. В декабре 1878 г. дума принимает постановление об обязательных прививках несовершеннолетних против оспы.

В городах России в тот период времени практически не решались проблемы эффективной очистки воды от нечистот. Из городов России только в Одессе, Варшаве, Ялте, Киеве имелась канализация. В Москве канализация только начала строиться. В большинстве городов страны господствовала выгребная система удаления нечистот. Вывозимые нечистоты, как правило, сваливались за пределами города и являлись рассадником опасных заболеваний. Только в Туле свалки нечистот были упорядочены и служили в качестве удобрения для земли близлежащих от города сел.

Городские управления слабо заботились о чистоте питьевой воды. Заваленные за зиму наводком берега рек весной насыщали водные источники содержанным опасным для людей. Ущерб здоровью горожан наносили овчинные, шубные, кожевенные предприятия, торговые бани, скотобойни. Это было характерно как для городов Алтая, так и для всех городов губернии в целом.

Так, в озерах Марининска осуществлялось мытье кож, а жители брали оттуда воду для питья. По этой причине «частенько таскали у нас народ на кладбище». Первый в России содовый завод Пранга в Барнауле загрязнял Обь настолько, что в ней даже рыба дохла. Городская дума ограничилась лишь единовременным штрафом в 100 руб. В шубных заведениях города овчину перед шитьем квасили и дубили прямо в Оби. Поэтому по приговору суда владельцы обязаны были перенести производство за территорию города, но благодаря безразличию городских властей, не переносили их несколько лет (14). Даже в таких крупных сибирских городах как Красноярск, Иркутск устранялись скотобойни на плотках и барках. Общественные управления считали, что река сама уносит нечистоты из города.

В таких городах как Томск и Барнаул городские самоуправления заинтересовались в начале 90-х гг. качеством питьевой воды. Известно, что в Томске профессор Сибирского университета Леман, взяв воду для анализа из Томи и Ушайки, заключил, что она (вода) является причиной тифа. Анализы Лемана убедили думу, что городу необходим водопровод. В Барнауле провизор вольной аптеки Поляк брал пробу из Барнаулки и Оби, заводского пруда. Городское представительство оставило результаты анализов без последствий (15).

Невысокая эффективность деятельности городских управлений по контролю за санитарным состоянием городов являлись причиной частых вспышек эпидемий. Умерло от холеры в Барнауле 386 человек, в Кольвани – 184 (16).

Итак, деятельность городских самоуправлений Алтая по развитию благоустройства и санитарно-эпидемиологическому контролю напрямую определялась как общими для страны, так и сибирскими трудностями. Магистратуры с преимущественно купеческим составом (Бийск, Кольвани) успешнее справлялись с данными проблемами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г. в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 261-262; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. СПб., 1994. С. 65.
2. Энциклопедический словарь: Репринт, воспроизведение изд. / Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Т. 51.
3. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2904. Л. 89; Лез К.В. Фонд бийской мещанской управы как источник изучения городской жизни второй половины XIX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практ. конф. Барнаул, 1996. С. 181-184; Томские губернские ведомости. 1889. 20 июля.
4. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон ... Т. 53. С. 396.
5. РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 1065. Л. 3-4 об., 8 об.; Сибирская газета. 1884. 9 сент.; ЦХАФ АК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 57 об.; Сибирский листок. 1891. 2 июля.
6. Нардова В.А. Указ. соч. С. 62.
7. Известия Томского городского общественного управления. 1887. 10 дек. С. 11.
8. Сибирь. 1878. 7 мая; 18 февр.
9. Восточное обозрение. 1882. 20 мая; 1882. 7 окт.; ЦХАФ АК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
10. Барнаул: Летопись города. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 82; Сибирский листок. 1891. 21 июня.
11. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон ... Т. 42. С. 493; Т. 25. С. 329-330.
12. Восточное обозрение. 1889. 15 января.
13. ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 272. Л. 71.
14. Сибирь. 1879. 30 сент.; Сибирская газета. 1882. 4 апреля; 1888. 5 мая.
15. Сибирский листок. 1891. 23 июня.
16. Обзор Томской губернии за 1892 г. Томск, 1893. С. 56.

ПЕРВЫЕ ЧАСТНЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ БАРНАУЛА

Изобретение электричества было важной вехой в истории мировой цивилизации, открывало новый этап в развитии промышленности, коммунального хозяйства городов, меняло быт горожан, особенно в крупных городах. Становление энергетики происходило во второй половине XIX в. Свой вклад в развитие этой отрасли внесли многие ученые и инженеры России, Англии, США, Германии, Франции. Достижения в данной сфере знаний, как например, дуговая лампа – «электрическая свеча» П.Н. Яблочкова (1876 г.), лампа накаливания Эдисона (1879 г.), первая линия электропередачи (57 км, Мисбах – Мюнхен), построена французом Дебре (1882 г.) и др. быстро становились достоянием всего цивилизованного мира.

Период электрификации был связан с началом применения постоянного тока и строительством станций местного значения и домашних электростанций (70-е годы XIX в.). Первые подобные станции возникли в Париже, а в России – в Петербурге, в 1879 г. для освещения Литейного моста (1).

Общая техническая отсталость Сибири проявлялась в относительно слабом использовании паровой энергетики в промышленности по сравнению с Центральной Россией, более позднему появлению сети железных дорог. Сибирская ж.д., как известно, начала строиться только в 1891 г., когда в Европейской России уже сложилась довольно разветвленная сеть железных дорог. Но электроэнергетика в Сибири развивалась довольно динамично. Одна из причин этого заключалась в том, что к концу XIX в. у многих горнопромышленных компаний, городского купечества были достаточные капиталы, чтобы приобрести необходимое оборудование для электрификации промышленных объектов, магазинов, жилых домов. К тому же специализированные фирмы могли не только продать такое оборудование, но и смонтировать его.

Первая домашняя электростанция в Сибири появилась в Красноярске, в доме купцов Гадаловых, в середине 80-х годов XIX в. (2). Известный советский дипломат А.А. Игнатьев в воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» писал об этом факте: «Пыльные, грязные, вылезли мы из нашей кибитки и очутились в каменном двухэтажном «дворце» купца Гадалова, освещенном электрическим светом, которого я никогда до тех пор не видел. Ведь в Питере еще только хвастались новыми керосиновыми горелками» (3). Добавим, что речь здесь идет о 1885 г.

В Алтайском горном округе первые электростанции появились в начале 90-х годов XIX в., а не в конце этого десятилетия (1899 г.), как ошибоч-

но указано в недавно изданной книге, посвященной «столетнему юбилею» алтайской энергетики (4). Именно в 1892 г. начала действовать ГЭС на Зырянском руднике и на мельницах нескольких купцов. О Зырянской ГЭС подробно писал известный историк В.В. Алексеев. Она имела мощность 150 кВт, ее энергия использовалась и для производственных целей, и для освещения жилых помещений. В.В. Алексеев предполагает, что, возможно, эта ГЭС была первой промышленной ГЭС в России (5).

В это же время некоторые предприниматели начинают электрифицировать свои мельницы. Речь идет, конечно, не о традиционных крестьянских мельницах, которых насчитывались сотни в каждом уезде, а о больших крупчатных мельницах (заводах). Крупчаткой называется белая мука, шпеленчатая, лучшего помола, отсюда и название мельниц. Подобные предприятия размещались, как правило, в многоэтажных кирпичных или деревянных зданиях, деревянные в тот период еще преобладали. За год перерабатывали сотни тысяч пудов зерна, работали на рынок и не только местный. На любой из таких мельниц был двигатель, чаще всего водяной, реже – паровой.

Стремление устроить на мельницах электрическое освещение вполне объяснимо. Многие из них, особенно после сбора урожая, работали круглосуточно, освещались керосиновыми горелками. Надо ли объяснять, какую пожароопасную среду представляли многоэтажные мельницы, особенно если они были деревянными. Пожары на мельницах не были редкостью, иногда они полностью сгорали.

Обратим внимание и на то, что первые частные электростанции на Алтае имели водяные, а не паровые двигатели. Дело в том, что еще в первой половине 90-х годов XIX в. в округе действовал запрет на установку частными лицами паровых двигателей и котлов. Леса берегли для нужд кабинетской горнозаводской промышленности. Только после закрытия в 1893 г. ведущих сереброплавильных заводов – Барнаульского, Павловского, Локтевского этот запрет стал ослабевать, все чаще делались исключения из правила. В начале XX в. устройство на предприятиях паровых котлов и двигателей уже не встречало со стороны кабинетской администрации препятствий.

Показательно, что при открытии многих частных электростанций на Алтае в конце XIX – начале XX в. решающим оказывалось мнение не кабинетской администрации, а строительного отделения Томского губернского управления, а также городского самоуправления, если предприятие или электростанция размещались на городской земле. Именно позиция, например, Барнаульской Думы и управы или губернского инженера, а не администрации Алтайского округа привели к отказу в открытии некоторых электростанций (купец М. Страхова, владельцы кинотеатра Лебзиной

и др.). Об этом свидетельствуют архивные документы строительного отделения Томского губернского управления. Они и стали основной источниковой базой при изучении вопроса о первых электростанциях Барнаула (ЦХАФ АК, фонд 31).

В 1890 г. устроил электрическое освещение на мельнице в Завьялове Бердской волости Барнаульского округа, в 216 верстах от Барнаула, томский купец И.Г. Богомолов. Станция питала 50 ламп. В 1892 г. губернский инженер после осмотра мельницы разрешил купцу использовать электроэнергию, а до этого установка работала без разрешения (6).

В 1892 г. начала освещаться электричеством «Троицкая» мельница в Зудилово барнаульского предпринимателя Ивана Платонова. Мельница в Зудилово была довольно крупным промышленным заведением. Она была построена еще в 1866 г. отцом Ивана Константиновича Константином Павловичем в компании с отставным полковником Ляпичным (Ляпичным?) и подполковником Ярославцевым. В 1890 г., например, она произвела крутчати 70 тыс. пудов, но ее мощность была рассчитана на 100 тыс. пудов. На мельнице трудилось до 30 рабочих, сбыт муки производился не только в Барнауле, но и в Томске, городах Восточной Сибири.

Акт осмотра мельницы был подписан губернским инженером 5 октября 1892 г. Двигатели на мельнице были водяные. Они приводили в движение динамо-машину. Ток шел по четырем магистральным линиям, кроме одной все они питали лампочки накаливания системы Эдисона на мельнице и только одна линия шла к даче И. Платонова (ныне территория санатория «Сосновый бор»). В жилом доме (даче) было 10 лампочек, на мельнице не менее 30 (7).

В 1895 г. И. Платонов устраивает электростанцию в Соколове, где размещался его Иткульский винокурный завод. Динамо-машина и, видимо, электрооборудование были закуплены в Англии, первым мастером электриком был Иван Иванович Самострелов. Динамо-машина была установлена на мельнице и работала от водяного двигателя. Ток поступал для освещения самой мельницы, винокурного завода и домов управляющего Василия Андреевича Гусарова и винокура Вильгельма Христиановича Фейрабенда (8).

Известно, что владелец пригласил на открытие электростанции при Иткульском заводе некоторых купцов из Бийска, Барнаула, может быть, и других сибирских городов. В то время электрическое освещение только недавно появилось в губернском центре Томске, но его еще не было в Барнауле и Бийске.

В самом же Барнауле первая электростанция, судя по архивным данным и материалам периодики, появилась в 1898 г. в доме купца Павла Дмитрие-

вича Сухова, по адресу улица Большая Тобольская № 24 (ныне ул. Л. Толстого). Акт о ее приеме губернский инженер Хомич подписал 11 ноября 1898 г. Электростанция разместилась на первом этаже кирпичного двухэтажного дома и предназначалась для освещения самого дома, магазина и усадьбы (9). О Суховской электростанции в номере за 1 декабря того же года сообщила томская газета «Сибирская жизнь». Позже П. Сухов по неизвестным причинам эту электростанцию перенес в другой свой же дом.

Значительно большее значение для жителей Барнаула имела электростанция Ивана Платонова, построенная в 1900 г. Она имела мощность 140 кВт, размещалась в специально выстроенном здании на территории усадьбы владельца. Усадьба же находилась в самом центре города, на пересечении Пушкинской улицы и Московского проспекта. Сохранился план усадьбы (10). Здание электростанции размещалось в глубине усадьбы, жилой дом выходил фасадом на Пушкинскую (ныне центральная часть дома № 40, по «обоям» здания в советское время сделаны пристройки), на красную линию Московского проспекта выходил ренсковый погреб (там долгое время размещался цех макаронной фабрики, а ныне – кафе «Старые пруды»). Помимо этого, усадьба имела мастерские, склады, амбары, небольшой садик. Паровой котел был привезен с завода «В. Фишнер и К. Гаппер» в Польше. Хозяйственный департамент МВД разрешил эксплуатацию электростанции Платонова в августе 1900 г. (11).

В этом же году открыть собственную электростанцию пытался и барнаульский купец Михаил Страхов, он планировал устроить ее в своей усадьбе на ул. Петропавловской (ныне Ползунова). Но электростанция должна была сооружаться в комплексе с раструсной мельницей. Городская Дума такого разрешения купцу не дала, объясняя отказ тем, что строительство мельницы в самом центре города будет создавать неудобства жителям (12).

Электростанция И. Платонова фактически выполняла роль городской, так как муниципальной, т.е. принадлежавшей самому городу, электростанция в Барнауле долго еще не было. Электростанция Платонова снабжала энергией не только усадьбу владельца, но и многие магазины, учреждения, жилые дома. От электростанции отходили пять двупроводных магистральных цепей. Первая из них была предназначена для освещения дома Платонова, здесь имелось 60 ламп, вторая – для освещения других построек усадьбы (40 ламп), третья питала 95 ламп в магазинах Второва, Сквородова и Алтайского общественного собрания, четвертая предназначалась для освещения Барнаульского общественного собрания (150 ламп), где, кстати, собиралось местное купечество, пятая питала 4 дуговые фонаря, установленные на углу Московского проспекта и Пушкинской улицы, на углу Кузнецкой (ныне Гоголя) и Соборного переулка (Социалистичес-

кий проспект), на углу Пушкинской улицы и Острожного переулка (Комсомольский проспект) и на углу Московского проспекта и Бийской (Никитинской) улицы. Для подачи электроток энергии по проводам на улицах было установлено 28 столбов, но только на четырех из них были подвешены фонари (13).

Здесь перечислены только те объекты, которые освещались от электростанции Платонова сразу после ее пуска. Документы свидетельствуют, что уже в 1900 г. ток с электростанции стал поступать и в здание Народного дома (ныне концертный зал филармонии), построенное в этом же году, позже – в дома и магазины купцов Морозовых, Федуловых, Флягинных, И. Смирнова и др. В это же время ток с электростанции П. Сухова поступил в дом И. Полякова и духовное училище.

В 1910 г. мощность электростанции И. Платонова была увеличена, владельцем была приобретена новая паровая двухцилиндровая машина. Оценочная комиссия Городской Думы оценила электростанцию как недвижимое имущество в 83,8 тыс. руб. (14). Число рабочих и служащих на ней составляло 20-30 человек.

Видимо, не случайно именно П. Сухов и И. Платонов стали владельцами первых электростанций в городе Барнауле. На рубеже XIX и XX века именно эти семьи были владельцами самых крупных недвижимых имуществ в городе, относились к крупнейшим предпринимателям в области промышленности (И. Платонов) и мануфактурной торговли (Суховы).

Иван Платонов, как и некоторые другие молодые купцы – П. Сухов, П. Федулов, являлся сторонником технического прогресса, что проявлялось не только в электрификации. Упомянутые предприниматели, являясь членами Городской Думы, были сторонниками развития сети железных дорог в Сибири и скорейшего соединения Барнаула с Сибирской ж.д., строительства в городе телефонной станции, водопровода и проч. Сам же Платонов соединил автономной телефонной линией свою усадьбу на Пушкинской улице с другими владениями в самой городе и с мельницей и дачей в Зудилово, для чего по дну Оби был проложен кабель (15).

В Барнауле были сооружены и другие частные электростанции и можно предположить, что не обо всех из них сохранились документы. В 1906 г. собственную электростанцию строит купец 1-й гильдии Иван Федорович Смирнов, известный как владелец Пассажа. Паровой котел он купил у П. Сухова и не ясно, действовала ли после этого электростанция Сухова. Смирновская же электростанция разместилась в специально выстроенном двухэтажном здании по Пушкинской улице, недалеко от Московского проспекта в приблизительно там, где ныне находится кинотеатр «Пионер». Пущена эта электростанция была в 1907 г. Только после этого Смирнов

приступил к постройке Пассажа, которая завершилась в 1909 г. Если раньше предполагалось, что электростанция размещалась во дворе Пассажа (16), то найденный в архиве чертеж свидетельствует, что она находилась на противоположной стороне улицы Пушкинской, а ток по проводам, перекинутым через улицу, поступал к зданию Пассажа (17).

Пассаж, как известно, был самым крупным магазином дореволюционного Барнаула. Его фасады шли по трем улицам – Пушкинской, Гоголевой и Московскому проспекту, во дворе был погреб виноградных вин, часть второго этажа арендовало Барнаульское отделение Русского для внешней торговли банка.

Приблизительно в это же время и другой барнаульский купец 1-й гильдии Иван Иванович Поляков также получил разрешение построить электростанцию во дворе своей усадьбы. И. Поляков известен как собственник одного из лучших барнаульских магазинов, выстроенного в 1913 г., ныне – «Красный». Усадьба купца занимала целый квартал вдоль Московского проспекта и Гоголевой улицы, включала двухэтажный жилой дом с чайным магазином на первом этаже – по Гоголевой улице, пимокатную и овинно-шубную фабрику, склады. Когда строилась электростанция, еще не было сооружено лучшее здание усадьбы – торговый корпус, т.е. современный «Красный». Электростанция разместилась во дворе и предназначалась не только для освещения жилых, торговых и хозяйственных помещений, но и для использования в производственных целях, на фабрике (18). Электроэнергия применялась и на других промышленных заведениях города. В 1913 г. была электрифицирована типография Управления Алтайского округа, при этом она имела собственную установку для выработки тока (19). Электрифицирована была типография Вершинина «Алтайское печатное дело», винокурный завод «Братья Ворсини и Олжонин». Вполне вероятно, что электричество применялось и на других промышленных предприятиях.

Число потенциальных потребителей электроэнергии в Барнауле постоянно росло. В 1910 г., например, Городская Управа разрешила устроить освещение электричеством городской библиотеки (20). Еще одна группа потребителей электроэнергии – это «кинематографы», т.е. кинотеатры. Кинотеатры стали открываться один за другим после 1910 г., когда их открытие разрешила Городская Дума (21). «Триумф», «Иллюзион», «Алтай», «Трион» и другие. Все они разместились на Пушкинской улице. Не потому ли, что здесь же были электростанции Платонова и Смирнова?

Так, построив деревянный кинотеатр с залом на 179 мест по Пушкинской улице, владелица Лебзина планировала при нем же установить и собственную установку для производства электроэнергии. Но Городская Дума

ей такого разрешения не дала из соображений противопожарной безопасности, ток в кинотеатр стал поступать со станции И. Платонова (22). Но другой владелец на той же Пушкинской улице – И.С. Зубко получил разрешение на устройство электростанции в своей мастерской, откуда ток поступал и в кинотеатр. Помимо этого владелец установил и два фонаря с электрическими лампочками (23).

Можно не сомневаться, что приблизительно к 1910-1912 годам все центральные магазины, банки, учреждения, многие дома состоятельных горожан, отдельные промышленные заведения, кинотеатры имели электрическое освещение. Но не была разрешена проблема освещения улиц и площадей города, ведь единичные фонари не делали город освещенным в ночное время суток. Не были удовлетворены темпами электрификации и гласные Городской Думы. Ведь многие сибирские города, такие как Томск, Омск, Иркутск и другие имели муниципальные электростанции. Еще 15 ноября 1901 г. на заседании Думы гласный В.К. Штильке поднял вопрос о скудном освещении улиц. Дума констатировала, что в городе имелись лишь четыре электрические фонаря, получавшие ток от станции Платонова и два от станции П.Сухова. Дума предложила И.Платонову и П.Сухову расширить электрическое освещение улиц (24).

Вопрос об освещении города рассматривался и на заседаниях Думы 22-28 августа 1908 г. Из числа гласных Думы была избрана специальная комиссия в составе четырех человек (М.Н. Еремеев, С.А. Шутов, Ф.К. Козлов, Г.Я. Егоров), которая готовила вопрос об освещении города. В итоге было принято решение установить 50 фонарей в самых оживленных местах центральной части Барнаула, в том числе на площадях Демидовской, Соборной, Покровской, Базарной, Хлебной, Конной, Коношенной, Сенной, Московском проспекте, Пушкинской и некоторых других улицах (25). Подряд на установку фонарей сначала отдали томскому купцу Рукавишникову, но он не выполнил работы к 1 января 1909 г., как это было запланировано по контракту. Тогда подряд передали И.Платонову, но в новом договоре говорилось лишь о 15 дуговых фонарях по 6 ампер каждый, а не о 50 как ранее (26).

Накануне Первой мировой войны Городская Дума активизировала деятельность по развитию коммунального хозяйства города. Планировалось строить городскую электростанцию, водопровод, а со временем и электрический трамвай. Связано это было с ростом населения города, городского бюджета. Это оживление во многом зависело от такого фактора, как строительство Алтайской ж.д., новыми перспективами, которые открывались перед Барнаулом.

Да и приобретать в этот период электрооборудование стало проще.

В 1914 г. в Томске открылся склад акционерного общества «Электропривод», а в 1916 г. – первый в Сибири завод электрических лампочек (27).

Сметы на строительство электростанции и водопровода в Барнауле составил томский инженер Б.Гецен, она вылилась в сумму 460 тыс. руб. И город начал делать займы в банках под это строительство. Электростанцию начали строить на берегу Оби, где начинается Пушкинская улица. Проект прошел экспертизу в Томском технологическом институте (28). Однако, к 1917 г. строительство так и не завершилось, сказывались условия военного времени, шла Первая мировая война, кризис народного хозяйства, который влиял на все стороны жизни, в том числе и на состояние городского хозяйства. Барнаул оказался в роли города-должника. Пожар 2 мая 1917 г., когда выгорели более 50 центральных кварталов, нанес сокрушительный удар и по коммунальному хозяйству. Сгорела и строящаяся городская электростанция и многие частные, в том числе И.Платонова и И.Смирнова.

Правда, к этому времени уже имели собственные электростанции Главные мастерские Алтайской ж.д., депо станции Барнаул, но городскую электростанцию необходимо было фактически соорудить заново.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Техника в ее историческом развитии, 70-е годы XIX – начало XX в. М., 1982. С.60.
2. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч.1. 1885-1950 гг. Новосибирск.1973. С. 30.
3. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. Симферополь.1953.С.29.
4. Столетие – прекрасная дата! ОАО «Алтайэнерго» на рубеже веков: Сборник. Барнаул,1999. С.24.
5. Алексеев В.В. Указ. соч. С. 19.
6. ЦХАФ АК. Ф.31. Оп.1. Д.130. Л.1, 25, 33.
7. Там же. Л. 20-21.
8. История Иткульского спиртзавода. 1868 – 1968 гг.: Рукопись, С. 13-14 // Архив Иткульского спиртзавода (Хранится в заводоуправлении).
9. ЦХАФ АК. Ф. 31. Оп.1. Д.153. Л.8-10.
10. Там же. Д.158. Л. 13.
11. Там же. Л.63.
12. Там же. Д.159. Л.1.
13. Там же. Д.158. Л.69.
14. ЦХАФ АК. Ф.51. Оп.1. Д.13. Л.34 об., 133 об.
15. Там же. Д.1. Л.70 об.
16. Скубневский В.А. 140 лет со дня рождения барнаульского купца

И.Ф.Смирнова // Барнаулский хронограф: Календарь знаменательных и памятных дат. 1998. Барнаул. 1998. С.40.

17. ЦХАФ АК. Ф.31. Оп.1. Д. 190. Л.1-13.

18. Там же. Д.193. Л.2-3, 20.

19. Там же. Д.220. Л.1, 2, 27.

20. Там же. Ф.219. Оп.1. Д.11. Л.376-377.

21. Огнева Я.В. 90 лет со дня принятия Барнаулской городской думой постановления об открытии в городе первых частных кинематографов // Барнаулский хронограф: Календарь знаменательных и памятных дат. 2000. Барнаул, 1999. С.9-11.

22. ЦХАФ АК. Ф.31. Оп.1. Д.203. Л.3, 17, 29.

23. Там же. Д.205. Л.1, 37.

24. Там же. Ф.51. Оп.1. Д.3. Л.331 об.

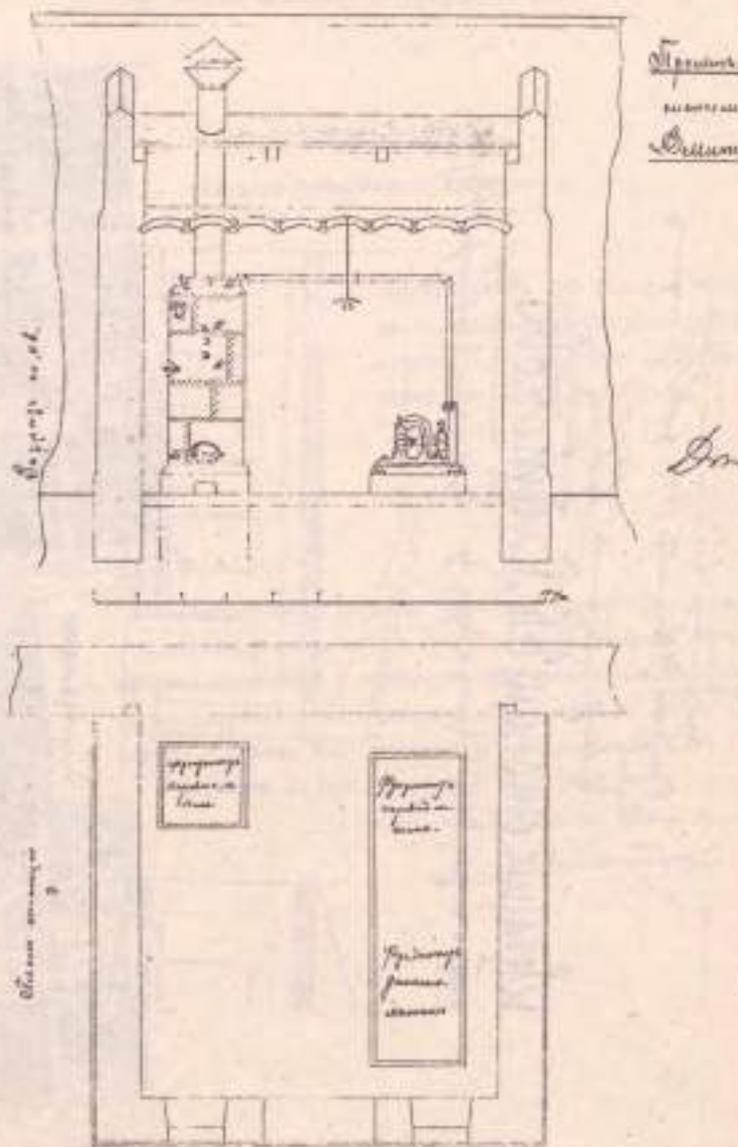
25. Барнаулская городская Дума. 1877-1996: Сборник документов. Барнаул, 1999. С.97-98.

26. ЦХАФ АК. Ф.51. Оп.1. Д.8. Л.31 об.

27. Сибирь, 1916. 23 окт.

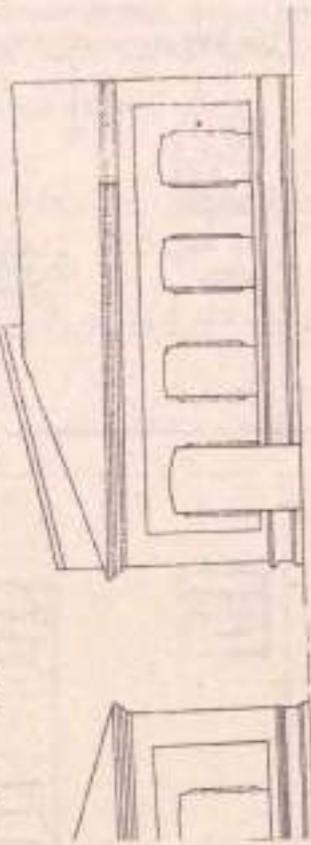
28. Барнаулская городская Дума ... С.112-113.

Приложение 1. Проект электростанции П.Д. Сухова

ЦХАФ АК. Ф.31. Оп.1 Д.153.

*Согласованная выписка из проекта
 И.К. Платонова 1899 г. от 15.10.1899 г.
 И.К. Платонова
 Александровский завод
 И.К. Платонова
 в. инженером Александром
 Платоновым. Выписка из проекта*

Воздушная машина

Сенаторский Илья Александрович

ЦХАФ АК Ф.31. Оп.1. Д.158

В Строительное Отделение
Томского Губернского Управления

Барнаульского 1-й гильдии купца
Ивана Федоровича Смирнова, являющегося в Барнауле по Московскому проспекту, своей земей.

ПРОШЕНИЕ.

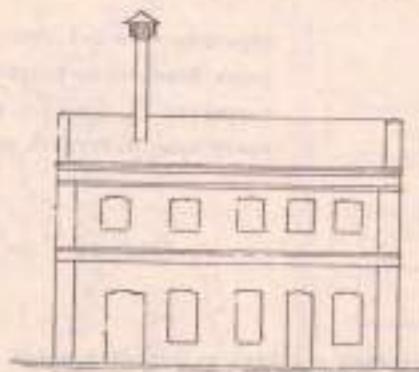
Представляя при сем подробный проект в 2-х экземплярах, с расчетами, указанием проводов электрического освещения и конструктивной запиской, прошу разрешить мне электрическое освещение ^{уличных} дворов и домов для собственного пользования.

г. Барнаул, ноября 12-го дня 1907 года.

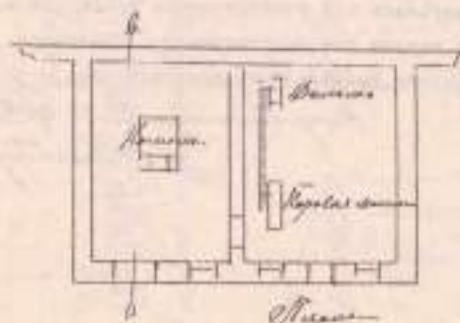
*На добровольности И.Ф. Смирнова
 И.Ф. Смирнов*

ЦХАФ АК Ф.31. Оп.1. Д.190

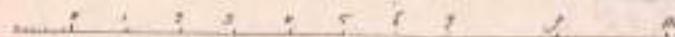
*Проект здания электростанции для
улицы Ивана Федорового
с 10 каждами в 1900 году*

Сторона

План

ЦХАФ АК. Ф.31. Оп.1. Д.190. Л.6 об.

НАСЕЛЕНИЕ г. КОЛЫВАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В последние годы историки от широких тем все чаще обращаются к истории отдельных областей, населенных пунктов, семей. В городоведческой литературе последних лет одной из проблем, требующих специального изучения признан феномен малого города (1). История сибирского города в последние годы активно разрабатывается исследователями. Проведено несколько конференций по этой проблематике (2), издан ряд сборников научных статей (3), популярным жанром становятся региональные исторические энциклопедии и летописи истории городов (4). Ряд работ вышедших в последние годы посвящен истории отдельных малых городов Западной Сибири – Тары, Каинска, Ишимя, Камня-на-Оби, Ялуторовска (5).

Среди малых городов региона большой интерес вызывает Колывань. Работ, посвященных истории г. Колывань, очень мало. Первые описания Колывани в 1860-х гг. принадлежат Н. Кострову (6). Историко-архитектурный очерк города сделал В.Т. Горбачев (7). В.Л. Гусаченко и Л.Л. Матвеева выпустили научно-популярную книгу по истории города (8). В «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» помещен очерк Д.Я. Резуна и А.Р. Ивоинина (9). Краткой очерк социально-экономического развития Колывани дан в статье Г.А. Ноздрина (10). Отдельные заметки по истории города содержатся в различных справочных изданиях и работах общего характера (11). Все указанные работы содержат только отрывочные сведения о численности и основном составе населения города. В целом история Колывани освещена далеко недостаточно, несмотря на то, что в Государственных архивах Новосибирской и Томской областей, а также в Центре хранения архивного фонда Алтайского края сохранилось значительное число документов по истории города.

Население малого сибирского города в прошлом – отдельная научная проблема, заслуживающая особого внимания, так как именно горожане являются носителями нового, городского образа жизни, определяют специфику городских поселений, формируют городскую культуру. В данной статье будут затронуты отдельные слабо изученные аспекты истории народонаселения Колывани: состав и численность горожан в исторической динамике, а также отраслевая структура занятости населения.

Колывань основана в 1713 г. в устье реки Чаус, при впадении ее в Обь,

как Чаусский острог. 22 июля 1822 г. острог получил статус города с наименованием Колывань. Новый город должен был стать губернским центром. Это вызвало протест томских купцов и чиновников. Их ходатайство о сохранении губернского центра на прежнем месте – в Томске – нашло поддержку в Сибирском комитете. 14 июля 1823 г. было повелено оставить губернский центр в Томске, а Колывань, бывший Чаусский острог, стал окружным городом. В 1834 г. было принято решение переместить Колывань на Московский тракт в 8 км от прежнего места. Перенос города продолжался до 1856 г., на старом месте осталось волостное с. Чаусское. В 1856 г. Колывань стала безуездным (заштатным) городом Томской губернии и сохранила этот статус вплоть до 1917 г. 5 августа 1846 г. утвержден герб города, представляющий собой щит, разделенный на две половины, в верхней части – герб губернского города Томска, в нижней – «соединенные вершинами два снопа на ржаной ниве, подле – лежащий серп». Герб отражал аграрную направленность занятий жителей Колывани в середине XIX столетия. В это время город «на деле оставался селом» (12).

Город занимал выгодное положение, находясь на трассе Московско-Сибирского тракта и вблизи судоходной Оби. В 7 км от города на реке были построены Колыванская пристань. Здесь останавливались грузопассажирские суда, курсировавшие между Томском и Барнаулом.

Выгодное расположение города повлияло на рост населения. Динамика численности населения Колывани представлена в табл. 1.

Таблица 1.

Численность населения Колывани во второй половине XIX-начале XX в.

Год	Мужчины		Женщины		Всего
	абс.	%	абс.	%	
1859	1367	49,4	1393	50,6	2766
1864	1533	53,2	1346	46,8	2879
1873	2195	51,1	2098	48,9	4293
1884	6293	48,6	6656	51,4	12949
1894	7307	51,1	6985	48,9	14292
1897	5619	48,0	6092	52,0	11711
1910	5478	49,5	5585	50,5	11063

ГАТО. Ф.234. Оп.1. Д.54. Л.124. Д.221. Л.4; Костров Н. Город Колывань // Томские губернские ведомости. 1864. № 3; РГИА. Ф.1290. Оп.5. Д.246. Л.46; Обзор Томской губернии за 1884 г. Томск. 1885. С.134; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.79. Томская губерния. СПб., 1904. С.2; Города России в 1910 г. СПб., 1914. С.1076

В пореформенный период численность населения Колывани быстро росла. В 1856 г. здесь насчитывалось 2469 чел., по численности населения город занимал 510-е место из 692 городов империи (13). В 1859 г. здесь проживало 2766 чел., к 1881 г. население Колывани составляло уже 12091 чел., в том числе 5798 муж. и 6293 жен. (14). В 1894 г. здесь числилось уже 14292 чел., т.е. всего за 35 лет число горожан выросло более чем в 5 раз. Определенную роль в столь быстром росте населения сыграло разрешение в 1865 г. переселений на территорию Алтайского горного округа. Население города во второй половине XIX в. увеличивалось, прежде всего, за счет естественного прироста. В 1884 г. естественный прирост составил 188 чел. (родилось 601, умерло – 413), т.е. 1,45%. В 1894 г. естественный прирост составил 295 чел., или 62% общего прироста населения (всего естественный прирост 2,06%), механический прирост (миграция) в этом году составил 176 чел., или 38% общего (15). Столь высокий естественный прирост был совсем не характерен для городов региона. По подсчетам современников, в 1870-х гг. естественный прирост в городах Томской губернии составлял всего 0,006%, в 1880-х – 0,04% (16). В годы Первой Мировой войны переселение прекратилось, но начали прибывать беженцы. Так, в 1916 г. в Колывани жили 43 русских беженца из западных губерний России (17).

Конец 1880-х – середина 90-х гг. – время наивысшего развития города. В сентябре 1894 г. томский губернский совет поставил вопрос о создании Колыванского округа на территории восточной части современной Новосибирской области. Но этим планам не суждено было осуществиться – изыскательский отряд В.И. Раецкого выбрал кривошековский вариант проведения Сибирской железной дороги. Колыванцы попытались отстоять вариант проведения железной дороги через свой город. В 1891 г. они подали прошение наследнику цесаревичу Николаю, путешествовавшему по Сибири, в 1892 г. снарядили экспедицию техников А.А. Серебрянникова и А.А. Кривоцова для исследования трассы дороги через Колывань. Однако 27 февраля 1893 г. Александр III окончательно утвердил вариант через Кривошеково. После того, как жителям не удалось добиться проведения железной дороги через город, экономическое значение города упало. Прокладка Транссибирской магистрали в 50 км южнее Колывани и потеря старым Московским трактом своего значения резко изменили экономическую географию всей Сибири. Открытие в 1897 г. ж.-д. моста через Обь стало началом стремительного роста нового города – Новониколаевска. Колывань, имевшая прежде большие потенциальные возможности для развития, осталась в стороне от главных транспортных артерий. С новым транспортным центром – Новониколаевском ее связывала ненадежная дорога, про-

ходившая по периодически затопляемой пойме Оби. Все это привело к тому, что начался отток населения из Колывани в Новониколаевск. Разбирались и перевозились в новый город жилые дома. Многие торговцы переехали в Новониколаевск, бросив недостроенные дома. Обороты местной торговли стали падать, население сокращаться. В 1897 г. в городе проживало только 11711 чел., а к 1917 г. осталось всего 9953 чел. (18).

Вторая половина XIX – начало XX в. это время быстрого развития капитализма и, как следствие, разложения сословий и формирование классов буржуазного общества. Тем не менее, существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось тем сословием, к которому он принадлежал. Несмотря на то, что сословный строй в значительной степени разрушен преобразованиями 1860-70-х гг., самодержавие наперекор объективному ходу событий до конца поддерживало сословную парадигму в российском обществе с помощью законодательных мер. Сословная парадигма была присуща также массовому общественному сознанию вплоть до 1917 г. (19).

Все российские сословия были представлены в городах. При этом именно в городах наиболее интенсивно происходит взаимодействие между двумя линиями социального развития – с одной стороны сословности, наиболее последовательно выраженной в потомственном дворянстве, с другой стороны в городе все сословия попадали под воздействие бурно развивающегося капитализма, вовлекались в торгово-промышленную деятельность, в сферу буржуазных, классовых отношений (20). Очень часто между различными категориями населения не было четких границ, не случайно известный статистик начала XX в. Н. А. Рубакин отмечал, что «у нас не редко встретить человека, который и сам не знает, к какому сословию он принадлежит» (21). Тем не менее, в социально-экономическом развитии русского города основную роль играли собственно городские сословия – купцы, мещане и почетные граждане.

Во второй половине XIX в. в социально-правовом положении горожан происходят значительные изменения. Отмена крепостного права, буржуазные реформы 60-70-х гг. и перемены в социально-экономической жизни общества неизбежно повлекли за собой изменения в правовом статусе городского населения. Причина в том, что многие реформы, хотя и принимали во внимание различия между сословиями, но в то же время были лишены строгого сословного начала – таковы судебная, военная, полицейская реформы. Благодаря этому в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом (22).

В 1864 г. сословный состав населения города был таким: купцы – 683 чел. (320 муж. и 363 жен., 23,7%), мещане – 1698 (968 и 730, 59,0%), крестьяне – 326 (149 и 177, 11,3%), дворяне потомственные – 33 (23 и 10), личные – 17 (6 и 11), всего дворянского сословия 50 чел. (1,7%), духовенство – 5 (3 и 2, 0,2%), военные с семьями – 67 (46 и 21), отставные солдаты и члены их семей – 50 (18 и 32), всего военного сословия 117 чел. (4, 1%) (23).

Сословный состав в 1873 г. был следующим: мещан – 2874 чел. (66,9%), крестьян 456 чел. (10,6%), бывших горнозаводских мастеровых – 274 (6,4%), инородцев (татар) – 220 (5,1%), военных из местной команды и лазарета – 156 (3,6%), купцов – 103 (2,4%), дворян 81 (1,9%), духовенства – 29 (0,7%), прочих – 100 чел. (2,3%) (24). Обращает внимание значительное сокращение доли купцов, что, по-видимому, было следствием гильдейской реформы 1863 г. Выбывшие из гильдий пополняли состав мещанства, доля которого увеличивается. В 1883 г. мещане уже составляли 11629 чел. из 12482 жителей города, т.е. 93,2% (25).

В 1897 г. в Колывани проживало дворян – 134 (1,1%), духовенства – 31 (0,3%), купцов – 39 (0,3%), мещан – 9274 (79,2%), крестьян – 2153 (18,4%), иностранных подданных – 12 (0,1%), прочих – 68 (0,6%) (26). Здесь можно отметить характерное для многих сибирских городов в конце XIX в. увеличение доли крестьян в составе населения.

Интересен вопрос о национальном составе горожан Колывани. Именно города Российской империи становились местом интенсивных этнических контактов. Население городов было гораздо более пестрым по национальному составу. Поскольку до конца XIX в. население Российской империи практически не учитывалось по национальному признаку, судить об этом предмете можно только по сведениям, касающимся конфессионального состава, т. к. в Западной Сибири большинство православных и старообрядцев были русскими, католиков – поляками, лютеран – немцами, а мусульман – сибирскими татарами. В 1864 г. 98,3% (2830 чел.) горожан были православными, 1,4% (39 чел.) – католиками и 0,3% (10 чел.) – мусульманами (27). Интересно, что из 39 католиков 38 человек были мужчинами, по-видимому, это были ссыльные поляки.

Конфессиональный состав населения Колывани в 1883 г. был следующим: православие исповедывали 11493 чел. (93,8%), старообрядцами были 602 (4,9%), иудеями – 124 (1,0%), католиками – 34 (0,3%), мусульманами – 17 (0,1%) (28). На 1 января 1895 г. в городе жили 13254 русских, 692 украинца, 52 белоруса, 12 поляков, 23 мордвина, 16 казахов, 7 татар, 59 евреев, 5 немцев (29). Подробные сведения о национальном составе населения, на основе данных о родном языке содержит перепись 1897 г. В этом году русских (вместе с украинцами и белорусами) в городе числилось 10985

чел. (93,8%), мордвинан — 474 (3,9%), евреев 122 (1,0%), цыган — 55 (0,4%), чувашей — 37 (0,3%), поляков — 12 (0,1%), немцев — 6 (0,1%), прочих — 20 (0,2%) (30). В 1913 г. в население города по-прежнему преобладали русские, их насчитывалось 9183 чел. (99,7%), кроме них в городе проживало поляков — 8, татар — 12 и евреев — 2 чел. (31).

Несмотря на национальную и конфессиональную неоднородность населения в Кольвани, так же, как и в других городах Сибири, источники не отмечают никаких конфликтов на национальной или религиозной почве. Как справедливо отметил А. И. Куприянов, в сибирском городе «толерантные отношения между общинами были детерминированы веротерпимостью, характерной для менталитета русского православного населения, составлявшего основную массу жителей» (32).

Далеко не все население города могло участвовать в общественной жизни города. Так, когда в 1876 г. в Кольвани было введено Городовое положение 1870 г., то обывателей, имеющих право голоса насчитывалось всего 646 человек (33). В результате городской контрреформы 1892 г. их число в 1894 г. сократилось до 165 чел. (34).

Начавшийся в пореформенные годы и особенно усилившийся в конце XIX в. процесс размывания сословий, привел к тому, что сословная принадлежность человека неадекватно отражала его реальные занятия и положение в обществе. Поэтому нельзя пройти мимо вопроса о занятиях населения и отраслевой структуре занятости горожан Кольвани. В Кольвани, как и в других небольших городах юга Западной Сибири, значительная часть населения занималась сельским хозяйством. Большинство жителей имели приусадебные участки, возделывали огороды, держали скот. В пореформенный период для ^{1/2} населения сельское хозяйство было основным источником существования. Из отраслей сельского хозяйства в городе развивались земледелие, животноводство, пчеловодство и особенно рыболовство. Горожане сеяли пшеницу, яровую рожь, овес, горох, просо, гречиху, картофель, коноплю. Как писал в середине 1860-х гг. Н. Костров, «главные занятия здесь сельские промыслы — земледелие, скотоводство, отчасти пчеловодство, но главным образом рыболовство в Оби и озерах» (35).

Вторая половина XIX в. — время экономического расцвета Кольвани. В эти годы развивается ремесло и особенно торговля. Торговлей, транспортом и обслуживанием торговцев занималось около ^{1/3} населения города. В городе насчитывалось до 80 купеческих лавок, с 24 ноября по 9 декабря действовала Екатерининская ярмарка. В конце XIX-начале XX в. Кольвань являлась одним из важнейших центров хлеботорговли в Западной Сибири. В это время в районе города скупалось до миллиона пудов хлеба и заготавливались большие партии мяса для Иркутской губернии.

В 1864 г. в городе было выдано 173 торговых свидетельства, в том числе купеческих 1-й гильдии — 4, 2-й гильдии — 66, на мелочный торг — 103 (36). В 1875 г. в Кольвани было выбрано 44 гильдейских купеческих свидетельства, на мелочный, развозной и разносной торг — 24. Специфика купечества Кольвани заключалась в том, что большинство кольванских купцов было приписано к городу только формально. В 1875 г. только 12 купцов постоянно проживали в городе (37). Например, известный кольванский купец П. В. Михайлов имел торговые и промышленные предприятия в Томске, постоянно жил там и даже дважды исполнял обязанности томского городского головы. Долгое время он выбирал свидетельство 1-й гильдии в Кольвани и только в 1880-х гг. стал числиться томским купцом (38). Кольванских купцов отличала большая мобильность, при этом отток капиталов из города превышал приток. Тем не менее, большинство иногородних купцов, получивших свидетельство в Кольвани, имели торговые предприятия в городе или прилегающей к нему местности. Здесь торговали, а часто и проживали: семипалатинский купец И. Богомолов, барнаульский — С. Ф. Колмаков, тюменский — Г. С. Харитонов, красноярский (впоследствии кольванский) — П. Н. Чердынец, петропавловский — Н. И. Никифоров и многие др. (39). Очень многие купцы (до 20 чел.) занимались золотодобычей. Не случайно жители Кольвани часто уходили работать на золотые прииски. В 1881 г. было выдано торговых свидетельств: 1-й гильдии — 1, 2-й гильдии — 60, 28 свидетельств на развозной и разносной торг и 217 менцанских, приказничьих и прочих свидетельств и билетов (40).

Состав кольванских купцов не оставался неизменным. Одни купцы разорялись, другие меняли место жительства, разбогатевшие мелкие торговцы пополняли состав сословия. По подсчетам Г. А. Ноздрина, во второй половине XIX в. в город приехали из Томска, Барнаула, Бийска, Мариинска 8 купцов, а убыло в Томск, Новоиколаевск, Бердск, Курган — 19. Большинство местных купцов были торговцами в первом поколении, вышли из числа менцан и крестьян. Однако появляются и первые купеческие династии: Кривцовы, Култашевы, Моховы, Хромовы, Потаповы. Кольванские торговцы кредитовались в коммерческих банках на значительные суммы. Так, среди клиентов Сибирского торгового банка числились кольванцы братья Горчаковы (35 тыс. руб.) и И. И. Кротков (40 тыс.) (41). Однако в начале XX в. торговое значение города падает, так как железная дорога миновала его, возник новый центр у пересечения Оби и Сибирской ж. д. — Новоиколаевск, конкурировать с которым Кольвань не смогла (42).

Из домашних промыслов, развитых в городе наиболее широкое распространение получило ткачество, обеспечивавшее жителей холстом и грубыми сукнами. Кольвань считалась также известным центром по изго-

толению сельскохозяйственных орудий. В хозяйствах горожан также плели сети, изготавливали кирпичи, кобилили масло для собственных нужд.

В середине XIX в. ремесло в Кольвани было развито слабо. Так, в 1864 г. в городе числилось всего 18 ремесленников. Однако число ремесленников быстро увеличивалось. В 1873 г. в городе работали следующие ремесленники: 7 маслобойщиков, 12 сапожников, 10 портных, 17 войлочников, 6 печников, 7 стекольщиков, 6 кузнецов, 7 бондарей, 15 кирпичников, 2 коновала, медник, а также несколько пимокатов и вязальщиков сетей и неводов. По данным ведомости «О числе ремесленников в городе Кольвани Томской губернии» в 1881 г. здесь работало 25 мясников, 1 колбасник, 10 портных, 5 сапожников, 8 мастеров и 8 учеников кожевников, 1 скорняк, 24 пимоката, 7 печников, 9 столяров, 3 медника, 3 шорника, 6 бондарей, 3 прядильщика, несколько кирпичников, 3 кровельщика, 6 гончаров, 60 плотников, 28 кузнецов, 12 стекольщиков, 2 красильщика, 3 пекаря и 3 коновала, всего более 230 чел. (43).

По сравнению с сельским хозяйством и торговлей, промышленность в Кольвани не получила значительного развития. По данным ведомости «О фабриках и заводах по Томской губернии» за 1881 г. в Кольвани имелось 4 кирпичных завода с 19 рабочими, 8 кожевенных с 16, а также 8 маслобойных, 2 мыловаренных, 3 свечносальных и 3 салотопенных (44). В конце XIX в. в городе действовало более 25 заводов. В их числе были довольно крупные. В начале 1890-х гг. на салотопенном и мыловаренном заводах Е.А. Жернакова было занято 89 рабочих. В свечном и салотопенном производстве Кольвань занимала первое место в губернии, в кирпичном и маслобойном – третье. По разорту кольванского полицмейстера в 1893 г. в городе действовало 44 промышленных предприятия с суммой производства в 49450 руб. (45). В начале XX в., несмотря на снижение темпов развития, промышленность города не угасала. В 1911 г. в Кольвани насчитывалось 116 торгово-промышленных заведений. В 1914 г. здесь действовали 5 кожевенных заводов, 3 мыловаренных, 2 овчинных, 5 мельниц, 5 маслобои (46).

Наряду с промыслами и ремеслами было распространено отходничество на заработки. Уходили из города для заработка в другие местности: в 1874 г. – 221 чел., в 1876 г. – 517 чел. (47). В 1894 г. только на золотые прииски уходило около 500 чел. Часть жителей работала на постройке железной дороги и пристанях Жернакова в Кольвани.

Перепись 1897 г. содержит подробные сведения о занятиях населения. По переписи в Кольвани числилось самостоятельного населения 3292 чел., что составляло 28,1% от всего населения города. Процент самостоятельного населения в городе был значительно ниже, чем в среднем по городам

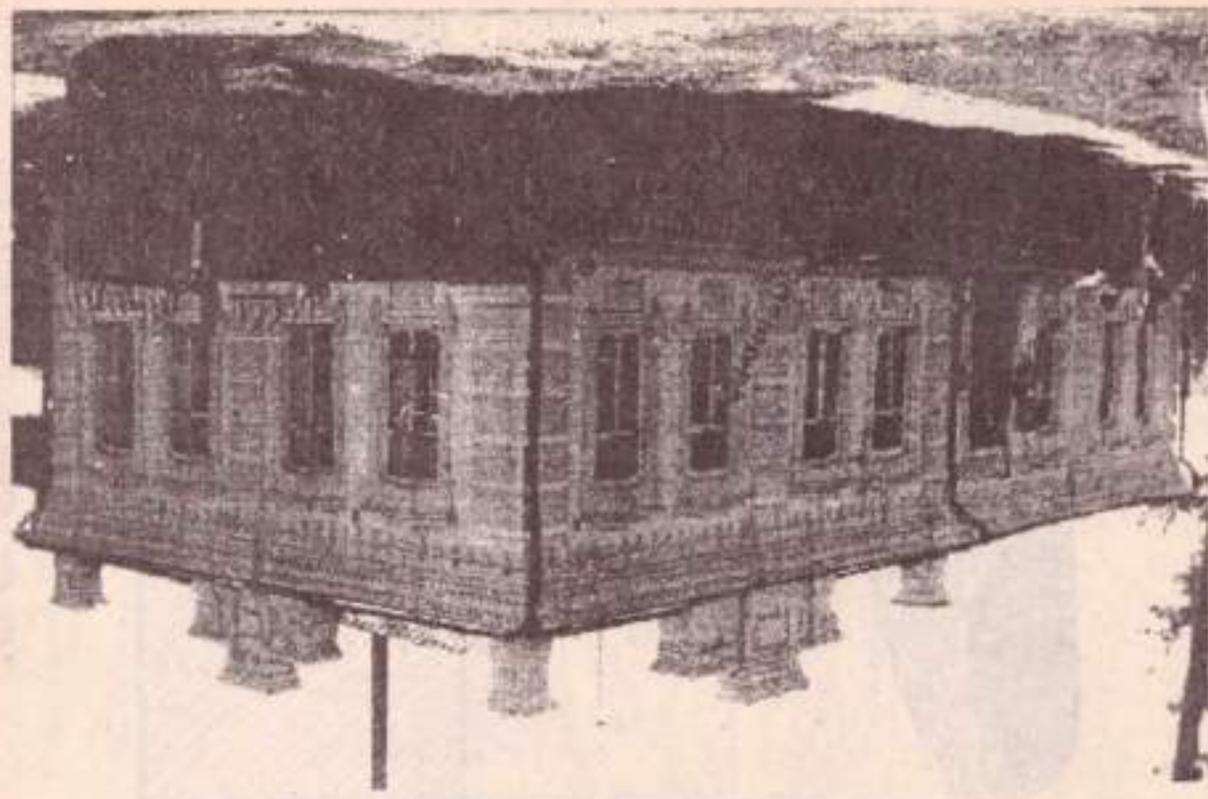
Западной Сибири, в большинстве которых он составлял около 40%. По отраслям самостоятельное население распределялось следующим образом: промышленность – 28,8%, сельское хозяйство – 21,7%, торговая и пути сообщения – 7,6%, частная служба, поденщики – 28,0%, административная служба, духовенство, лица свободных профессий – 4,0%, военные – 3,2%, рантье и пенсионеры – 4,0%, прочие – 2,7%. (48).

Таким образом, город Кольвань во второй половине XIX – начале XX в. являлся характерным малым городом Западной Сибири. Кольвань можно отнести к городам смешанного типа, в которых наряду с торговлей значительную роль играло сельское хозяйство, отхожие промыслы и ремесло. Социально-экономическое развитие города протекало под воздействием процессов утверждения и развития капитализма в Сибири, что и определило формирование населения города, его численность, состав и структуру занятости.

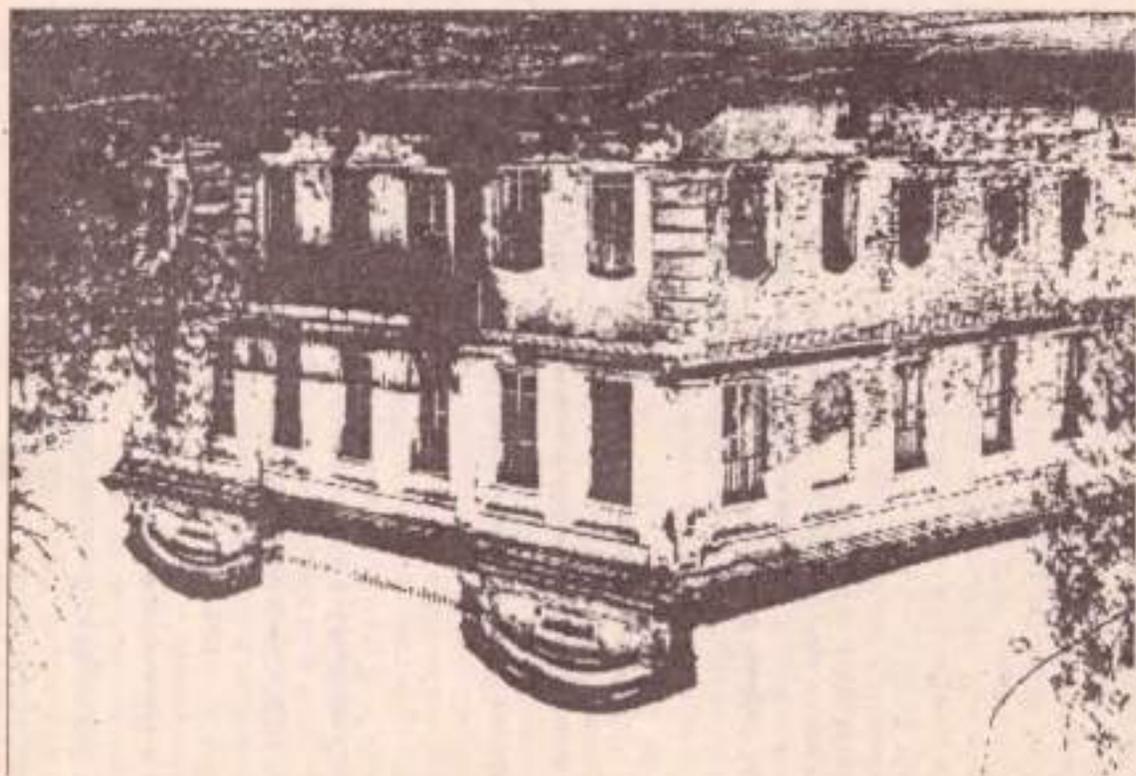
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья. Казань, 1989. С. 6.
2. Социокультурные проблемы развития малых городов Западной Сибири: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Ишим, 2000.
3. Сибирский город XVIII – начала XX веков. Иркутск, 1998.
4. Барнаул: Летопись города. Барнаул, 1994.
5. Ишим: Исторические очерки. Ишим, 1993; Тарская мозаика. Омск, 1994; Гусаченко В.Л., Матвеева Л.Л., Тимашевская Л.В. Каинск исторический. Новосибирск, 1995; Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби, 1996; Исторический город Ялуторовск. М., 1997. Бурмитов А.А. Демографическая история Каинска-Куйбышева и его округа. Новосибирск, 1997.
6. Костров Н. Город Кольвань // Томские губернские ведомости. 1864. № 23.
7. Горбачев В.Т. Город Кольвань (Историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири досоветского периода (XVIII-начало XX вв.). Новосибирск, 1977.
8. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Кольвань историческая. Новосибирск, 1996.
9. Резун Д.Я., Ивонин А.Р. Кольвань // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 45-47.
10. Ноздрин Г.А. Заплатный город Кольвань (вторая половина XIX-начало XX в.) // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999. С. 3-16.
11. Кольвань // Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск,

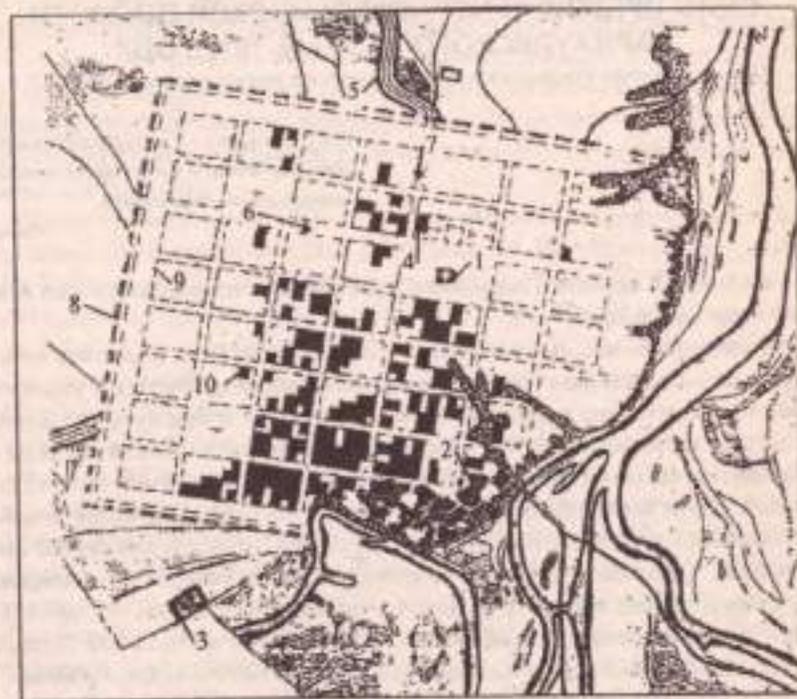
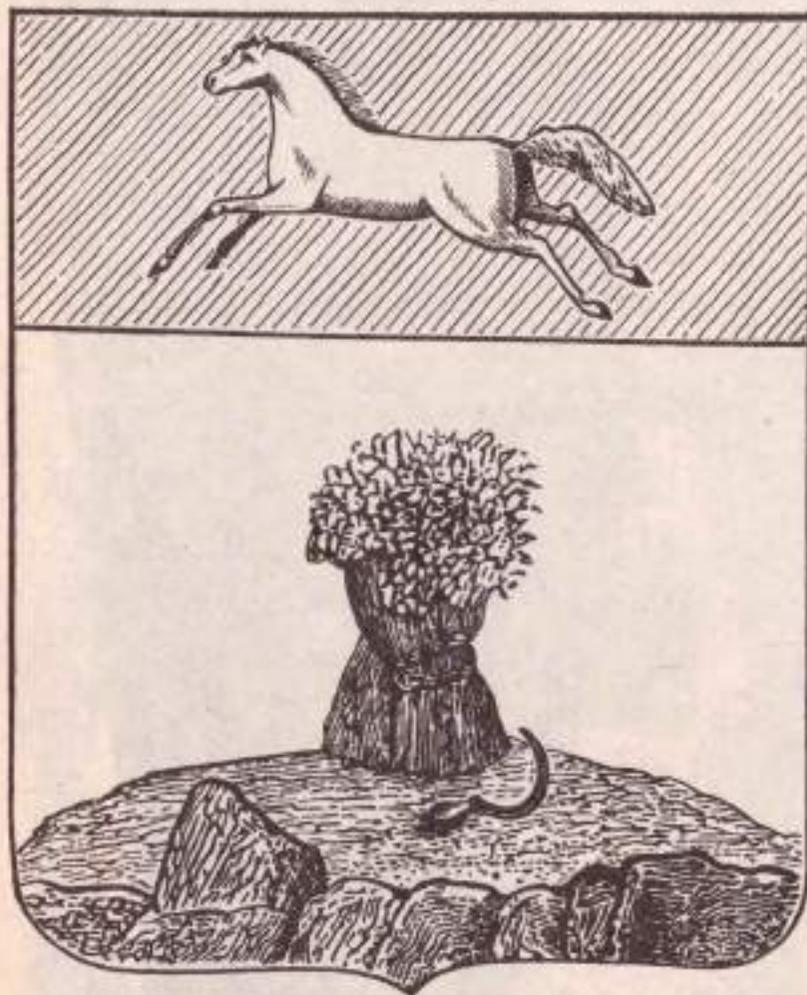
1931. Т.2. Стб. 850-851; Мищенко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990; Скубневский В.А. Городское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990; Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861-1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996 и др.
12. Кабо Р. М. Города Западной Сибири (очерки историко-экономической географии XVII первой половины XIX вв.). М., 1949. С. 199.
13. РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 85а. Л. 149.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1959. Л. 798.
15. Обзор Томской губернии за 1884 год. Томск, 1885. С. 134; Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 5.
16. Ефимов А. Православное население Томской губернии по данным 1870-1880 гг. СПб., 1890; Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892. С. 13.
17. Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 5.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. С. 2; ГАНО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1340. Л. 1.
19. Кузнецов Я.И. Характеристика общественных классов по народным пословицам и поговоркам // Живая старина. 1903. Вып. 3. Отд. 5. С. 396-404.
20. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 318.
21. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 53.
22. Свод законов о состояниях. Изд. И.И. Зубкова, СПб., 1911.
23. Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1972. С. 2-3.
24. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 54. Л. 124.
25. Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск, 1884. С. 26-32.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб. 1904. С. 2.
27. Костров Н. Историко-статистическое описание ... С. 3.
28. Памятная книжка Томской губернии на 1884 г. Томск, 1884. С. 26-32.
29. Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 3.
30. Первая всеобщая перепись ... С. 3.
31. РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 85а. Л. 50.
32. Куприянов А. И. Русский город ... С. 37.
33. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 179.
34. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 48. Л. Зоб.; Томские губернские ведомости. 1894. № 16.
35. Костров Н. Историко-статистическое описание ... С. 5.
36. Костров Н. Историко-статистическое описание ... С. 5.
37. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 179.
38. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 3. Кн. 1. Новосибирск, 1996. С. 118-119.
39. ГАНО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5.
40. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1959. Л. 796.
41. РГИА. Ф. 638. Оп. 1. Д. 210.
42. Скубневский В.А. Города Алтая второй половины XIX в. — центры торговли // Города Алтая. Барнаул, 1986. С. 137.
43. Костров Н. Историко-статистическое описание ... С. 5; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 54. Л. 124.
44. Матвеева В.Л., Гусаченко Л.Л. Колпачань историческая. С. 22.
45. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 221. Л. 4.
46. Ноздрин Г. А. Указ. соч. С. 12.
47. РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 33. Л. 190б.
48. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. С. 148-151.

Дом Кутца Карпова

Дом Кутцов Г.И. Пастухова и М.Ф. Лыбна, 1889 г.

Город Колывань в 60-е годы XIX в.

Чертеж выполнен на основе плана Колывани (ГААК, ф. 50, № 13, св. 13, ед. хр. 116) и материалов рекрутских списков (ГАНУ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 3, 14):

- 1 — собор Святой Живоначальной Троицы; 2 — д. Мельникова;*
- 3 — кладбище; 4 — почтовая контора;*
- 5 — Московско-Сибирский тракт; 6 — будущая ул. Московская;*
- 7 — будущая ул. Покровская (Революционный просп.);*
- 8 — границы города по "высочайше утвержденному" плану;*
- 9 — границы кварталов, размеченных по "высочайше утвержденному" плану; 10 — участки, на которых в соответствии с рекрутскими списками имелись жилые постройки*

СЕЛО ИРБИЗИНО ЧЕРНОКУРЬИНСКОЙ ВОЛОСТИ БАРНАУЛЬСКОГО УЕЗДА В 1917 ГОДУ

(По материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)*

Другу детства – Григорию Никитовичу Харченко и всем дорогим односельчанам посвящается.

Автор

Материалы переписи позволяют восстановить не все, но многие важные стороны истории села.

В литературе велось много споров, способно ли было и за какое время переселенческое хозяйство в своей основной массе освоиться и укрепить свое благосостояние в суровых условиях Сибири и при существующих порядках взаимоотношений с государством. Господствовали взгляды о провале переселенческой политики царского правительства и нищете основной части переселенцев. Село Ирбизино относилось к числу старых переселенческих поселений и имело достаточно времени для своего становления. Этим оно интересно. С другой стороны, выводы на основании материала по данному селу не могут считаться «чистыми», так как 1917 год – это было военное время, Первая мировая война длилась уже 3 года, и крестьянское хозяйство испытывало большие тяготы в связи с войной.

Для жителей села сведения об его историческом прошлом, тем более, накануне 1917 г., повернувшись по-новому всю жизнь крестьян, представляют особую значимость, открывая мир и образ жизни своих родных и близких в недалеком, но и не близком прошлом. Сейчас, когда многое в общественных порядках как бы возвращается, частное хозяйство и прочее, становится особенно интересно знать, лучше тогда было или хуже, правильный ли путь принимает современное реформирование сельского хозяйства и что оно несет крестьянину.

Конечно, существуют общие, «глобального» характера исследования о положении переселенцев Алтая и Сибири. Работа по отдельным селениям может содержательно дополнить общую картину, обрисовываемую в этих исследованиях, выделяя многообразие существовавшего положения и жизни переселенцев.

* Статья подготовлена по материалам анкеты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. – Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.231. Оп.1. Д.1127. В сборе материалы принимал участие ЕА. Стародумова.

Село Ирбизино расположено в северо-западной части Барнаульского уезда (на граничных землях современных Алтайского края и Новосибирской области). Это – лесостепная местность с хорошими черноземными землями и «коколками» листовенного характера. Происхождение странного названия села неясно: по одним сведениям оно дано по имени имеющего здесь поселение некоего «киргиза», по другим – по названию небольшого озера, находящегося в пределах села. В старое время село называли Ирбизень.

Проведенное нами в 1980-х гг. исследование подтвердило, что село Ирбизино было основано в 1888 г. Это исследование велось путем изучения опубликованных «Списков населенных мест Томской губернии», сопоставления старых географических карт и на основании других источников. В 1987 г. об этом была составлена «Справка» и по нашей инициативе в следующем, 1988 г., в селе были проведены торжества в связи со 100-летним юбилеем села.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. в селе было 282 домохозяйства, в которых насчитывалось 1729 человек. По сословной принадлежности это в основном были крестьяне и выходцы из казаков. Крестьяне составляли 140 домохозяйств (около 50%), крестьяне из казаков – 136 домохозяйств (48%). В селе проживало три представителя дворянского сословия, один мещанин, два служителя церкви. Крестьяне в ту пору делились на причисленных к селению и непричисленных. В Ирбизино непричисленных было 12 домохозяйств.

В первые два года, в 1888-1889 гг., здесь обосновались 8 семей. Основная масса жителей села, 247 семей, прибыла в Сибирь и поселилась в Ирбизино в 90-х гг. XIX в., причем, более половины семей – в 1896-1900 гг. В 1901-1917 гг. население села пополнилось только 23 семьями. Время прибытия в Сибирь и поселения в Ирбизино нескольких семей неизвестно (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Время поселения в Ирбизино

Годы	Количество семей	Процент
1888-1889	8	3
1890-1895	106	38
1896-1900	141	51
1901-1905	5	2
1906-1910	9	3
1911-1917	9	3
Всего	278	100

До этого не были известны основатели села. Теперь мы можем назвать имена этих замечательных людей.

Первыми известными по источникам поселенцами (1888 г.) были Колесников Михаил Гурьевич, Тамбовский Иван Дмитриевич. Оба они переселились из Тамбовской губернии. К основанию села имеют отношение также семьи Семенякиных (по-видимому их было две или даже несколько). Предположительно это были Семенякины Ефим (отчество не всегда можно установить) и Данил Васильевич, которому в 1917 г. уже было 80 лет. В 1917 г. имелось 4 семьи под этой фамилией. В том числе Иван Ефимович (33 года) и Иван Данилович (37 лет). Они были детьми в момент поселения семей в 1888 г. В 1917 г. один из Семенякиных (кто именно, не установлено) являлся председателем ирбизинского сельского комитета (старостой села). Семенякины переселились из Курской губернии. Любопытно, что население Ирбизино почти сплошь было украинским, но основали его русские.

Колоритной фигурой был один из основателей села – М.Г. Колесников. В 1917 г. ему было уже 89 лет, но он принимал участие в сельхозработах. Его жена – Пелагея Митвеевна – была моложе его на 24 года, ей было 65 лет. Первооснователи села жили неважно. Внук в 22 года был призван в армию. Оставалась сноха с 3-летней дочерью. Несмотря на трудности, они поддерживали хозяйство: имелось 2 рабочих лошади, держали 2 коров с 2 теленками, 4 овцы с ягнятами, посева же было всего 2 дес. Из инвентаря имелся только плуг, телега да и та на деревянном ходу.

Основатели села были людьми крепкими. Другому из них, И.Д. Тамбовскому, как и его жене – Пелагее Ивановне – было при переписи по 70 лет, но Иван Дмитриевич также сам работал по хозяйству. Грамоты они не знали. Хозяйство у них было покрепче, хотя на руках были малолетние внуки (трое), скота имелось на дворе 36 голов, но засевали только 4 дес.

Говоря о первых поселившихся семьях, надо, конечно, иметь в виду, что среди них мог быть еще кто-то, а затем эти семьи могли выехать или не сохраниться по другим причинам. Но имена первых нам известных должны быть сохранены в памяти односельчан: М.Г. Колесников, И.Д. Тамбовский, Ефим и Данил Васильевичи Семенякины. Они заслуживают и какого-то знака памяти со стороны потомков и современной администрации села.

В следующем, 1889 г., в селе поселились Аулов Федор, Мишуров Яков, Рыбальченко Дмитрий, Сергиенко Степан (в момент переписи их уже не было в живых, но жива была жена Степаненко С. Наталья в 90 лет).

В последующие два года здесь поселялось по 2 семьи. Это был, в 1890 г., Шалюпа Аврам Павлович и первый из многочисленных потомков Боженко-

вых – Боженко Никита, ему при переписи было 90 лет. А в 1891 г. поселились Марченко Иван Данилович и Чех Илья. С 1892 г. наплыв переселенцев резко уолился: этим годом считали время своего поселения во время переписи уже 15 семей, в том числе И. Алещенко, Ф.Ф. Буцкая, К.Н. Боженко, Н.Д. Боженко, Н.К. Боженко, Т.П. Харченко и другие. Но по настоящему обвальным процесс переселений приобрел в 1893 г. – этим годом считали в 1917 г. время своего поселения 56 семей. Уточним: это не значит, что именно столько семей приехало вновь, так как в 1893 г. часть из хозяев 1917-го года находилась в составе семей своих родителей, а потом уже выделилась в самостоятельные хозяйства. Затем темп заселения несколько спал. Следующий, 1894 г., считали временем своего поселения 17 семей. Среди них находился и дед автора данной статьи, Боженко Андрей Яковлевич.

Последними в селе поселились: в 1914 г. – Г.Ф. Иващенко, Е.А. Мироненко, М.К. Шкурке, в 1915 г. – Д.С. Евтушенко, в 1916 г. – П.И. Цыганенко, и в 1917 г. – священник А.Ф. Попов и его сын – исадомщик – С.А. Попов.

Село Ирбизино было типичным старым переселенческим поселением. Основную массу населения села представляли выходцы из Полтавской губернии, причем, семьи переселялись в Сибирь целыми родственными группами. Но первыми из известных по переписи, как говорилось выше, прибыли в Сибирь крестьяне из Тамбовской и Курской губерний. Выходцев из этих губерний было к 1917 г. соответственно 2 и 13 семьи. Первым из Полтавской губернии здесь поселился Боженко Никита. В селе проживал также один непричисленный переселенец с семьей из Киевской губернии; 5 переселенцев из Черниговской; 2 семьи – из Воронежской губернии; 5 семей, прибывших в Ирбизино из других мест Томской губернии. По национальной принадлежности основная масса населения, проживавшего в Ирбизино в 1917 г., была представлена украинцами.

Украинский состав населения село сказывается вплоть до наших дней: в традициях быта, одежды, домостроительства, языка и всего менталитета людей. Еще бытуют украинские песни, вышивки, побеленные избы, смешанный с украинским русский ломанный язык и другие приметы. Но связи с Украиной теперь уже почти утрачены.

Крестьянские семьи по современным меркам были большими. Представление об этом дает таблица 2, правда, в ней включены и отсутствовавшие в то время по призыву в армию и другим причинам (свыше 200 человек).